

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет политологии

Ребров Сергей Александрович

Выпускная квалификационная работа

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
СТРУКТУРАЛИСТСКОГО МАРКСИЗМА**

МК.3030.2018 «Политология» по направлению подготовки кадров высшей
квалификации 41.04.04 «Политические науки и регионоведение»

Научный руководитель:

профессор, доктор философских наук

Гуторов Владимир Александрович

Рецензент:

доцент, кандидат философских наук

Завершинская Наталья Александровна

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЕНИЕ

Введение -----	4
Глава 1. От политической экономии – к экономической идеологии: Марксизм и философское отрицание политики -----	21
1.1. Теоретико-методологические аспекты и базовые понятия исследования--- -----	21
1.2. Экономизация политического знания: парадокс физиократов-----	32
1.3. Либеральный горизонт политической философии К. Маркса-----	43
1.4. Кризис экономической идеологии и возвращение политического-----	53
Глава 2. Материалистические основания политической философии Л. Альтюссера -----	63
2.1. Французский неомарксизм: исторический и интеллектуальный контекст-- -----	63
2.2. Эпистемологический разрыв и расколдовывание политической экономии-----	69
2.3. Политическая практика нового государства-----	84
2.4. Алеаторный материализм и преодоление марксистской метаполитики---- -----	97
Глава 3. Понятие политического в постальтюссерианской философской мысли -----	109
3.1. Общие направления эволюции политической философии структуралистского марксизма-----	109
3.2. Множество как новый революционный субъект (А. Негри, Э. Балибар)--- -----	115
3.3. От метаполитики до ультраполитики (Ж. Рансьер, Э. Лаклау, Ш. Муфф)-- -----	125
Заключение -----	138

Список использованных источников-----143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На протяжении всей своей многовековой истории политическая философия как дисциплина постоянно перерождалась, находя не только новые объекты внутри собственной проблематики, но и полностью переписывая любой возможный язык описания политики и политического. Несмотря на то, что на сегодняшний день едва ли можно говорить о существовании единой трактовки к пониманию феномена политического, те проблемы, что ставили перед собой представители самых различных традиций в истории политической философии, сохраняют актуальность до сих пор.

Поиск определения самой категории политического, природа и сущность политической вражды, доказательства необходимости политического участия широких масс – все данные вопросы (как и многие другие) продолжают оставаться востребованными среди тех современных мыслителей, которые действительно претендуют на серьёзное философское осмысление сферы политики. В этой связи политическая философия как дисциплина внутри политической науки (политическая теория), так и за её пределами неразрывно связана с актуальными событиями в современном мире. То есть, невзирая на все технологические новшества нашего времени, политика до сих пор остаётся важнейшим предметом философской рефлексии, что лишь подтверждает насущную необходимость выработки новых концептов, основываясь на достижениях великих мыслителей прошлого.

На сегодняшний день идейно-теоретическое наследие Карла Маркса как политического философа продолжает оставаться поводом для дискуссий, связанных с неоднозначностью теории и практики социалистических преобразований в XX веке. В этой связи мы постоянно сталкиваемся либо с апологетической точкой зрения на марксизм, либо же с радикально-нигилистическим восприятием философии Маркса, которая, невзирая на официальное оформление советского марксизма-ленинизма, остаётся

важнейшей составляющей интеллектуальной истории Западной Европы. Вместе с этим та идейно-теоретическая традиция, которую в своё время задал сам Маркс была неразрывно связана с проблематикой XIX века, то есть того отрезка времени когда представление о политике выстраивалось строго определённым образом. В результате уже при жизни немецкого мыслителя отдельные составляющие его учения подверглись существенному переосмыслению, с чем он сам был далеко не всегда согласен. Можно сказать, что и поныне фигура Маркса остаётся перспективной темой в рамках новых проектов переосмысления классических авторов наряду также с такими мыслителями как Макиавелли, Гоббс, Гегель и др., однако именно фигура Маркса до сих пор является определенным символом леворадикального политического протеста в разных странах мира.

В контексте дискуссий об актуальной политике одним из ключевых вопросов становится тема того, насколько же именно соответствуют современные интерпретации работ немецкого мыслителя тем или иным догматам марксистской традиции, сформулированной не столько самим Марксом, сколько его многочисленными последователями. Многие современные политические философы (или учёные-гуманитарии) активно обращаются к учению Маркса, но немногие из них при всём этом действительно являются носителями марксистских взглядов на политику, историю и экономику. В этой связи можно согласиться с точкой зрения современного социолога Й. Терборна, согласно которой будущие поколения теоретиков, несомненно, будут читать Маркса, однако маловероятно, что многие из них осознанно назовут себя марксистами¹.

В условиях интеллектуального пространства XX века марксизм с одной стороны являлся как официальной идеологией СССР и других стран со схожей политической системой, так и крупнейшим полем философских экспериментов, направленных на трансформацию учения Маркса в контексте возникновения новых форм социо-гуманитарного знания. Западный марксизм

¹ Й. Терборн. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 240-241.

(неомарксизм) представлял собой совокупность подобных проектов переформатирования наследия Маркса в плоскости иных философских направлений мысли: феноменологии, неогегельянства, экзистенциализма, структурализма и тд. Особое место среди различных неомарксистских школ занимает традиция французского структуралистского марксизма, изначально возникшая в процессе интерпретаций отдельных произведений К. Маркса в 60-е годы во Франции. Особо стоит подчеркнуть, что в дальнейшем данное обстоятельство не помешало представителям вышеописанного направления выйти не только за пределы непосредственно «марксистской теологии»², но и преодолеть ряд изначальных догматов учения Маркса, что в итоге создало предпосылки для создания уже оригинального проекта новой политической философии.

Отталкиваясь от данного тезиса, многочисленные исследователи со всего мира обращаются к произведениям представителей французской школы структуралистского марксизма, а также к тем авторам, что серьёзным образом восприняли политико-философские концепции данного направления, перешедшего впоследствии в более широкий круг теоретиков, связанных между собой за счёт схожего понимания природы политического. Помимо всего прочего публикация многочисленных посмертных рукописей создателя структуралистского марксизма Луи Альтюссера в последние десятилетия на Западе позволяет по-новому взглянуть на ключевые положения, так называемой, альтюссерианской философской мысли.

В российском политологическом сообществе сама по себе традиция исследований политической философии насчитывает десятилетия. Будучи ныне свободными от идеологического контроля со стороны властей, российские исследователи изучают не только классических авторов, но и непосредственно тех, кого можно отнести к современным политическим

² В наиболее распространённом виде данный термин использовался французским социологом Раймоном Ароном с целью критики многочисленных попыток отдельных мыслителей представить учение Маркса сквозь призму собственной философской системы, воспроизводя, фактически, деятельность средневековых теологов; См.: Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 200.

теоретикам, создающим интеллектуальное поле для нынешних философских представлений о политике. Очевидно также, что изучение современных политических процессов, основанное на новейших научных и философских теориях, не может представлять чисто теоретический интерес. Политическая философия как таковая возникла вследствие острой необходимости поиска ответов на вопросы окружающей действительности, связанной как с совместными формами человеческого бытия, так и с антагонистической враждой определённых социальных групп, что лишь подтверждает необходимость обновления наших представлений о сущности политики и политического.

Степень научной разработанности темы. Не касаясь подробно того значительного массива исследовательской литературы, посвящённой непосредственно природе и классификации знания о политике³, стоит остановиться подробно на двух группах источников, связанных уже напрямую с тематикой исследования: 1) работы, посвящённые анализу как марксистской интеллектуальной традиции в целом, так и отдельным историческим и интеллектуальным контекстам, связанным с её генезисом; 2) работы, в которых подробно рассматриваются политико-философские позиции представителей французской школы структуралистского марксизма и тех мыслителей, что впоследствии отошли от данных идейно-теоретических воззрений, существенно переосмыслив ряд изначальных концептов.

Стоит особо отметить, что данное исследование ни в коем случае не претендует на всесторонний анализ структуралистского марксизма как

³ Алексеева Т. А. Предмет политической философии // Полис. Политические исследования. 1992. №3; Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018; Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: «Вече», 1999; Гуроров В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. Политические исследования. 2001. №3; Политическая теория в XX веке / под ред. А.В. Павлова. М.: Территория будущего, 2008; Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014; Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000; Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010; Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна. М.: Аспект Пресс, 2009; Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; Marchart O. Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

единого направления мысли, чьи представители работали в самых различных областях социо-гуманитарного знания, включая философию, политологию, антропологию, социологию, литературоведение и тд. Помимо всего прочего отдельные сторонники и интерпретаторы Л. Альтюссера жили и работали в разных частях Европы и Америки, что в итоге привело к серьёзному влиянию национально-интеллектуальных контекстов на отдельные сегменты альтюссерианской традиции.

Несмотря на значительный рост интереса к текстам представителей традиции структуралистского марксизма среди зарубежных исследователей в последние десятилетия, комплексный анализ линии философской интерпретации природы политического на основе многочисленных посмертных публикаций Альтюссера отсутствует до сих пор.

В рамках российского интеллектуального пространства первые работы, посвящённые непосредственно теоретикам школы структуралистского марксизма появились ещё во времена СССР. Особого упоминания заслуживают исследования таких авторов как Н.С. Автономова, Е.А. Самарская и М.Н. Грецкий⁴. Стоит отметить, что, несмотря на жёсткие идеологические стандарты тогдашних историко-философских исследований, многие тексты тех лет были написаны с высокой степенью профессионализма, что, однако, также было связано с тем фактом, что ряд рассматриваемых теоретиков являлись членами официальных коммунистических партий, чьих представителей запрещалось подвергать разгромной критике.

Работы же нынешних российских специалистов (диссертации, статьи и монографии), напрямую относящиеся к проблематике данного исследования,

⁴ Сахарова Т.А. Марксизм и гуманизм (по материалам дискуссии во французском журнале «La Nouvelle critique» 1965–1966) // Вопросы философии. 1966. № 8; Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977; Автономова Н.С. Этапы идейной эволюции Луи Альтюссера // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М.: Наука, 1987; Самарская Е.А. Понятие практики у К.Маркса и современные дискуссии (диалектика объективного и субъективного в истории). М.: Наука, 1977; Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах / Ред. Мысливченко А.Г. М.: Наука, 1984; Грецкий М.Н. Марксистская философия в современной Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

условно можно разделить на те, что посвящены анализу философских позиций самого Л. Альтюссера, и на те, в которых рассматриваются отдельные тексты его бывших учеников и последователей. К первой категории относятся исследования таких авторов как И.А. Гобозов, Н.В. Шихардин, И.А. Матвеев и тд.⁵ Вторая же группа исследователей включает в себя С.А. Гашкова, А.А. Саркисянца, А.А. Перцева и др⁶. В рамках современных академических исследований российские специалисты, как правило, концентрируются на сравнительном анализе отдельных представителей французской школы структуралистского марксизма, позволяющем прояснить многие нюансы развития данной системы мысли в целом.

Вместе с этим нельзя не отметить, что в связи с выходом многочисленных посмертных публикаций Альтюссера, перевернувших представление о традиции структуралистского марксизма в принципе, современные зарубежные исследователи уже осуществляют переинтерпретацию альтюссерианской политической философии в режиме реального времени, чего, к сожалению, нельзя сказать о российском политологическом сообществе, где до сих пор господствует представление о структуралистском марксизме как о чём-то однозначно устаревшем. Также в связи с отсутствием переводов на русский язык абсолютного большинства текстов как самого Альтюссера, так и его последователей и интерпретаторов, политическая философия структуралистского марксизма слабо представлена

⁵ Гобозов И.А. Луи Альтюссер – выдающийся философ-марксист XX века: Аутентичное прочтение Маркса. М.: ЛЕНАНД, 2015; Любутин К.Н., Шихардин Н.В. Альтернатива Луи Альтюссера: неомарксистский выбор. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010; Шихардин Н.В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. 2008. Т. 6. вып. 3; Шихардин Н.В., Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма // Вестник Самарского университета, 2009; Матвеев И.А. Ангажированность как характеристика политического знания (концепции Л. Альтюссера, М.Фуко, Ч.Р. Милса): диссертация кандидата политических наук: 23.00.01. М, 2013; Матвеев И.А. Альтюссер: политика теории // Неприкосновенный запас. 2012. № 85; Рисмухамедов И.А. Концепции идеологии А. Грамши и Л. Альтюссера и их рецепция в современном неомарксизме: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.01. СПб, 2003.

⁶ Гашков С.А. Этьен Балибар: «Равносвободие» и вызовы современности // ТОПОС: философско-культурологический журнал. 2015. №2-3; Саркисянец А.А. Место события: устройство политического у Жака Рансьера // Социология власти. 2016. №4 (28); Перцева А.А. Историзм и субъективация: от Фуко к Рансьеру и обратно // История философии, 2017. Т.22. №1; Матвеев И.А. Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3.

в России на уровне учебных программ, что лишь ещё раз подтверждает актуальность данного диссертационного исследования.

Среди зарубежных исследователей интерес к работам Альтюссера в последние годы постоянно растёт. Несмотря на то, что первые англоязычные исследования выходили ещё при жизни мыслителя⁷, публикация посмертных рукописей в контексте их сравнения с текстами выдающихся теоретиков-постальтюссерианцев позволила заново возродить интерес к Альтюссеру как к одному из наиболее выдающихся политических философов XX века. При всём этом ещё при жизни французского мыслителя структуралистский марксизм как политико-философский проект подвергался серьёзной критике как со стороны сторонников иных идейно-теоретических направлений мысли⁸, так и со стороны тех, кто ранее участвовал в интеллектуальном оформлении данной школы⁹. В этой связи современный американский исследователь У. Монтаг отмечал, что фактически к концу XX столетия критической литературы об Альтюссере в англоязычном мире было написано больше, чем той, где его идеи просто рассматривались с нейтральных позиций¹⁰.

Стоит отметить, что, несмотря на тот факт, что многие посмертные публикации Альтюссера смогли пролить свет на ряд изначально уязвимых положений структуралистского марксизма, некоторые критические замечания

⁷ Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016; Callinicos A. Althusser's Marxism. London, Pluto Press Limited, 1976; Jay, M. Marxism and Totality. Los-Angeles, University of California Press, 1984; Benton T. The Rise and Fall of Structural Marxism: Louis Althusser and His Influence. London: Macmillan, 1984; James S. Louis Althusser // The Return of Grand Theory in the Human Sciences / edited by Q. Skinner. Cambridge; London, Cambridge University Press, 1985; Poster M. Althusser on History without Man // Political Theory, 1974. № 2 (4).

⁸ Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012; Amin S. Spectres of Capitalism: A Critique of Current Intellectual Fashions. New York: Monthly Review Press, 1998; Kolakowski, L. Althusser's Marx // Socialist Register, 1971. № 8; Thompson E.P. The Property of Theory: Or an Orrery of Errors. London: Merlin Press, 1995; Schmidt A. History and Structure. An Essay on Hegelian-Marxist and Structuralist Theories of History. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1981. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. New York: Columbia University Press, 1986; One Dimensional Marxism: Althusser and the Politics of Culture / edited by S. Clark. New York: Schocken Books, 1980.

⁹ Rancière J. Althusser's Lesson. London; New York: Continuum, 2011.

¹⁰ Montag W. Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War. Durham; London: Duke University Press, 2013. P.1.

в адрес альтюссериянской политической философии продолжают сохранять актуальность вплоть до сегодняшних научных дискуссий.

В контексте учёта многочисленных посмертных рукописей Альтюссера за последние годы современными зарубежными исследователями было опубликовано множество работ, носящих как чисто историко-философский характер, так и претендующих на творческое развитие определённых сегментов альтюссериянской традиции, основываясь на идеях и концепциях иных мыслителей, схожих по проблематике. К первой категории относятся исследования таких авторов как У. Монтэг, Г. Эллиот, Г. Гашгариан, Э. Левин, Л. Ферреттер и др¹¹. Те же исследования, авторы которых претендуют на переосмысление отдельных аспектов альтюссериянской политической философии принадлежат П. Сотирису, М. Лахтинену, С. Пиппа, Э. де Ипола, В. Морфино и др¹². Вместе с этим отдельные концепции тех авторов, что в своё испытали серьёзное влияние Альтюссера, став впоследствии самостоятельными мыслителями также вызывают интерес у многих зарубежных исследователей. В силу жёсткой конкретизации предмета настоящего исследования стоит выделить работы таких авторов как О. Дэвис,

¹¹ Montag W. *Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War*. Durham; London: Duke University Press, 2013; Montag W. *Louis Althusser*. New York: Palgrave, 2002; Montag W. *Althusser's Lenin* // *Diacritics*. 2015. №2; Elliott, G. *Althusser: The Detour of Theory*. Boston, Brill, 2006; Levine A. *A Future for Marxism? Althusser, the Analytical Turn and the Revival of Socialist Theory*. London; Sterling; Virginia: Pluto Press, 2003; Goshgarian G.M. *The Void of the Forms of Historicity as Such* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2019. № 31 (3); Ferretter, L. *Louis Althusser (Routledge Critical Thinkers)*. London; New York: Taylor & Francis, 2006; Navarro F. *An Encounter with Althusser* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 1998. № 10 (30); Nowak J. *Louis Althusser's Critique of the Communist Party and the Question of the Postrevolutionary State* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2017. № 29 (2); Simons M. *Althusser, Foucault and French Epistemology* // *Pulse: A Journal of History, Sociology and Philosophy of Science*, 2015;

¹² Sotiris P. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston : Brill, 2020; Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009; Ípola de E. *Althusser, The Infinite Farewell*. Durham; London: Duke University Press, 2018; *The Concept in Crisis. Reading Capital Today* // Edited by Nesbitt N. Durham; London: Duke University Press, 2017; Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014; Pippa S. *Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of "Political Interpellation"* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2015. №31(3); Pippa S. *Althusser with Machiavelli: 'Thinking the Deed to Be Accomplished' as a New Materialist Practice of Philosophy* // *Stasis*, 2019. №8(2); Pippa S. *Althusser against Functionalism. Towards the concept of overinterpellation* // *Rev. Filosofia Univ. Costa Rica*, 2019. №152; Morfino V. *Althusser as Reader of Gramsci* // *Rev. Filosofia Univ. Costa Rica*, 2019. № 152; *Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought* / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013.

Т. Мэй, О. Маркхарт, Н. Хьюлетт и др.¹³.

В целом можно констатировать, что, несмотря на наличие серьёзных исследований истории политической философии структуралистского марксизма, комплексного исследования природы политики и политического, развиваемого отдельными представителями данной школы, не проводилось. Не предпринималось попыток проанализировать альтюссерианский политико-философский проект в общем контексте возвращения политического в континентальной философской мысли XX века. Также непосредственно отношения структуралистского марксизма с политической наукой, имеющей по большей части американское происхождение ранее тоже практически не рассматривались.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является анализ ключевых аспектов переосмысления проблематики политического внутри альтюссерианской политической философии, являющейся продолжением марксистской традиции с одной стороны, и преодолением её – с другой. Другими словами, в данном контексте речь идёт также о выявлении нескольких направлений эволюции альтюссерианского и постальтюссерианского понимания политического,двигающихся различными путями, сохраняя отдельные аспекты общего основания. В рамках достижения поставленной цели формируются следующие задачи:

- 1) Выявить изначальные пределы идей К. Маркса в контексте концепции неизбежного отмирания политики.
- 2) Реконструировать проект французского структуралистского марксизма и проанализировать его подход к критике различных вариаций экономической идеологии.
- 3) Рассмотреть специфику алеаторного материализма и его связь с

¹³ Marchart O. Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau. Edinburgh University Press, 2007; Hewlett N. Badiou, Balibar, Ranciere. Re-thinking Emancipation. New York: "Continuum Publishing group" 2007; May T. The Political Thought of Jacques Rancière. Creating Equality. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008; Davis O. Jacques Ranciere. Cambridge: Polity Press, 2010; Resistance in Practice: The Philosophy of Antonio Negri / edited by Murphy T.S., Mustapha. London: Pluto Press, 2005.

политической философией Л. Альтюссера.

- 4) Дать характеристику двум различным направлениям эволюции постальтюссерианской политической философии.
- 5) В соответствии с выводами, рассмотреть возможные варианты переинтерпретации работ Альтюссера в связи с современными дискуссиями о политическом.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования выступает рецепция понятия политического внутри марксистской интеллектуальной традиции, а предметом – идеи современных политических философов, связанных с французской школой структуралистского марксизма на идейно-теоретическом уровне.

Характеристика источников. В рамках работы над данным диссертационным исследованием использовались следующие группы источников: 1) Работы авторов, связанных с современными дискуссиями о политике и политическом; 2) Тексты представителей французской школы структуралистского марксизма и тех мыслителей, что испытали серьёзное влияние данного направления; 3) Исследования жизни и творчества как самого К. Маркса, так и его последующих интерпретаторов, относящихся к альтюссерианской традиции.

Непосредственно к первой группе источников относятся, в частности, работы Карла Шмитта, Жака Рансьера, Шанталь Муфф и Славоя Жижека¹⁴. Стоит уточнить, что, несмотря на наличие серьёзных идейно теоретических расхождений между подходами данных мыслителей, всех их объединяет общее восприятие политики как определённой формы объективного антагонизма, находящегося в жёсткой оппозиции по отношению к идеям универсальной морали и этики. Так, с точки зрения Ш. Муфф либеральная политическая философия традиционно рассматривала общество в виде гармоничного и бесконфликтного целого, что, по её мнению, не позволяет

¹⁴ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016; Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013; Mouffe С. On the Political. London; New York: Routledge, 2005; Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

мыслить политически¹⁵.

Ключевые характеристики политической философии Л. Альтюссера в рамках настоящего исследования были рассмотрены на основе таких его текстов как «Макиавелли и мы» (1972-1987), «Одиночество Макиавелли» (1977), «Маркс в своих границах» (1978), «Подземное течение материализма столкновения» (1982), «О воспроизводстве» (1968-1970), «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970), «Что делать?» (1978), «О Леви-Строссе» (1963), «Гуманистическая полемика» (1967), «Маркс и история» (1975), «Об истории» (1986) и других¹⁶. Помимо всего прочего при проведении данного исследования также были затронуты такие фундаментальные произведения Альтюссера как «За Маркса» и «Читать “Капитал”»¹⁷, которые хоть и не напрямую связаны с тематикой исследования, тем не менее, содержат в себе ряд концептов и тем, развиваемых самим мыслителем в своих более поздних работах.

В процессе анализа позиций авторов, относящихся напрямую к постальтюссеризму, использовался ряд их политико-философских текстов, касающихся современного определения политики и политического. В данном аспекте ключевыми текстами стали работы Э. Балибара, А. Негри, Ж. Рансьера, Э. Лаклау и Ш. Муфф¹⁸. В силу идейно-теоретических различий

¹⁵ Mouffe C. On the Political. London; New York: Routledge, 2005. P. 10-11.

¹⁶ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3 (77); Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999; Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London; New York: Verso, 2014; Althusser L. History and Imperialism: Writings, 1963-1986. Cambridge: Potity Press, 2020; Althusser L. Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006; Althusser L. What Is To Be Done? Cambridge: Polity Press, 2020; Althusser L. The Humanist Controversy and Other Writings (1966-67). London; New York: Verso, 2003.

¹⁷ Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006; Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997.

¹⁸ Balibar E. Masses, Classes, Ideas: Studies on Politics and Philosophy Before and After Marx. New York; London: Routledge, 1994; Balibar E. Politics and the Other Scene. London; New York: Verso, 2002; Balibar E. Spinoza and Politics. London; New York: Verso, 2008; Balibar E. Spinoza, the Transindividual. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020; Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006; Negri A. The Savage Anomaly: the Power of Spinoza's metaphysics and politics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991; Negri A. Insurgencies: Constituent Power and the Modern State. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999; Rancière J. Althusser's Lesson. London; New York: Continuum, 2011; Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013; Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006; Laclau E., Mouffe C. Hegemony

данных мыслителей между собой их позиции были классифицированы автором по двум группам, каждая из которых в той или иной степени продолжает отдельные положения альтюссерианской политической философии.

Непосредственно к третьей группе источников относятся монографические исследования творчества и жизни как самого К. Маркса¹⁹, так и его последующих интерпретаторов и критиков, относящихся к французской традиции структуралистского марксизма²⁰. В особенности стоит подробно остановиться на исследовании современного французского политического теоретика П. Розанваллона, являющееся, по мнению ряда специалистов, одним из лучшим примеров критического анализа базовых политико-философских оснований марксизма как такового. Несмотря на тот факт, что сам Розанваллон никогда не принадлежал к французской школе структуралистского марксизма, многие положения последующей критики марксистской метаполитики со стороны мыслителей-постальтюссерианцев тесно переплетаются с положениями его работы.

Методологическая основа исследования. В связи со спецификой рассматриваемой проблематики автор использует междисциплинарный подход. В самой работе используется совокупность методов философской герменевтики, относящейся к различным направлениям и школам. Герменевтический метод предполагает в качестве используемой методологии

and Socialistic Strategy. London, New York: Verso, 2001; Mouffe C. On The Political. London; New York: Routledge, 2005; Mouffe C. The Return of the Political. London; New York: Verso, 1993; The Challenge of Carl Schmitt / edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999.

¹⁹ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000; Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма // Избранные труды: В 5 т. Т. 1. Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014; Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм // Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014; Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017; Bidet J. Exploring Marx's Capital: philosophical, economic and political dimensions. Boston, Brill, 2007; Negri A. Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse. London: Pluto Press, 1991.

²⁰ Montag W. Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War. Durham; London: Duke University Press, 2013; Sotiris P. A Philosophy for Communism : Rethinking Althusser. Leiden; Boston : Brill, 2020; Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Boston, Brill, 2009; May T. The Political Thought of Jacques Rancière. Creating Equality. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008; Marchart O. Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau. Edinburgh University Press, 2007.

единство и глубину проникновения толкуемого автора в исследуемый материал. Однако помимо чисто исторических аспектов авторская интерпретация, возникшая в процессе проведения данного исследования, не исключает и собственной философской позиции по отношению к тем или иным произведениям, что, как указывает Поль Рикёр, позволяет мыслить вслед за рассматриваемым автором, вместе с ним и навстречу ему²¹.

В методологическом плане данное исследование также многим обязано методологическому подходу немецко-американского философа Лео Штрауса, создавшего собственную уникальную школу исследования истории политической философии. Следуя подходу Штрауса, в данной работе история идей также рассматривается автором в контексте переплетений различных традиций как классической, так и современной политической философии. Те аспекты создания конкретных произведений, что были связаны с обстоятельствами идеологических ограничений своего времени, анализируются за счёт выявления скрытых подтекстов, отсылающих к подрывной деятельности в отношении устоявшихся философских догматов²². Как справедливо указывает С. Жижек, подход Штрауса также обладает серьёзным преимуществом в контексте исследования политической мысли ангажированных интеллектуалов²³, вынужденных высказываться внутри жёстких идеологических полей, что отчётливо прослеживается в работах Л. Альтюссера. Также, следуя подходу немецко-американского философа, в настоящем исследовании современная политическая философия также анализируется в относительно автономном пространстве по отношению к философии общей, которая, по мнению Штрауса, ещё со времён Макиавелли время от времени отстранялась от политики в зависимости от контекста.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Политическая философия К. Маркса изначально строилась как метаполитика – то есть, учение о необходимости естественного

²¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 237-238.

²² Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение Т. 11, № 3, 2012. С. 14.

²³ Жижек С. Ирак: История про чайник. М.: Праксис, 2004. С. 200.

отмирания политического в контексте движения к будущему коммунистическому обществу, основанному на господстве естественной гармонии индивидов.

- 2) Будучи закономерным продолжением идей А. Смита, марксизм заимствовал многие положения классической политической экономии, которые впоследствии оторвались непосредственно от экономической науки и перешли в сферу политической философии, связанной с телеологическим пониманием исторического процесса как движения к гармоничному обществу будущего.
- 3) Несмотря на то, что на изначальном этапе французский проект структуралистского марксизма возник в качестве новой интерпретации учения Маркса, его дальнейшая эволюция была связана с созданием предпосылок для выхода за пределы непосредственно марксистской традиции.
- 4) Альтюссеризм в целом является одним из течений общего движения по возвращению политического в интеллектуальной истории XX века наряду со шмиттеизмом, хайдеггеризмом и тд.
- 5) Алеаторный материализм как новая разновидность материалистической онтологии является основанием политической философии Л. Альтюссера.
- 6) Дальнейшая эволюция постальтюссеризмской политической философии была связана с её разделением на два направления: спинозистское и ультраполитическое. Сравнительный анализ данных течений показывает, что между ними существуют как точки пересечения (прежде всего, критическое отношение к любым предустановленным социальным порядкам, основанным на естественной гармонии), так и расхождения. Так, сторонники спинозистской линии основываются на необходимости политизации всего, то есть, чтобы политика являлась выражением онтологии общего, в то время как теоретики ультраполитики говорят о

политическом как о самостоятельной категории, предполагающей столкновения отдельных сообществ друг с другом. Как таковая сфера политического в этом смысле рассматривается как первопричина по отношению к социальному.

- 7) Дальнейшая переинтерпретация положений альтюссерианской и постальтюссерианской политической философии возможна в контексте развития критики современных гуманистических теорий социальной технократии (постанархизма, акселерационизма). В этой связи, с точки зрения автора, возможно сближение подходов Л. Альтюссера и К. Шмитта.

Научная новизна работы. Впервые в российской политической науке был проведён комплексный анализ ранее неопубликованных произведений французского философа Л. Альтюссера в контексте его понимания политического как самостоятельной категории. Несмотря на то, что данная тема хоть ранее и затрагивалась среди зарубежных исследователей, однако, чаще всего исследования подобного рода ограничивались исключительно историческим описанием отдельных положений традиции структуралистского марксизма. Также автором были выявлены изначальные противоречия альтюссерианского политико-философского проекта, связанные с необходимостью жёсткого соответствия определённым догматам марксистской теории, что в дальнейшем привело к серьёзной критике учения Маркса как со стороны самого Альтюссера, так и со стороны многих его бывших учеников и последователей.

В ходе диссертационного исследования была развита и дополнена типология направлений постальтюссерианской политической философии, предложенная в своё время С. Жижеком²⁴. Также в работе присутствует основа для новой интерпретации альтюссерианства в контексте его

²⁴ См.: Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 233-281.

возможного сближения со шмиттеанской традицией определения политического.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Данное исследование проясняет ряд идейно-теоретических проблем, связанных с интеллектуальным оформлением французского структуралистского марксизма. Та линия философского описания природы политического, что была создана самим Альтюссером, а затем продолжена его отдельными учениками и последователями, была конкретизирована автором, что может стать дальнейшим ориентиром в рамках современных политологических дискуссий о политике как о ключевой составляющей политической науки как таковой.

Данное исследование может служить основой для дальнейшего исследования как современной французской политической философии в принципе, так и отдельных направлений эволюции западного марксизма. Кроме того, результаты данной работы могут быть использованы в качестве материалов лекционных и семинарских занятий по истории современной политической мысли.

Апробация работы. Результаты настоящего исследования были опубликованы в научных журналах и сборниках статей²⁵, входящих в РИНЦ, а также выносились на обсуждение в рамках научных конференций²⁶.

²⁵ Ребров С.А. Карл Маркс и Луи Альтюссер: аутентичность и реконструкция марксизма // Философия и общество. 2020. № 3(96). С. 67-82; Ребров С.А. Феномен «политического» в марксистской традиции. К вопросу о междисциплинарном конфликте. // В сборнике: Актуальные проблемы современного общества. Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции (17 – 18 июня 2019), Орёл, Российская Федерация / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В.П. Степанова, канд. филос. наук, доц. С.М. Губаненковой. Орёл: Модуль-К, 2019. С. 143-147; Ребров С.А. Непризнанный марксизм в СССР: археология изучения.: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых учёных и специалистов «С1ю-2019» / [отв. Редактор А.К. Сорокин]. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 335-338; Ребров С.А. Возможна ли марксистская политология? // В сборнике: Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики. Материалы V Всероссийского Форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г. / Под общей ред. И. А. Помингуева, Р. В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 189-191.

²⁶ Международная научная конференция «Научное наследие Карла Маркса: современная цивилизация и капитализм (200-летию со дня рождения К.Маркса посвящается), Санкт-Петербург, Социологический институт РАН, 5-6 октября 2018 г.; V Форум молодых политологов «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: идеи, субъекты, институты и практики», Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, 8 декабря 2018 г.; Девятая Международная конференции молодых ученых и специалистов "КЛИО-2019. Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени". Российский

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав с подпунктами, заключения и списка литературы.

Глава 1. От политической экономии – к экономической идеологии: Марксизм и философское отмирание политики

1.1. Теоретико-методологические аспекты и базовые понятия исследования

Ключевой задачей в рамках данного раздела является сравнительный анализ различных политологических и политико-философских понятий настоящего диссертационного исследования, таких как структуралистский марксизм, альтюссеррианство и постальтюссеррианство. Однако перед этим стоит подробно остановиться на критическом разграничении различных форм политического знания как такового.

Следуя различным типологиям разграничения политического знания, те или иные исследователи постоянно используют такие термины как «политическая мысль», «политическая философия», «политическая онтология», «политическая теология», «политическая теория» и «политическая наука» (политология). В этом смысле определения различных форм политического знания серьёзным образом различаются у конкретных исследователей, принадлежащих к определённым культурным и интеллектуальным традициям. Так, в англоязычном интеллектуальном пространстве, как правило, предпочитают использовать разделение между политической наукой, занимающейся анализом эмпирических данных, и непосредственно политической теорией, обобщающей эмпирические доказательства в виде разнообразных теорий демократии. Вместе с этим даже подобный сциентистский подход никогда не являлся общепринятым даже среди англоязычных авторов, что теоретически можно интерпретировать в качестве «гражданской войны» внутри политической теории²⁷.

Словосочетание «политическая философия», как правило, внутри англо-

²⁷ Павлов А.В. Гражданская война политической теории // Политическая теория в XX веке: Сборник статей / Под ред. А. Павлова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 7-8.

американского публичного поля используется в качестве синонима термина «политическая теория», однако даже в этом случае возникают разногласия. Так, американский политический теоретик немецкого происхождения Х. Арендт отделяла политическую теорию непосредственно от политической философии, существование которой представлялось ей крайне проблематичным по причине враждебности как такового философского знания по отношению к политике²⁸.

В противоположность позициям Арендт можно привести точку зрения американского политолога Г. Алмонда, противопоставляющего, основанную на эмпирических методах, политическую науку как американское явление, политической теории, связанной с традицией классической политической философии²⁹. То есть здесь следует констатировать, что даже среди представителей одного и того же интеллектуального пространства не существует однозначных определений тех или иных форм политического знания. Однако при сравнении позиций Х. Арендт и Г. Алмонда стоит обратить внимание на то, что, несмотря на противоречия, обе позиции вышеуказанных авторов исходят из идеи объективного знания о политике, недоступного как философам по причине их изначальной враждебности по отношению к политике, так и политическим теоретикам, не опирающимся на эмпирические данные.

В контексте сравнения политической теории и политической философии можно согласиться с тем суждением, что данные словосочетания действительно чаще всего синонимичны по отношению друг к другу. Вместе с этим непосредственно политическая теория как самостоятельный термин больше связан с нормами американского научного поля, ориентированного на критическое отношение к метафизическим темам, с которыми негласно ассоциируется философия как дисциплина (отсюда и низкая популярность

²⁸ Арендт Х. Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г. // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. С. 5.

²⁹ См.: Almond G.A. Political Theory and Political Science // The American Political Science Review. 1966. V. 60. № 4. P. 870.

термина «политическая философия» в США³⁰).

Говоря же об идейно-теоретическом различии политической философии и политической теории, можно согласиться с точкой зрения П. Вагнера, согласно которой политическая теория возникла вследствие возникновения политической экономики, разделившей классическую политическую философию непосредственно на политическую теорию, опирающуюся на концепцию общественного договора и на моральную философию, основанную на идеях свободного обмена³¹.

Несмотря на то, что во многих странах континентальной Европы институционально политическая философия является частью политической науки, их разделение серьёзным образом основывается на соотношении научного и философского знания как таковых. Более обобщающим понятием в данном аспекте выступает «политическая мысль», объединяющая любые возможные формы политического знания. В отличие от политической философии политическая мысль как отрасль знания не претендует на построение истинного знания о сущности политического, что, однако, компенсируется односторонним включением политической философии непосредственно в политическую мысль. Как писал Л. Штраус: «...Следовательно, вся политическая философия есть политическая мысль, но не всякая политическая мысль есть политическая философия. Политическую мысль саму по себе не заботит различие между мнением и знанием; напротив, политическая философия являет собой сознательное, последовательное и неустанное усилие, направленное на замену мнений о политических принципах, знанием о них...»³². Отталкиваясь от подхода Штрауса, также становится возможным провести различие между политической философией и политической теологией, основанной на божественном откровении, в котором всё-таки не нуждается какая-либо

³⁰ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 34.

³¹ Вагнер П. Социальная теория и политическая философия // Логос. 2008. №6. С. 64.

³² Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С.11.

отрасль философского знания³³.

Вопрос же о том, как в действительности соотносятся политическая философия как самостоятельная дисциплина и философия, понимаемая в качестве пересечения отдельных отраслей философского знания, также является одним из наиболее фундаментальных тем в рамках современных дискуссий о структуре социо-гуманитарных дисциплин. Ключевая трудность в данном аспекте связана с тем, что многие политические философы являлись представителями различных дисциплин: философии, политологии, истории, экономики и тд. То есть политическая философия как дисциплина имеет не только разные языки описания, связанные с родом занятий конкретных мыслителей, но и разнообразные внутренние структуры, сближающие её с иными дисциплинами (экономикой, историей и тд). В этом смысле одной из наиболее распространённых форм философской рефлексии о политическом выступает политическая онтология, позволяющая, по выражению П. Бурдье, занять ту или иную политическую позицию, высказываясь исключительно философски³⁴.

Характерной чертой политической онтологии выступает взгляд на политику лишь как на общую часть какой-либо собственной онтологической системы, не имеющей какого-либо приоритета над остальными. По этой причине политические онтологи, как правило, являются философами, интересующимися политикой лишь на уровне собственной дисциплины. Данный вывод, конечно, не означает, что непосредственно политические философы в этом смысле теоретически не могут заниматься условно неполитическими видами философского знания, однако в их случае – именно политика, выступает в качестве основания, не редуцируемого к до- и внеполитическим «сущностям» и не выводимая из них³⁵. Учитывая, что в связи с «онтологическим поворотом» последних десятилетий политическая философия начинает всё больше приобретать статус самостоятельной

³³ Там же. С. 12.

³⁴ Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Практикс, 2003. С. 22.

³⁵ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 13.

области знания, произвести различие между данными направлениями сегодня становится всё легче.

Определившись со статусом политической философии как дисциплины, затрагивающей общие основания представления о политике как таковой, стоит уточнить, что далеко не все современные политические философы готовы согласиться с данным статусом собственной отрасли знания. Так, современный политический философ Ж. Рансьер придерживается мнения о том, что сам по себе термин «политическая философия» в достаточной степени парадоксален. Учитывая, что ещё с самого начала зарождения политической философии в Древней Греции её представители строили собственные размышления на необходимости подчинения политики устоявшейся структуре социальных связей («полиции» в терминологии Рансьера), французский мыслитель склонен скептически относиться к данному термину³⁶. Другими словами, политическая философия в этом смысле воспринимается им просто как «политика философов».

Принимая во внимание точку зрения Рансьера, ключевым вопросом в рамках данного переопределения становится вопрос об ангажированности взгляда на феномен политики как таковой, что крайне затрудняет саму по себе возможность формирования обобщающих категорий в контексте исследования политического знания. Как отмечает британский историк К. Скиннер, какие-либо возможные определения категории политического изначально зависят от терминологических и идеологических основ того или иного политического языка. Например, при возможном столкновении носителя либеральных воззрений с радикально-настроенным марксистом - их понятия «политического» будут неизбежно противоречить друг другу в связи с изначальными пределами их терминологических словарей³⁷.

Исходя из данного обстоятельства, в рамках настоящего исследования выбор того или иного языка описания структуры политического со стороны

³⁶ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 13-14.

³⁷ Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. №3. С. 147.

автора также автоматически будет означать выбор стороны конфликта между отдельными языками современной политической философии. По этой причине с целью наиболее объективного анализа политико-философских позиций французского структуралистского марксизма, методологические характеристики данного исследования относятся к антагонистической традиции в истории политической философии, связанной напрямую с признанием фундаментальной роли конфликтов внутри политического процесса. Несмотря на то, что данная традиция довольно часто ассоциируется непосредственно с формами консервативного дискурса, её представители исторически придерживались диаметрально противоположных политических взглядов. Так, ключевыми теоретиками антагонистического направления в политической философии одновременно являются и К. Шмитт, использующий категорию политического в качестве публичного различения друзей и врагов³⁸, так и Ш. Муфф, рассматривающая политический антагонизм в качестве базового основания собственного проекта радикальной демократии³⁹.

Стоит уточнить, что, несмотря на тот факт, что многие исследователи не связывают напрямую альтюссеризм с антагонистической традицией в политической философии, современные мыслители-постальтюссеризанцы противопоставляют собственные концепции той политико-философской линии, что концентрируется на вопросах справедливости и дискурсивной этики⁴⁰. В рамках данного диссертационного исследования автор также постарается доказать, что исходные постулаты подобной интерпретации политического как некоторого разрыва с действующей конъюнктурой можно обнаружить ещё в текстах самого Л. Альтюссера (как прижизненных, так и посмертных).

Помимо всего прочего именно политическая философия как

³⁸ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 305.

³⁹ Mouffe С. *On The Political*. London; New York: Routledge, 2005. P. 10-11.

⁴⁰ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 233-235.

самостоятельная дисциплина являлась главным объектом научной и преподавательской деятельности Альтюссера на протяжении его работы в ВНШ. В условиях французской академической культуры политическая философия долгое время практически полностью игнорировалась в плане учебных программ по философии⁴¹, что серьёзным образом отображалось на отношении многих тогдашних ангажированных интеллектуалов к системе французского образования. Так, сам Альтюссер писал: «...Вот только один пример: лишь недавно несколько французских университетских философов принялись изучать величайших теоретиков политической философии — Макиавелли, Спинозу, Гоббса, Гроция, Локка и даже Руссо, «нашего» Руссо. Еще каких-нибудь тридцать лет назад изучать этих авторов считалось пустым занятием, уделом литераторов и юристов...⁴²».

При этом даже если обратить внимание на список тех мыслителей, о которых французский философ писал на протяжении всей жизни (Макиавелли, Спиноза, Монтескье, Руссо, Маркс и тд) то не останется сомнений в том, что именно политическая философия являлась основной областью интересов Альтюссера⁴³.

Однако, учитывая базовые характеристики марксистского политического языка, важно подчеркнуть, что при исследовании марксизма как интеллектуальной традиции нельзя обойтись без обращения непосредственно к политической экономии. Опуская тот факт, что большинство сторонников учения К. Маркса настаивают на экономическом понимании политики, в рамках данного исследования неизбежным становится также частое обращение к истории экономической мысли, позволяющее выявить различные подходы к пониманию взаимоотношений категорий политического и экономического за счёт качественного сравнения подхода того или иного мыслителя.

⁴¹ Арон Р. Пристрастный зритель. М.: Праксис, 2006. С. 29.

⁴² Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005. С. 17.

⁴³ Собственно даже первый проект докторской диссертации Альтюссера назывался «Политика и философия Франции восемнадцатого века». См.: Dosse F. History of Structuralism. V.1. The Rising Sign, 1945-1966. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 294.

Определившись с положением политической философии как относительно самостоятельной области знания о политике, стоит остановиться на характеристиках тех ключевых понятий, которые уже напрямую связаны с предметом настоящего исследования.

В контексте политической философии школы Альтюссера, возникшей в середине 1960-х годов во Франции в связи с дискуссиями вокруг произведений К. Маркса, постоянно используются термины «структуралистский марксизм» и непосредственно «альтюссеризм», которые довольно часто рассматриваются как синонимы. Сам по себе феномен структуралистского марксизма также относится к названию международной интеллектуальной традиции, получившей распространение в ряде стран мира после публикации таких работ Альтюссера как «За Маркса» (фр. *Pour Marx*) и «Читать “Капитал”» (фр. *Lire le «Capital»*). Однако здесь важно подчеркнуть, что при всех особенностях данный термин исторически носил условный характер.

Возникновение структурализма как методологического движения в гуманитарных науках второй половины XX века принято связывать с появлением работ швейцарского лингвиста Ф. Де Соссюра, относящихся к проблематике структурной лингвистики⁴⁴. Те методики анализа языковых структур, что были основаны также и на исследованиях Р. Якобсона, предполагали использование исторической синхронии (то есть рассмотрение внутренних правил отдельных отрезков времени того или иного языка). Данный подход довольно быстро получил распространение среди иных направлений социо-гуманитарного знания: антропологии, социологии, истории, литературоведения и тд. Таким образом, возникло общее интеллектуальная парадигма, объединяющая таких мыслителей как К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан и др. Тот факт, что Л. Альтюссер также часто соотносится с данным направлением - указывает на то обстоятельство, что все вышеуказанные авторы исходили из общих методологических

⁴⁴ Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М. : РОССПЭН, 2011. С. 190-191.

позиций. Критический взгляд на прогрессистскую телеологию истории, поиск структурных оснований конкретных социальных совокупностей, методологический холизм – все данные характеристики были связаны со структуралистским движением, несмотря на то, что некоторые его представители отрицали собственную принадлежность к данному направлению. Например, М. Фуко однажды иронично заметил, что в его наиболее «структуралистской» работе («Слова и вещи») сам термин «структура» практически не использовался⁴⁵.

Согласно исследованиям У. Монтага, на начальном этапе собственного творчества Альтюссер действительно испытывал большой интерес к структуралистскому движению⁴⁶, который, однако, быстро сменился внутренней критикой ключевых положений структурализма как такового. В противовес пониманию концепта «структуры» как господствующего порядка, Альтюссер, ориентируясь на Спинозу, уже в 1963 году рассматривал структуру как форму причинности, полностью имманентной своим аффектам. То есть ещё до публикации своих наиболее известных «структуралистских» работ французский философ уже выступал с критикой того же Леви-Стросса в контексте его попыток поиска скрытых трансцендентальных порядков⁴⁷.

Вместе с этим нельзя отрицать, что действительно многие ключевые положения французского структурализма нашли своё воплощение не только в ранних работах Альтюссера, но даже и в его более поздних сочинениях, связанных уже с проблематикой алеаторного материализма (отрицания любой формы телеологии, примат отношений над характеристиками самих элементов, теоретический антигуманизм и тд)⁴⁸. Другими словами, здесь можно сделать вывод о том, что при всех историко-философских

⁴⁵ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 279.

⁴⁶ Montag W. Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War. Durham; London: Duke University Press, 2013. P. 21.

⁴⁷ См.: Althusser L. On Levi-Strauss // The Humanist Controversy and Other Writings (1966-67). London; New York: Verso, 2003. P. 19-33.

⁴⁸ Elliott, G. Althusser: The Detour of Theory. Boston, Brill Academic Publishers, 2006. P. 360-361.

особенностях феномен структуралистского марксизма действительно имел место быть. Однако в этом случае важно подчеркнуть, что даже ранние произведения Альтюссера в контексте структурного анализа имели теоретическую связь не со структурной лингвистикой Ф. Де Соссюра, но с традицией французской неорационалистической эпистемологии (Г. Башляр, Ж. Кавайес, Ж. Кангилем), ориентированной на поиск разрывов внутри исторических структур научного знания⁴⁹.

Эпистемологическое направление структуралистского движения, объединяющее как Л. Альтюссера, так и М. Фуко, хоть и имело связи с иными вариациями структурного анализа, однако полностью не сводилось к ним. В контексте анализа эпистемологических оснований марксизма Альтюссер действительно имел прямое отношение к традиции французской структурной эпистемологии, которая также являлась одним из источников его политико-философского проекта. По словам Ж. Делёза, именно Альтюссер вместе со своими учениками смог обнаружить эпистемологическую структуру «Капитала» К. Маркса, перевернув тогдашние массовые представления о марксизме⁵⁰. Учитывая тот факт, что сам французский философ принял большинство характеристик Делёза, выразив, тем не менее, ряд критических замечаний⁵¹, причисление Альтюссера к структуралистскому марксизму отчасти справедливо.

При этом нельзя не подчеркнуть, что идейно-теоретическое наследие как самого Л. Альтюссера, так и многих его учеников и последователей не ограничивается вопросами структуралистской интерпретации марксизма. Учитывая, что уже в 1970-е годы интересы Альтюссера смещаются в сторону внутренней критики марксистской политической философии, термин «альтюссеррианство» с этой точки зрения является куда более широким. В условиях последующей посмертной публикации многочисленных рукописей

⁴⁹ Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: ИФ РАН, 1996. С. 76.

⁵⁰ Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм? // Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. С. 171.

⁵¹ Stolze T. Deleuze and Althusser: Flirting with Structuralism // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society. 1998. №10 (3). P. 56.

Альтюссера интерес непосредственно к альтюссерианству в последние годы стремительно растёт⁵².

То есть нельзя сказать, что «структуралистский марксизм» и «альтюссерианство» являются однозначными синонимами, однако, учитывая, общий интеллектуальный контекст французской философии 1960-х годов, данные термины будут использоваться в настоящем исследовании поочередно (в зависимости от более узкого контекста).

Понятие «постальтюссерианство» в настоящем исследовании применяется в плане характеристики различных течений современной леворадикальной политической мысли, использующей, по словам С. Жижека, критику идей Л. Альтюссера в качестве отправной точки собственных теорий политической субъективности. Так, непосредственно к постальтюссерианцам Жижек относит Э. Балибара, Ж. Рансьера и Э. Лаклау⁵³. Несмотря на некоторые серьёзные недостатки подобной классификации, данное определение постальтюссерианской политической философии, в целом, соотносится с содержанием работ вышеперечисленных авторов, вместе опирающихся на преодоление отдельных аспектов политической философии Л. Альтюссера.

⁵² Introduction: Encountering Althusser // Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. 14.

⁵³ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 25.

1.2. Экономизация политического знания: парадокс физиократов

На протяжении многих столетий политическая философия как дисциплина, призванная ответить на фундаментальные вопросы устройства человеческого общества, постоянно соприкасалась с иными направлениями научной и философской мысли в зависимости от исторического контекста и поставленных задач. В ряде случаев подобное пересечение заканчивалось поглощением политической философии со стороны какой-либо другой дисциплины, стремящейся ответить на поставленные вопросы в несколько ином ключе. Так, в условиях Средневековой Европы ключевой дисциплиной, отвечающей тогдашним религиозным и идеологическим представлениям о политическом, стала теология внутри которой долгое время и существовала политическая философия⁵⁴.

В последующие столетия различные формы политико-философской рефлексии отходили от теологического дискурса, что, однако, выражалось в создании новых междисциплинарных связей. В частности, многие ключевые мыслители Нового времени рассматривали собственные теории государства в качестве продолжения занятий натурфилософией, связанной непосредственно с физикой или математикой.

Однако в отличие от времён господства христианской догматики политическая философия Нового времени всё же не придерживалась каких-либо единых структурных правил рассуждений, имеющих некоторые общие основания в виде наличия привилегированной дисциплины, устанавливающей свои порядки. Несмотря на относительный плюрализм различных форм политического знания того времени, на рубеже XVIII - XIX веков на статус ключевой формы гуманитарного знания начала претендовать политическая экономия.

Возникновение политической экономии в качестве самостоятельной

⁵⁴ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 290-291.

отрасли знания исторически относится к XVII веку (сам по себе термин был введён французским писателем А. Монкретьеном⁵⁵). Опуская современные научные дискуссии, связанные с новыми интерпретациями данного термина⁵⁶, стоит уточнить, что политическая экономия как дисциплина изначально возникла именно в плоскости меркантилистской экономической мысли. Другими словами, первоначальное определение политической экономии как одновременно прикладного искусства и научного знания было связано непосредственно с экономической политикой, служащей источником богатства и процветания того или иного государства. Исходя из данного определения, такие выдающиеся мыслители как Ж. Боден или Д. Ботеро рассматривали экономические вопросы исключительно в качестве задач политической науки, интерпретируемой ими в духе «Политики» Аристотеля⁵⁷.

Несмотря на то, что ряд современных исследователей прослеживает генеалогию экономического понимания общественных процессов ещё со времён ранней христианской теологии⁵⁸, важно подчеркнуть, что первоначальный вариант оформления политической экономии как отрасли знания не предполагал какого-либо привилегированного статуса по отношению к иным дисциплинам. Более того, в сочинениях большинства меркантилистов именно политика являлась доминирующей стороной по отношению к экономике, которая рассматривалась ими как средство, обеспечивающее силу государства⁵⁹.

В данном контексте, конечно, не стоит полностью отрицать несовершенство большинства тогдашних методик экономического анализа, которые, весьма вероятно, также оказывали влияние на определённые

⁵⁵ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 25-26.

⁵⁶ См.: Альт И. Дж., Алезина А. Политическая экономия: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: «Вече», 1999. С. 625-657.

⁵⁷ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 208-209.

⁵⁸ См.: Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. С. 9-12.

⁵⁹ Дюмон Л. *Nomo aequalis*. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 66.

структуры отдельных отраслей научного знания. Вместе с этим важным историческим уточнением является то, что изначально политическая экономия никем не рассматривалась в качестве некоего необходимого основания любого «научного» представления о политике, что, однако, радикально изменилось в связи с возникновением экономической школы физиократов.

Помимо непосредственно методологических достижений представителей данной школы, стоит обратить внимание, что именно физиократы фактически являлись первопроходцами в деле создания экономики как самостоятельной научной отрасли знания. Более того, даже сам термин «физиократия» (управление природой вещей) предполагал возможность построения не просто самостоятельной экономической теории, но комплекса научных дисциплин, наиболее объективно отражающих работу «естественных законов»⁶⁰. В противовес меркантилистам, физиократы не просто отстаивали превосходство экономического видения политического процесса, но выступали за постепенное уничтожения самого понятия политического, считая, что управление людьми должно осуществляться посредством прозрачных экономических механизмов⁶¹. Другими словами, несмотря на изначально гуманистическую установку физиократов по максимальной рационализации политики с целью предотвращения насилия и произвола со стороны государя, подобные устремления на практике предполагали ликвидацию политики как феномена, что, по выражению П. Розанваллона, и является парадоксом физиократов⁶².

Фактическое осуществление замысла сторонников физиократической школы предполагало создание деспотических элементов (законов или конкретного тирана), которые смогли бы наиболее эффективным образом сохранять некий естественный порядок вещей, установленный самим

⁶⁰ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 76.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 78.

творцом природы⁶³. По этой причине та же Китайская империя являлась для Ф. Кенэ идеальным примером сохранения естественной гармонии⁶⁴, предполагающим некий неизменный порядок⁶⁵.

Использование экономики в качестве центральной категории со стороны физиократов, тем не менее, не предполагало полного отказа от изначальной структуры политической экономии как дисциплины, так как ключевые произведения теоретиков данного направления всё ещё создавались в качестве практических рекомендаций по формированию моделей экономической политики. Тот факт, физиократы выступали сторонниками неограниченной свободной конкуренции и торговли, конечно, не предполагал их полного отказа от государственной политики, однако именно они выступили в качестве ключевых создателей телеологической установки, ориентированной на движение к обществу естественной гармонии интересов. В случае физиократов – государство (в форме «естественного деспотизма») стоит на страже физических границ и моральных основ системы, в то время как закон природы выполняет функцию глобальной телеологической системы, затрагивающей все аспекты жизни человека⁶⁶.

Экономическое обоснование будущего установления гармоничного состояния общества в случае последователей Кенэ также ключевым образом основывалось на новой антропологической концепции, лежащей в основе экономических терминологии своего времени. Будущая структура всеобщей экономической гармонии, связанной с идеями рыночного обмена, впоследствии, как указывает Л. Альтюссер, стала краеугольным камнем классической политической экономии (от физиократов – вплоть до А. Смита)⁶⁷. При всём этом использование именно экономических средств с

⁶³ Кенэ Ф. Китайский деспотизм // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур. М.: Эксмо, 2008. С. 460.

⁶⁴ Там же. С. 468.

⁶⁵ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 294.

⁶⁶ Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 50.

⁶⁷ Althusser L. The Object of Capital // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. P. 206-207.

целью обоснования будущего гармоничного общества хоть и достигло своего пика в XIX века (веке господства экономического⁶⁸), однако уже на рубеже XIX–XX веков экономическая идеология покинула непосредственно поле экономической науки и перешла исключительно в сферу политической философии (то есть произошёл отказ новой экономической науки от универсальности)⁶⁹.

Другими словами, наиболее характерной чертой экономической идеологии как явления является не выделение самой экономической сферы в качестве самостоятельного предмета исследования, но её использование в целях обоснования неизбежности естественного отмирания политики⁷⁰. В этом смысле теоретики экономической идеологии шли вразрез не только с Макиавелли как с одним из первых теоретиков автономии политического, но и непосредственно с Руссо, для которого именно общественный договор, но не рынок, являлся основной формой регулирования социальных отношений. Отношение самого Ж.-Ж. Руссо к идеям физиократов с этой точки зрения лучшим образом характеризуют общие основания многочисленных проектов политической критики экономической идеологии в виде поиска формы правления, которая поставила бы закон над человеком в виде «легального деспотизма»⁷¹. По этой же самой причине французский мыслитель рассматривал политическую экономию именно политически, проводя различие между общественной и частной экономией⁷², что явно противоречило установкам школы физиократов, которые в своё время часто описывались современниками как «секта экономистов»⁷³.

Также одним из краеугольных камней последователей Ф. Кенэ стало

⁶⁸ Данная характеристика интеллектуального пространства XIX века принадлежит немецкому юристу Карлу Шмитту; Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 361.

⁶⁹ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 227-228.

⁷⁰ Там же. С. 26.

⁷¹ Дюмон Л. *Nomo aequalis*. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издательский дом NOTA VENE, 2000. С. 61.

⁷² Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Об общественном договоре. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С. 156.

⁷³ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 287.

разделение производительного и непроизводительного труда, которое в свою очередь К. Маркс рассматривал как одно из наиболее важных достижений школы физиократов⁷⁴. В контексте политической философии категория производительного труда, как правило, использовалась в качестве обоснования формы социального устройства, создающего наиболее благоприятные условия для приоритетных групп населения. Так, уже А. Смит определил значительную часть населения (государственных служащих, военных, священнослужителей, артистов, художников и тд) как непроизводительный класс, не представляющий серьёзной значимости в контексте экономического процветания той или иной нации⁷⁵. Тот факт, что впоследствии именно данные концепции, носящие весьма дискуссионный характер, прочно начнут ассоциироваться с либеральной политикой оптимизации государственного аппарата демонстрирует то, что экономическое виденье политического процесса теоретически возможно развернуть и в обратном идеологическом направлении. Таким образом, можно сделать вывод о том, что противопоставление производительного и непроизводительного труда имеет не только чисто экономический смысл, но и политическое содержание, обосновывающее различие между государством и гражданским обществом.

При всём этом категория производительного труда в итоге стала использоваться даже теми авторами, которые напрямую не имели отношения к экономическому либерализму, что, однако, не мешало им заимствовать многие его ключевые положения. В этом случае одним из наиболее известных защитников взгляда Смита на непроизводительный класс как на социальных паразитов стал Маркс⁷⁶, использующий данную классификацию уже в контексте собственной теории неизбежного отмирания политики и

⁷⁴ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. (4-й том «Капитала»), Ч. 1. М.: Политиздат, 1978. С. 14.

⁷⁵ Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1-3. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 437-438.

⁷⁶ В контексте собственного взгляда на историю экономической мысли немецкий мыслитель до конца защищал данный аспект мысли А. Смита; Маркс К. Теории прибавочной стоимости. (4-й том «Капитала»), Ч. 1. М.: Политиздат, 1978. С. 157-159.

государства посредством перехода к коммунистическому обществу.

Возвращаясь напрямую к парадоксу физиократов нельзя не заметить, что их взгляд на политику как на разновидность механической конструкции, осуществляющей рациональное управление, которое, тем не менее, не является в достаточной степени рациональным, был неразрывно связан с их общим телеологическим взглядом на исторический процесс. Учитывая, что сам по себе феномен политического с их стороны рассматривался в качестве пережитка варварского состояния⁷⁷, отрицание политики в случае физиократов автоматически предполагало и отрицание истории (неслучайно, что идеалом Ф. Кенэ была именно китайская цивилизация, избегающая скачков в развитии). Забегая вперёд нельзя не подчеркнуть, что именно данный аспект парадокса физиократов со временем приобретёт характеристики взгляда на исторический процесс как на историю отчуждения, достигающую своей высшей точки в виде гармоничного общества, основанного уже на власти естественных законов человеческой природы. Впоследствии подобный способ мышления окажется крайне востребован широким спектром различных мыслителей, представляющих одновременно самые неожиданные лагеря политической философии (от утопического социализма до анархо-капитализма). Однако уже в XIX веке возникли те многочисленные направления мысли, что осмелились бросить вызов подобным проектам радикального переустройства. В процессе возрождения той традиции политической философии в XX веке, чьи представители отстаивали тезис о неустранимости политических столкновений в обществе, критический взгляд на экономическую идеологию XVIII – XIX веков осуществлялся с самых различных точек зрения. В том числе и с позиций алеаторного материализма, отрицающего любые возможности создания преопределённых обществ естественной гармонии⁷⁸.

⁷⁷ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 76.

⁷⁸ См.: Althusser L. The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 173-174.

В контексте дебатов о соотношении категорий политического и экономического А. Смит, приобретший статус ключевой фигуры экономического либерализма, тем не менее, не мыслил столь радикально, как это делали физиократы. В отличие от последователей Кенэ Смит, как, впрочем, и многие иные деятели Шотландского Просвещения не стремились к вытеснению политики за счёт некоторого возвращения к истокам человеческой истории. Вместо этого в их системах политика стала лишь выводиться из экономики, которая, в свою очередь, также трансформировалась в идейно-теоретическую разгадку всех возможных форм государственного устройства (некий универсальный принцип объяснения)⁷⁹.

Влияние Смита как ключевой фигуры классической политической экономии до сих пор остаётся предметом многочисленных дискуссий, как в среде профессиональных историков экономических учений, так и внутри отдельных направлений современной политической философии, до сих пор ориентирующихся на ключевые идеи мыслителя⁸⁰. Несмотря на крайне распространённый образ А. Смита как основоположника политической экономии как науки в действительности данная дисциплина существовала задолго до публикации «Исследования о природе и причинах богатства народов».⁸¹ Однако если в трудах тех же меркантилистов политическая экономия рассматривалась в качестве прикладного искусства, ориентированного на благосостояние и могущество государства, то шотландский мыслитель создал новую модель знания о политике и экономике в форме науки о богатстве. В этом смысле сам Смит и рассматривал старую политическую экономию в русле знаний, необходимых чиновникам и

⁷⁹ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 66.

⁸⁰ В особенности, современными наследниками Смита выступают либертарианцы; См. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. М.: Социум, Cato Institute, 2009. С. 45-47.

⁸¹ На раннем этапе занятий политической экономией К. Маркс рассматривал Смита в качестве «Мартина Лютера политической экономии», что с точки зрения Л. Альтюссера было связано с влиянием идеализма Гегеля, чьи идеи в совокупности с идеями Смита предполагали анализ труда как сущности человека. См.: Althusser L. The Object of Capital // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. P. 212-213.

законодателям⁸², в то время как собственную систему он позиционировал уже в качестве науки о гражданском обществе (нации) в рамках структур правового государства. Вместе с этим, несмотря на экономическое виденье политического и исторического процессов Смит не совершает окончательного разрыва с дисциплинарной структурой традиционной политической экономии по той причине, что даже его идеи были ориентированы на обоснование определённого типа экономической политики со стороны государства (в виде «ночного сторожа»). Последующие наследники и интерпретаторы учения А. Смита радикализируют данный подход, что, в итоге, приведёт к созданию различных утопических проектов гармоничного и саморегулирующегося общества, не нуждающегося в каком-либо регулировании возможных столкновений между отдельными социальными группами.

Поднимая вопрос о достижениях шотландского мыслителя как теоретика экономической науки, нельзя не заметить неоднозначность его наследия. Так, Й. Шумпетер заметил, что, несмотря на революционный характер учения Смита, в контексте аналитических методов «Богатство народов» не содержало в себе ни одной принципиально новой идеи⁸³. Ключевое достоинство данной работы американский экономист видел в идеальном обобщении тех многочисленных экономических дискуссий, что велись в конце XVIII века касательно свободы торговли и колониальной политики⁸⁴.

Однако если в контексте методик экономического анализа Смит действительно не являлся революционером, то в области политической философии и социологии его идеи оказались востребованы широким кругом мыслителей и теоретиков. Идея общества как рынка – гармоничного и саморегулирующегося относится к разряду ключевых концепций политической экономии XVIII века, которая стремительными темпами

⁸² Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 4-5. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С.8.

⁸³ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 235.

⁸⁴ Там же. С. 236.

оторвалась от непосредственно изначального подхода меркантилистов, рассуждающих о возможностях политического реформирования экономических структур.

Как указывает П. Розанваллон, ключевое достижение А. Смита исходит не только из использования им экономики в качестве основного регулятора социальных отношений, но из самого по себе взгляда на отношения между людьми в контексте отношений стоимостей на рынке, что по итогу и стало ключевой характеристикой экономической идеологии⁸⁵. То есть отныне не общественный договор, но рынок становится ключевым механизмом развития общества, что также автоматически предполагало перенос различия между гражданским обществом и естественным состоянием (по Гоббсу) к различию между государством и нацией (эквивалентом идеи «гражданского общества» в терминологии Смита)⁸⁶. Другими словами, предшествующее поле политических конфликтов между различными индивидами и сообществами как внутри государства, так и непосредственно за его пределами занимает поле честной конкуренции экономических акторов, соблюдающих общие объективные законы свободного рыночного обмена. Исходя из данного заключения, следует констатировать, что характеристика А. Смита в качестве подлинного антипода Макиавелли со стороны Розанваллона действительно имеет смысл⁸⁷.

При всём этом стоит уточнить, что революционность подобных идей рыночного общества возможно проследить лишь в процессе осознания того факта, что «Исследования о природе и причинах богатства народов» было написано одновременно с началом промышленной революции в Англии. То есть сам Смит не являлся свидетелем реальных последствий перехода к индустриальному обществу (его рыночное общество являлось в этом смысле лишь горизонтом, к которому неизбежно должно было прийти развитие

⁸⁵ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 65-67.

⁸⁶ Там же. С. 91.

⁸⁷ Там же. С. 80; 84.

объективных рыночных процессов). Не затрагивая вопроса о том, насколько в действительности идеи шотландского мыслителя подтвердились экономической практикой государств XIX века⁸⁸, нельзя не отметить, что впоследствии идеи А. Смита о том, что именно рынок и деньги являются первоосновой человеческого общества⁸⁹, легли в основу многих направлений политических философии, исходящей не только из утверждающего примата экономики по отношению к политике, но и из общих представлений о достижении будущего общества естественной гармонии.

Ещё в 1965 году Л. Альтюссер справедливо указал, что концепции естественной экономической гармонии процесса капиталистического производства являлись неотъемлемой чертой классической политической экономии, носящей, с точки зрения французского философа, откровенно буржуазный характер, и с которыми К. Маркс многократно полемизировал в том же «Капитале»⁹⁰. Однако тот факт, что Маркс использовал подобные идеи уже в контексте характеристик непосредственно коммунистического общества, предполагающего отмирание не только политики, но и экономики, ускользнул от внимания основоположника структуралистского марксизма на раннем этапе его исследований, что, однако, несколько изменилось в процессе неизбежного кризиса разновидностей экономической идеологии в XX веке.

⁸⁸ В данном аспекте можно сослаться на историко-социологические исследования, согласно которым не свободная торговля, но протекционизм являлся неотъемлемой чертой экономик государств XIX века; См. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. М.: ЛЕНАНД, 2015.

⁸⁹ Впрочем, как показывает американский антрополог Д. Гребер, современные антропологические исследования различных культурных сообществ данную теорию не подтверждают; См.: Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 28-29.

⁹⁰ Althusser L. The Object of Capital // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. P. 206-207.

1.3. Либеральный горизонт политической философии К. Маркса

Как известно, идейно-теоретическое наследие К. Маркса наряду с идеями его многочисленных сторонников, внесших вклад в самые различные отрасли научного знания, до сих пор остаётся поводом для многочисленных дискуссий. Связаны подобные расхождения во взглядах и подходах, как правило, не только с враждебностью или апологетикой по отношению к идеям немецкого мыслителя, но и непосредственно с тем фактом, что политическая философия Маркса до сих пор является постоянным полем битвы между сторонниками той или иной интерпретации марксизма. Данный конфликт интерпретаторов, однако, подразумевает под собой как столкновение различных методик исследования политической мысли как таковой, так и само по себе противоречие между самыми различными попытками переинтерпретации наследия Маркса, которые, зачастую, приходят к необходимости выхода за пределы марксизма как такового. Следуя данному тезису, необходимо не только проанализировать изначальные пределы исторического и интеллектуального контекста формирования учения Маркса, но и впоследствии рассмотреть те возможные выходы за его границы, которые предприняли представители различных политико-философских течений в XX веке (в особенности альтюссерянце).

Касаясь вопроса политической философии Маркса нельзя не отметить некоторую парадоксальность данной постановки вопроса. Дело в том, что в отличие от многих своих предшественников, немецкий мыслитель не оставил после себя никаких более менее систематизированных текстов, посвящённых напрямую теме государства и политики. Данный парадокс отмечал также и сам Л. Альтюссер, рассматривая марксистскую тему неизбежного отмирания политики в качестве одного из изначальных пределов марксизма как такового⁹¹.

⁹¹ Althusser L. Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 67.

Те произведения Маркса различных периодов, что вскользь касались темы политического, относились либо к анализу каких-либо конкретных исторических событий⁹², либо же были связаны с критикой позиций тех или иных мыслителей, с которыми сам Маркс вступал в конфронтацию⁹³. Вместе с этим нельзя не отметить, что в процессе собственных исследований в конце 1850-х годов немецкий мыслитель всё-таки планировал написать книгу о государстве, которая изначально задумывалась им в качестве одного из томов нереализованного в итоге первоначального проекта критики политической экономики (Grundrisse)⁹⁴. По мнению ряда исследователей, в отличие от итогового текста «Капитала», в «Grundrisse» Маркс сильнее концентрировался непосредственно на политической борьбе, что, однако, не было им реализовано в полной мере⁹⁵.

Вопрос о том, изменились бы ключевые положения марксизма (в особенности те, что связаны с темой государства и политики) в случае возможного продолжения Марксом работы над первоначальным вариантом собственного плана до сих пор остаётся крайне дискуссионным. Так, с точки зрения М. Хардта и А. Негри немецкий мыслитель намеренно не стал писать работу, посвящённую государству по причине кризиса самого феномена национального государства уже в XIX веке, что, следуя логике их аргументации, создавало предпосылки для перехода к всемирному политическому порядку, который сам Маркс вполне осознавал⁹⁶. Несмотря на ряд справедливых замечаний Хардта и Негри, общий анализ ключевых положений марксизма позволяет сделать вывод о том, что возможная публикация соответствующих материалов не изменила бы базовых оснований

⁹² См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, М.: Издательство политической литературы, 1955. Т.8. С. 115-217.

⁹³ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, М.: Издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 219-368; Маркс К. Нищета философии. М.: Издательство «Э», 2016.

⁹⁴ Речь в данном случае идёт о тексте, который на русском языке известен как «Экономические рукописи 1857-1861 годов». См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. М.: Политиздат, 1980.

⁹⁵ Negri A. Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse. London: Pluto Press, 1991. P. 1-3.

⁹⁶ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 222-223.

теории Маркса, предполагающей неизбежное отмирание политического в пользу установления будущего коммунистического общества. Следуя той интеллектуальной линии, которую в своё время задал А. Смит, Маркс не только способствовал радикализации идеи рыночного общества, но и фактически довёл её до логического предела в виде завершения политики как истории отчуждения посредством коммунизма как подлинной реализации прозрачной коммуникации⁹⁷.

В этом смысле политическая философия с точки зрения марксистской оптики становится определённой формой легитимации господствующих положений той или иной классовой структуры, которая является лишь препятствием на пути к бесклассовому обществу. Подобный телеологический настрой, связанный с критикой любых форм политического суверенитета, до сих пор является одной из ключевых черт марксистской интеллектуальной традиции как таковой. Те же Хардт и Негри, несмотря на их отказ от отдельных положений марксистской ортодоксии, продолжают подобную критическую линию, отрицающую различия между рыночными и государственными формами отчуждения⁹⁸. Другими словами, весь исторический процесс начинает, в конечном счёте, рассматриваться в качестве истории отчуждения, продолжающейся вплоть до перехода к коммунистическому обществу, преобразующему политические вопросы в технические (управление вещами). Параллели с парадоксом физиократов, предполагающим замену политического процесса властью естественных законов, в данном контексте становятся куда более ясными. Неслучайно, что современный неомарксистский теоретик Ф. Джеймисон прямо указывает на парадоксальное сходство марксизма и либерализма за счёт общего стремления к рационализации управления посредством замены политики всеобщей экономической выгодой. В этом смысле действительно не существует марксистской политической мысли, что, в свою очередь,

⁹⁷ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 213-214.

⁹⁸ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 91.

Джеймисон расценивает как преимущество, а не недостаток марксизма⁹⁹. Подобные ориентиры на критический анализ современности за счёт абстрактных критериев будущего прозрачного общества неизбежно становились поводом для критики марксизма не только со стороны его противников, но также и со стороны тех мыслителей, что связывали себя напрямую с данным направлением мысли. Так, Л. Альтюссер в поздний период собственного творчества связывал марксистское определение коммунизма с философским идеализмом, ориентированным на представления о совершенной прозрачности социальных отношений¹⁰⁰.

Возвращаясь непосредственно к фигуре самого Маркса нельзя не отметить, что интеллектуальная предыстория его учения была серьёзным образом пронизана рядом предшествующих марксизму интеллектуальных традиций, которые, при всём этом, ранее не имели каких-либо связей друг с другом. В этом смысле классическая политическая экономия, связанная с именами А. Смита и Д. Рикардо, соприкоснулась с учением немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля, чьё влияние на Маркса до сих пор остаётся одним из наиболее острых вопросов в контексте общей истории марксизма вообще. В рамках подобного идейно-теоретического разделения существуют как сторонники гегельянской интерпретации марксизма, так и противники подобного сближения. Принимая во внимание аргументы обеих сторон нельзя не отметить, что, зачастую, они носили теологический характер, связанный с необходимостью использования работ К. Маркса в качестве повода для философского самовыражения.

Тот факт, что идеи Гегеля действительно оказали влияние на философию Маркса, практически не подлежит сомнению. Даже сам Альтюссер, будучи радикальным противником гегельянства на философском уровне в своих поздних работах признавал, что в том же «Капитале» присутствуют

⁹⁹ Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. London, New York: Verso, 1992. P. 264-266.

¹⁰⁰ Althusser L. Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 36-37.

отдельные положения философии абсолютного идеализма, которые сам французский мыслитель рассматривал исключительно в негативном ключе¹⁰¹.

Вместе с этим, учитывая ряд противоречий тех интеллектуальных традиций, которые в итоге вместе составили основу марксизма как комплексного учения, выбор той или иной стороны в контексте политической философии фактически привёл самого Маркса к однозначному продолжению одной конкретной политико-философской линии, начатой ещё А. Смитом. Следуя подходу П. Розанваллона и Л. Дюмона, данное направление мысли можно описать как определённую утопию будущего рыночного общества.

Начиная ещё с ранних произведений Маркса, которые по большей части носили ещё философский характер, немецкий мыслитель отстаивал идеи о самодостаточности гражданского общества, не нуждающегося в каком-либо политическом управлении сверху¹⁰². В процессе последующих исследований по политической экономии Маркс продолжает данную политико-философскую линию, которая отныне была уже неразрывно связана с его экономическим учением¹⁰³.

Дискуссия о наличии в учении Маркса некоего разрыва, активизирующаяся после публикации знаменитой статьи Альтюссера в 1961 году¹⁰⁴ была связана непосредственно с преемственностью поздних работ немецкого мыслителя по отношению к его ранним публикациям. Тот факт, что в рамках той статьи Альтюссер практически не затрагивал вопросов политической философии, может быть проинтерпретирован в качестве необходимости переинтерпретации марксизма со стороны представителей школы структуралистского марксизма того периода. Впоследствии на позднем этапе творчества французский философ пришёл именно к подобной трактовке своей прошлой концепции, ориентированной не столько на

¹⁰¹ Там же. Р. 36.

¹⁰² Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, М.: Издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 253.

¹⁰³ В частности, в «Капитале» Маркс говорит о коммунистическом обществе как о будущем союзе людей, осуществляющих планомерный самоконтроль. См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955. Т. 23. С 90.

¹⁰⁴ См.: Альтюссер Л. О молодом Марксе // За Маркса. М.: Практика, 2006. С. 75-125.

исторический анализ, сколько на создание новой философской программы¹⁰⁵. В этом смысле точка зрения Розанваллона на наличие в творчестве К. Маркса политико-философского разрыва, связанного с концепцией отмирания политического, становится более обоснованной. «... Действительно, единственный и фундаментальный разрыв в мысли Маркса возможно локализовать только в начале 1840-х годов. Именно в этот период Маркс действительно переходит от концепции демократии, основанной на права человека, к концепции угасания политического. И если уж мы во что бы то не стало хотим обнаружить в творчестве Маркса некий разрыв, то поместить этот разрыв следует между его статьей 1842 года «Дебаты по поводу закона о краже леса», в которой Маркс требует расширения прав бедняков, и «Критикой гегелевской философии права»...»¹⁰⁶.

По итогу экономическая проблематика стала методологическим основанием марксистской интеллектуальной традиции как таковой. Различные направления экономического понимания истории и политики достигли своего пика в XIX веке, что позволило Марксу использовать именно политическую экономию в качестве разгадки природы государства и гражданского общества¹⁰⁷. Однако в процессе осуществления проекта критики политической экономии, начатого ещё в 1840-х годах, Маркс фактически не только радикализировал подход А. Смита, но ещё и окончательно ушёл от изначальных характеристик политической экономии как дисциплины. Учитывая, что даже в трудах Смита экономическая проблематика всё ещё рассматривалась под углом необходимости улучшения государственной политики (свободная торговля), Маркс окончательно порывает с данной структурой научного знания. Другими словами, само по себе словосочетание «марксистская политическая экономия»,

¹⁰⁵ Althusser L. Correspondence about «Philosophy and Marxism». Letter to Mauricio Malamud // *Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 211-213.

¹⁰⁶ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 198.

¹⁰⁷ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 7.

распространённое в литературе, с исторической точки зрения лишено всякого смысла (так как в рамках системы Маркса политика просто лишается каких-либо существенных рычагов воздействия на экономику). Как отмечает Л. Дюмон, парадоксальным образом подобный методологический принцип марксизма оказался крайне востребован в среде американских социальных наук, чьи представители, как правило, не придерживались левых политических взглядов¹⁰⁸.

Завершение процесса экономизации политического знания со стороны К. Маркса, однако, имело не только чисто методологические последствия, но и непосредственно практические, связанные с идеей необходимости ускорения капиталистических отношений с целью их последующего демонтажа. То есть фактическое уничтожение капитализма как способа производства становится возможным лишь по достижению им высшей точки собственного развития, сопровождающейся политическим восстанием эксплуатируемого класса¹⁰⁹. В этом смысле какое-либо несвоевременное политическое вмешательство в объективный процесс развитие производственных отношений становится недопустимым, что в случае Маркса и Энгельса выразилось в их критическом отношении к реформистским практикам, которое, по мнению ряда специалистов, носило скорее утопический характер¹¹⁰.

Необходимость ускорения развития капитализма фактически обосновывалась Марксом не только за счёт критики различного рода сторонников феодальных общественно-политических отношений, но и в общем критическом отношении, как самого мыслителя, так и его последующих сторонников к альтернативным проектам преодоления разрушительных последствий экономического либерализма. Как известно, в отношении противостояния политики протекционизма и свободной торговли

¹⁰⁸ Дюмон Л. *Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии*. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 125.

¹⁰⁹ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 8.

¹¹⁰ Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм // *Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Ин-т философии РАН*. М.: Наука, 2014. С. 296.

автор «Капитала» отдавал предпочтение последней, отталкиваясь от её ускоряющего эффекта в отношении скорейшего приближения социалистической революции¹¹¹. Более того, с этой точки зрения те авторы, что предлагали использование методов государственного регулирования экономики с целью снижения неравенства также становились объектами критики со стороны создателей коммунистической идеологии. Так, в процессе критики американского экономиста Г. Кэри Маркс осуждал саму по себе возможность государственного вмешательства по причине нарушения естественной рыночной гармонии¹¹². Подобный телеологический взгляд на развитие капиталистических отношений впоследствии часто совпадал с идеями теоретиков радикального экономического либерализма, ориентированных на критику государственного регулирования экономики. Стоит особенно подчеркнуть, что даже среди ряда современных левых теоретиков мы можем обнаружить похожие идеи о необходимости ускорения естественных экономических процессов с целью достижения будущего общества естественной гармонии¹¹³ (в их случае – посттрудового общества), что лишний раз подтверждает живучесть экономической идеологии как явления.

Касаясь политико-философского содержания марксизма нельзя не отметить, что, несмотря на концепцию философского отмирания политики, необходимость тотальной политизации посредством радикализации классовой борьбы являлась также неотъемлемой чертой учения К. Маркса. В процессе социалистической революции мыслителем обосновывался тезис об установлении диктатуры пролетариата (сам термин был позаимствован Марксом у Бабёфа¹¹⁴) как временной формы нового государственного устройства, которая также как и все предшествующие политические системы

¹¹¹ Маркс К. Речь о свободе торговли // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 416-418.

¹¹² Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858) // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 46, ч. 2. С. 457.

¹¹³ См.: Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. №28(2), 2018. С. 7-20.

¹¹⁴ Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм // Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014. С. 304.

стремится к постепенному отмиранию¹¹⁵.

Другими словами, в противоположность тем традициям в истории политической философии, представители которых искали наилучшие формы политического обустройства, марксизм изначально базировался на необходимости использования политики лишь в качестве инструмента её самоуничтожения. В этом смысле современный французский философ Ж. Рансьер характеризует марксистскую политическую философию (если всё-таки использовать данное словосочетание) как метаполитику – то есть идею о необходимости политического взрыва по аналогии с яркой вспышкой света, которая неизбежно должна погаснуть с течением времени. Он пишет: «...Политика, которой она служила основанием, может тогда отождествляться с неуловимым первоначальным раем, в котором индивиды и группы пользуются особенностью человека, речью, чтобы согласовать свои частные интересы в царстве общего интереса. Конец политики, провозглашаемый на могиле полицейских разновидностей марксизма,— в общем и целом всего лишь другая, капиталистическая и «либеральная» форма марксистской метаполитики...»¹¹⁶.

В контексте наследия Маркса парадокс физиократов образует тесную связь с аналогичными концепциями прозрачных обществ, которые также основывались на отдельных положениях экономического либерализма XVIII – XIX веков. Вместе с этим марксово определение коммунизма в конечном итоге приводит к совершенно абстрактному обществу, в котором каждый индивид является единичным выражением всеобщности, основанной на свободной коммуникации, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса¹¹⁷. Однако важно подчеркнуть, что непосредственно предпосылкой коммунистического общества выступает коллективное производство, основанное на идеи общества как тотальности, отрицающей какую-либо необходимость

¹¹⁵ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 27-28.

¹¹⁶ Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 127-128.

¹¹⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. С. 196.

политического и экономического размежевания¹¹⁸. С этой точки зрения ликвидация политического разделения на друзей и врагов фактически осуществляется за счёт отождествления всех индивидов в едином организме, существующим за счёт чистой человеческой коммуникации. Таким образом, мы снова возвращаемся к идее естественных законов, подавляющих любые возможности подрыва устоявшейся системы социального разделения (то есть полиции как формы определённого разделения социального¹¹⁹).

Тот факт, что подобные идеи радикального переустройства общества в конечном итоге предполагают создание структур подавления любых альтернативных восстаний уже внутри коммунистической утопии впоследствии создал все предпосылки для критического анализа марксистского учения как такового. Критического анализа, который обрушился не только со стороны противников учения Маркса, но и со стороны тех многих кто, считая себя марксистами, искренне пытались адаптировать собственную теорию к актуальным политическим изменениям.

¹¹⁸ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 216.

¹¹⁹ Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 209.

1.4. Кризис экономической идеологии и возвращение политического

Эпоха методологического господства политической экономии, достигшая своего пика в учении К. Маркса, изначально не представляла собой единого и всеохватывающего поля. Далеко не все тогдашние мыслители, испытавшие на себе влияние данной дисциплины, впоследствии использовали её в качестве фундамента собственной политической философии. Другими словами, философская критика политической экономии, прочно ассоциирующаяся с марксизмом, в реальности имела связи с учениями многих иных философов и мыслителей, идеи которых как предшествовали идеям самого Маркса, так и развивались даже параллельно с ними. В этом смысле – один из самых первых критиков политической экономии стал Г.В.Ф. Гегель.

Несмотря на серьёзное влияние Гегеля в области общего телеологического взгляда на сам исторический процесс¹²⁰, отдельные положения его философской системы вступали в противоречие с нарождающимися в конце XVIII века идеями рыночного общества. Сам немецкий философ, как известно, профессионально не занимался экономическими вопросами (вроде той же теории стоимости), однако некоторые его произведения всё-таки имели отношение к вопросам соотношения категорий политического и экономического. Уже в «Феноменологии духа» с его стороны осуществляется критика понятия полезности, связанная с его абсолютизацией¹²¹. То есть для Гегеля в этом смысле экономические категории становятся лишь средством в контексте общего процесса изменения существующего положения, которое не способно как-либо изменяться исключительно посредством гражданского общества (отсюда и гегелевская диалектика государства и гражданского общества).

¹²⁰ В частности, подобной точки зрения придерживался и сам Л. Альтюссер; Наумова Е.И. Проект марксистской диалектики Л. Альтюссера // Вестник Волгоградского университета, 2013. Сер. 7, Филос. №1 (19). С. 14.

¹²¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель. Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4. С. 302-303.

Таким образом, в рамках системы немецкого мыслителя политическая экономия лишалась монопольного права на объяснение логики гражданского общества («нации» в терминологии А. Смита). Те же возможные негативные последствия нарождающегося индустриального производства в виде увеличения уровня бедности широких масс рассматривались им как неотъемлемый эффект рынка как такового (то есть рыночное общество уже не могло рассматриваться в виде системы естественной гармонии интересов). По этой причине Гегель становится одним из первых политических философов своего времени, выступающих за постоянное политическое регулирование экономических отношений (принуждение богатых к поддержанию бедных¹²²). Гражданское общество в этом смысле оказывается неспособным к реализации универсального исторического движения, что, таким образом, предполагает необходимость диалектики государства и гражданского общества. Политические выводы подобного философского взгляда означают неустранимость самого по себе феномена политического, являющегося, по выражению П. Розанваллона, одним из положений «хитрости разума»¹²³.

Впоследствии альтюссерианская критика гегелевского телеологизма была коренным образом связана с идеей абсолютного духа, стремящего к неизбежному снятию (нем. *Aufhebung*) противоречий. Однако, несмотря на данный аспект критики со стороны Альтюссера, его прочтение Макиавелли, относящиеся к необходимости постановки политической проблемы в режиме реального времени¹²⁴, становится близким по содержанию к гегелевской критике политической экономии. Тот факт, что даже антигегельянская позиция Альтюссера оказывается в чём-то схожей с рядом положений философии Гегеля, указывает лишь на фундаментальные основания идей немецкого мыслителя. Схожим образом рассуждает и С. Жижек,

¹²² Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель. Сочинения. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7. С. 254-255.

¹²³ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 182.

¹²⁴ Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 9-10.

стремящийся к сближению условно гегельянской и альтюссеррианской направлений политической философии, что в его случае становится возможным за счёт прочтения работ Ж. Лакана¹²⁵.

Возвращаясь к теме критики экономической идеологии нельзя не отметить, что уже в XIX веке политическая экономия как наука развивалась параллельными путями, представители которых предлагали различные варианты итогового оформления данной дисциплины. Учитывая, что в итоге имя А. Смита в отношении экономической науки для многих стало нарицательным, ключевые идеи теоретиков английской политической экономии на долгие годы стали доминирующими. Не в последнюю очередь данный процесс происходил под влиянием работ К. Маркса и Ф. Энгельса, базировавшихся на смитианском понимании соотношения политики и экономики.

В этом смысле попытки реабилитации меркантилистских позиций со стороны отдельных экономистов XIX века стоит проанализировать не столько со стороны методик экономического анализа, сколько в плане предложения иных вариантов структуры взаимодействия политики и экономики. В частности, опубликовав в 1841 году свою «Национальную систему политической экономии» Ф. Лист фактически был одним из первых теоретиков, выступивших в защиту политической экономии в её изначальном содержании. В плане политической философии работа Листа предлагала вновь поставить экономику на службу политическому порядку в зависимости от исходных целей увеличения могущества того или иного государства. Исходя из данного принципа, немецкий экономист и выступил с критикой Смита по причине его космополитического взгляда (для Листа «нация» в первую очередь есть политическое сообщество, а не социальное¹²⁶). Таким образом, политика протекционизма для него становилась лишь инструментом в борьбе различных государств друг с другом, что возвращало экономиста к

¹²⁵ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С.153.

¹²⁶ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Социум, ЛКИ, 2017. С. 113-116.

изначальным идеям создателей политической экономии как понятия.

Реакция на предложения Листа со стороны Маркса и Энгельса с этой точки зрения ярчайшим образом демонстрирует расхождения различных подходов к пониманию роли политики в общей структуре человеческих взаимоотношений. Так, Маркс критиковал Листа по причине его отрицания гармоничной экономической конкуренции среди отдельных государств на международной арене¹²⁷, в то время критика со стороны Энгельса вообще носила характер насмешек¹²⁸.

Дальнейшая фаза неизбежного кризиса экономической идеологии была связана с тем фактом, что даже иные модели экономического знания, возникшие в процессе усложнения методик анализа (например, за счёт введения математических методов), уже не рассматривались сами учёными экономистами в качестве универсальной исторической теории¹²⁹. Другими словами, экономическая идеология просто отделилась непосредственно от экономической науки и переместилась уже в политическую философию, где существует до сих пор посредством ряда направлений (анархизма, либертарианства и тд). Последующее возникновение кейнсианства, окончательно отвергнувшего истоки экономического понимания политики, способствовало формированию альтернативных подходов к соотношению категорий политического и экономического. В этом смысле современная посткейнсианская экономическая теория продолжает данную тенденцию, рассматривая именно государственные и политические структуры в качестве определяющих детерминант процесса экономического развития¹³⁰.

Однако отстраняясь от вопросов методологии современной экономической науки нельзя не заметить, что даже внутри самой марксистской традиции, изначально ориентированной исключительно на

¹²⁷ Маркс К. О книге Листа «Национальная система политэкономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1955. Т. 42. С. 240.

¹²⁸ Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К. К критике политической экономии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 228.

¹²⁹ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 227.

¹³⁰ Mitchell W., Wray R.L., Watts M. Macroeconomics. London: Red Globe Press, 2019. P. 19-20.

политическую экономию и критическую публицистику, стали появляться предпосылки для выхода за пределы смитианской парадигмы. Первоначальное отношение марксистов к политической философии (как и к философии вообще) характеризовалось безразличием к её фундаментальным вопросам. К примеру, даже столь выдающийся марксистский теоретик как К. Каутский считал себя близким к неокантианству в плоскости философской рефлексии¹³¹. Актуальные политические события в этом смысле рассматривались наследниками Маркса лишь под углом практической публицистики, не претендующей на обсуждение философских вопросов. Однако уже в процессе развёртывания революционных движений в слаборазвитых странах, не отвечающих классическим критериям западных капиталистических государств, перед тогдашними марксистами неизбежно встал вопрос о необходимости теории политической практики.

Помимо того факта, что именно революционное свержение буржуазной власти рассматривалось в марксистской оптике в качестве единственно-возможного исхода политической борьбы, непосредственно подготовительный этап пролетарской революции воспринимался марксистами зачастую как технический (развитие производительных сил и производственных отношений с неизбежным летальным кризисом). В тех же случаях, когда экономический базис той или иной страны ещё не достиг необходимого предела – необходимо способствовать процессу ускорения, дабы приблизить социалистическую революцию¹³². Как и в случае с взглядами самого Маркса фактически подобные концепции имели серьёзное сходство с экономическим либерализмом, обосновывающим необходимость борьбы с остатками предшествующих капитализму социальных и политических институтов, что часто также связывалось с разделением производительного и непроизводительного труда. В среде марксистских интеллектуалов подобные положения в несколько изменённом виде

¹³¹ Корсаков С.Н. Проблема философии в марксизме (Россия – СССР, первая треть XX века) // Философия и идеология от Маркса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция. С. 302.

¹³² Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Политиздат, 1938. С. 116.

сохранялись даже среди тех мыслителей, которые выступали с критикой экономического детерминизма за счёт обращения к феномену политического. Так, даже итальянский философ А. Грамши, создавший политическую теорию гегемонии, всё ещё сохранял искреннюю убеждённость в необходимости ускорения капиталистических отношений посредством сокращения чиновничества как паразитической социальной прослойки¹³³.

Несмотря на то, что в контексте общей догматизации марксизма среди его многочисленных последователей непосредственно фигура В.И. Ленина часто воспринимается в качестве одного из создателей данного процесса, именно лидер большевистской партии стал одним из первых критиков изначального марксистского телеологизма. По существу, большая часть интеллектуального наследия Ленина относится именно к сфере политической теории (партия, государство, отношения масс с партиями и правящим классом и тд). В этом смысле даже экономические аспекты теории империализма использовались самим российским революционером лишь с расчётом на формирования конкретной политической стратегии¹³⁴. Однако революционность В.И. Ленина заключалась отнюдь не в отбрасывании определённых положений учения Маркса¹³⁵, но в создании новой политической практики, бросившей вызов идеям необходимости ускорения естественного исторического движения. То есть революционный захват власти со стороны Ленина и партии большевиков с последующим политическим реформатированием социально-экономической структуры территории бывшей Российской империи фактически означал разрыв со смитианским пониманием соотношения политики и экономики (так как уже сама политика становилась активнейшим элементом в процессе движения к

¹³³ Рассматривая американское рабочее движения, Грамши искренне восхищался их прогрессивным развитием в русле увеличения прав предпринимателей; Грамши А. Проблемы истории и политики // Избранные произведения: Т.3. М.: Изд. иностранной литературы, 1959. С. 421.

¹³⁴ Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 38.

¹³⁵ К примеру, та же работа Ленина «Государство и революция» была написана в полном соответствии с идеями о неизбежном отмирании государства и политики; Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 33. С. 55-56.

обществу естественной гармонии). При всём этом в отличие от самого Маркса, рассматривающего политику в качестве неизбежного следствия развития производительных сил, Ленин допускает возможность политического вмешательства, несвязанного напрямую с экономическим развитием. В рамках его мысли – политическая практика пролетарской партии становится двигателем революционного процесса, происходящего внутри случайной конъюнктуры. Возможный же успех избранной стратегии, также сформированной на основе учёта непредвиденных обстоятельств, отныне зависел не столько от применения универсальных исторических законов, сколько от самой по себе ситуации, и умения того или иного политического субъекта ориентироваться в её хитросплетениях. Интереснейший образом именно данный аспект понимания политики впоследствии послужит предпосылкой для создания альтюссерянской политической философии, ориентированной на антагонистическое описание политических отношений внутри конкретной конъюнктуры¹³⁶. В этом смысле даже концепция «сверхдетерминации» (фр. *surdétermination*), впервые предложенная Альтюссером в 1962 году, была создана, в том числе, под влиянием политической практики партии большевиков¹³⁷.

Однако важно подчеркнуть, что сам В.И. Ленина не рассматривал собственную революционную деятельность под углом опровержения тех или иных положений классического марксизма, сторонником которого он, по всей видимости, искренне себя считал. Более того, в процессе полемики со сторонниками классической марксистской стратегии естественного ускорения российский мыслитель даже использовал выборочные цитаты произведений К. Маркса с целью демонстрации собственной верности духу его учения¹³⁸. То есть фактически сам Ленин никак не сомневался в необходимости естественного отмирания государства и политики посредством перехода к коммунистическому обществу, неизбежное

¹³⁶ Montag W. Althusser's Lenin // *Diacritics*. 2015. №2 (43). P. 60-61.

¹³⁷ Альтюссер Л. Противоречия и сверхдетерминация // *За Маркса*. М.: Праксис, 2006. С. 136-137.

¹³⁸ См.: Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 6-8.

наступление которого он рассматривал как неоспоримое. Последующая переинтерпретация ленинской мысли со стороны как самого Альтюссера, так и нескольких его учеников будет связана уже с преодолением подобной метаполитической позиции посредством обращения к Макиавелли¹³⁹.

Наиболее серьёзной попыткой создания марксистской теории политики, имеющей некоторую степень автономии от экономического базиса, несомненно, стала грамшианская философская мысль впоследствии вышедшая далеко за пределы самого марксизма¹⁴⁰. В случае А. Грамши предпосылки создания концепции гегемонии были связаны не только с общим идейно-теоретическим кризисом марксистской экономической идеологии, но и с общей слабостью институтов гражданского общества в Италии. Дальнейший приход к власти представителей фашистской партии окончательно подставил под сомнение марксистский телеологизм, предсказывающий победоносное шествие социалистической революции в тогдашней Европе. Несмотря на то, что критические высказывания со стороны самого Грамши в адрес экономического детерминизма начались ещё с ряда его ранних статей, посвящённых революционным событиям в России¹⁴¹, дальнейшее переосмысление ключевых положений учения Маркса привело итальянского мыслителя к необходимости создания оригинальной политической теории. В этом смысле использование гегемонистских аппаратов со стороны тех или иных участников классового конфликта становилось одним из ключевых вопросов успешности революционной стратегии. Другими словами, грамшианская концепция гегемонии предполагала радикальную политизацию культурного пространства посредством системы органических интеллектуалов, способствующих продвижению революционного создания пролетариата как носителя

¹³⁹ Финский исследователь М. Лахтинен в данном контексте неслучайно использует термин «Макиавеллистский Ленин»; См.: Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston: Brill, 2009. P. 84-85.

¹⁴⁰ Thomas D.P. *The Gramscian Moment: philosophy, hegemony, and Marxism*. (Historical materialism book series). Boston: Brill, 2009. P. 8-31

¹⁴¹ См.: Грамши А. Революция против «Капитала» // Электронная библиотека «Нестор». URL: http://libelli.ru/magazine/98_3/i.htm (дата обращения: 14.03.2021).

исторического разума. В этой же связи Грамши использует одну из ключевых концепций собственной философии, понятие «катарсиса», которое понимается им самим в качестве политической вспышки, случающейся в момент кризиса общественно-экономической формации за счёт перехода от экономики к политике (от необходимости к свободе)¹⁴². Фактически внутри самой грамшианской философии борьба за гегемонию со стороны тех или иных классов и групп становится ключевой характеристикой политического, которое отныне выступает в качестве некоего исторического тарана, способного заново запустить движение к коммунистическому обществу.

В отличие от ленинской политической практики, не имеющей соответствующего философского оформления, идеи Грамши были неразрывно связаны с неогегельянской политической философией Б. Кроче, которого сам итальянский мыслитель также и подвергал критике на страницах «Тюремных тетрадей». К данному обстоятельству добавился и интерес Грамши к Макиавелли, мысль которого в рамках его интерпретации использовалась в качестве обоснования необходимости создания политической теории, способной сформировать наиболее успешную революционную стратегию¹⁴³.

Однако было бы ошибочно относить Грамши к числу мыслителей, осуществивших преодоление изначальных догматов марксистской теории как таковой. Учитывая, что итальянский мыслитель рассматривал необходимость создания теории гегемонии исключительно в целях приближения коммунистического общества, его идеи всё-таки продолжали историцистскую политико-философскую линию (неслучайно, что сам Грамши понимал марксизм именно как продолжение гегелевской философии¹⁴⁴). То есть стоит констатировать, что, несмотря на весь критический анализ экономической идеологии со стороны А. Грамши,

¹⁴² Грамши А. Проблемы исторического материализма // Избранные произведения: Т.3. М.: Изд. иностранной литературы, 1959. С. 59-60.

¹⁴³ Там же. С. 112-113.

¹⁴⁴ Там же. С. 95-96.

концепция гегемонии изначально создавалась лишь как политический инструмент уничтожения политики, позволяющий подтолкнуть естественный исторический процесс ликвидации классовой иерархии.

Подводя итог историческому развитию экономической идеологии нельзя не заметить, что общий кризис направлений политической философии, ориентирующихся на постепенное уничтожение собственного предмета, был связан не только с теоретической ограниченностью экономического объяснения природы политического, но и с неудачами практического воплощения подобных идей. Использование универсальных исторических законов в контексте ликвидации иерархического разделения социальных групп впоследствии было критически отброшено не только со стороны крупнейших политических философов XX века (К. Шмитт, Х. Арендт и др.), но непосредственно со стороны некоторых представителей самой марксистской традиции, чьи идеи по итогу вышли далеко за пределы марксистской метаполитики.

Глава 2. Материалистические основания политической философии Л. Альтюссера

2.1. Французский неомарксизм: исторический и интеллектуальный контекст

В условиях французской культуры политический радикализм ещё в XVIII веке оказался востребованным в тогдашней интеллектуальной среде. Традиция французского утопического социализма (А. Сен-Симон, Г. Бабёф и др.), помимо всего прочего, также оказала существенное влияние на формирование марксизма, адаптирующего ряд положений данного направления. В частности, необходимость естественного отмирания политики, в том числе, была позаимствована Марксом у Сен-Симона¹⁴⁵, который ряду с А. Смитом также являлся прямым наследником идей физиократов. В дальнейшем французская социалистическая мысль отличалась широким разнообразием (от умеренного социализма до анархо-синдикализма), однако непосредственно марксизм долгое время не являлся влиятельным течением во Франции (несмотря на тот факт, что вторым иностранным языком, на который был переведён «Капитал» стал именно французский). Как справедливо указывал Л. Альтюссер, в первой половине XX века Франция оставалась единственным государством Западной Европы, не подарившим истории крупного марксистского теоретика¹⁴⁶.

Последующее создание ФКП не только прочно закрепило статус французских последователей К. Маркса на международной арене, но и способствовало появлению французских интеллектуалов-марксистов, которые, следуя старой традиции, не спешили заниматься академической наукой¹⁴⁷. Итоговый процесс включения марксизма в философские дискуссии послевоенного поколения был неизбежно связан с возникновением новейших

¹⁴⁵ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 222.

¹⁴⁶ Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 37.

¹⁴⁷ Грецкий М.Н. Марксистская философия в современной Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 28.

философских течений (феноменологии, экзистенциализма и структурализма), представители которых в той или иной степени пытались использовать наследие Маркса в рамках создания собственных систем мысли.

Серьёзной предпосылкой возникновения интереса к марксизму во Франции стало также интеллектуальное оформление французского неогегельянства, закрепившегося ещё в конце 1940-х годов под влиянием русского эмигранта А. Кожева (Кожевникова) и французского философа и переводчика Ж. Ипполита, который ещё в 1939 году перевёл «Феноменологию духа» Гегеля на французский язык. Историческое влияние данных авторов серьёзным образом отразилось и на французском неомарксизме¹⁴⁸. В контексте политической философии интерпретация Кожева базировалась на диалектике господина и раба, экстраполирующей на движение исторического процесса как постоянной борьбы за признание¹⁴⁹. Несмотря на колоссальный уровень влияния, подобные попытки сближения Маркса и Гегеля изредка вызывали и волны протеста. Так, находясь под влиянием гегелевской философии, молодой Альтюссер ещё в конце 1940-х годов выразил несогласие с точкой зрения Кожева¹⁵⁰, что впоследствии серьёзным образом отразилось на общем состоянии французской интерпретации учения Маркса.

Само французское неогегельянство, несмотря на внушительное количество представителей, никогда не являлось единой школой. Те мыслители, что прочно ассоциируются с данным направлением, являлись последователями самых разных философов (Хайдеггера, Бергсона, Гуссерля и др.)¹⁵¹, которые в рамках их линий интерпретаций использовать с целью модернизации учения Г.В.Ф Гегеля. В частности, А. Кожев, ориентируясь на феноменологическую редукцию, разрабатывал философский проект «конца истории», который он также использовал в связке с собственной концепцией

¹⁴⁸ Kelly M. *Modern French Marxism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1982. P. 65-66.

¹⁴⁹ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 130.

¹⁵⁰ Althusser L. *Man, That Night* // Althusser L. *The Spectre of Hegel*. London: Verso, 1997. P. 170-172.

¹⁵¹ Курилович И.С. Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля–Гуссерля–Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. С. 16-17.

власти¹⁵². Другими словами, как и в случае с марксизмом французский проект переинтерпретации гегелевской философии изначально проходил в неразрывной связке с актуальной философской рефлексией своего времени.

Дальнейшая рецепция немецкого экзистенциализма и феноменологии во Франции также сопровождалась многочисленными попытками создания новых вариаций марксистской философии, основанных как на уже имеющихся версиях французского гегельянства, так и посредством переосмысления самого марксизма за счёт обращения к темам отчуждения и одиночества. Учитывая тот факт, что данный процесс совпал с публикацией ряда посмертных произведений К. Маркса, которые как раз и касались данных вопросов, гуманистическое прочтение текстов немецкого мыслителя в те года приобрело массовый характер. Особого упоминания заслуживают «Экономическо-философские рукописи 1844 года», которые в ряде случаев наделялись приоритетом даже по отношению к «Капиталу», что во многом было связано с общим переносом марксистской проблематики из экономической теории непосредственно в философию¹⁵³. В этом случае проблематика отчуждения и овеществления человеческих отношений рассматривалась вне жёстких корреляций с объективными экономическими законами. Подобная гуманистическая интерпретация марксизма, которую, по словам П.Н. Кондрашова, можно охарактеризовать как философию тотального социально-исторического праксиса¹⁵⁴, однако, имела несколько уровней, связанных с фигурами самих интерпретаторов.

Наиболее известными представителями экзистенциалистской линии переинтерпретации марксизма, возникшей посредством влияния Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, являлись Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти, предложившие свои собственные варианты политической философии, важнейшей составляющей которых являлось учение Маркса. Как известно, к самому

¹⁵² Там же. С. 135.

¹⁵³ С точки зрения британского историка П. Андерсона данный процесс являлся характерной общей чертой западного марксизма как такового; Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016. С. 78-79.

¹⁵⁴ Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 78.

Марксу Сартр относился с глубоким почтением, что абсолютно не мешало французскому философу использовать его идеи в совершенно иных контекстах, касающихся, как правило, далёких от экономической теории вопросов. Взяв за основы ряд глубоко детерминистских принципов, выстроенных на модели смитианской политической экономии, Сартр использовал их в плоскости радикальной гуманизации, устраняя технологический объективизм. В этом смысле краеугольным камнем данной политико-философской линии становилась классовая борьба, понимаемая в контексте индивидуальной свободы, противостоящей отчуждению¹⁵⁵. Окончательным оформлением подобной интерпретации марксизма стала «Критика диалектического разума» (фр. *Critique de la raison dialectique*), опубликованная в 1960 году. Впоследствии политическая философия Сартра имела серьёзные позиции не только в интеллектуальной среде, но и на низовом уровне, что ярчайшим образом проявилось на фоне леворадикальных протестов в Париже 1968-го года¹⁵⁶, многие участники которых находились под серьёзным влиянием экзистенциалистского прочтения Маркса.

Вместе с этим нельзя не отметить, что подобная рецепция марксизма внутри отдельных разновидностей экзистенциалистской традиции изначально касалась исключительно проблематики философско-антропологического характера. Предшествующая марксистская экономическая теория, господствующая внутри марксизма XIX века, не являлась предметом научных интересов философов-экзистенциалистов, на что в процессе критики позиций Сартра обращал внимание французский социолог Р. Арон¹⁵⁷.

Более ортодоксальная версия гуманистической интерпретации марксизма, представители которой, как правило, являлись членами ФКП,

¹⁵⁵ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академический проект, 2008. С. 36.

¹⁵⁶ Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2006. С. 66.

¹⁵⁷ Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 171-172.

исходила из самодостаточности учения Маркса, не нуждающегося в дополнениях извне. Ранние произведения Маркса в этом смысле также становились одним из ключевых текстов сторонников данного направления. Наиболее известным теоретиком ортодоксальной линии гуманизации марксизма во Франции стал Р. Гароди, чьи работы хоть и не выходили за пределы советской марксистско-ленинской ортодоксии, однако, затрагивали ряд вопросов, не свойственных официальной философии ФКП (отчуждение, освобождение человеческой личности и тд¹⁵⁸). То есть фактически Гароди выступал в роли посредника между тогдашним официальным марксизмом, ориентированным на воспроизводство советской идеологической доктрины, и непосредственно экзистенциалистским философским учением, которое, несмотря на противоречия, являлось важной составляющей его интерпретации учения К. Маркса¹⁵⁹. Впоследствии радикально-гуманистическая позиция Гароди не только вывела его за пределы марксистской традиции вообще, но и привела самого французского теоретика к религиозной политической теологии, содержащей в себе критику западной цивилизации как таковой¹⁶⁰.

В контексте сравнения отдельных положений гуманистических направлений французского неомарксизма стоит особо отметить, что их окончательный уход от тем, связанных с экономикой, не отменил изначальных принципов построения гармоничного общества, которые отныне просто потеряли прямую связь с политической экономией. Влияние философской антропологии, построенной на тезисах радикальной гуманистической эмансипации, прослеживалось в большинстве философских направлений послевоенной Франции, чьи представители ориентировались на идейно-теоретическое преодоление разрушительных последствий мировых войн.

¹⁵⁸ Гароди Р. Марксистский гуманизм. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 22.

¹⁵⁹ Шихардин Н.В. Социальная философия Роже Гароди: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2000. С. 18.

¹⁶⁰ Там же. С. 100.

Дальнейший путь развития марксизма во Франции происходил с одной стороны в процессе кризиса экзистенциалистской парадигмы, представители которой столкнулись с упадком революционных настроений широких масс, и с возникновением современных методов структурного анализа социальных связей с другой. С самого начала зарождения структуралистского движения во Франции наиболее острой критике с их стороны подверглись именно экзистенциалисты по причине концентрации последних на вопросах познавательных способностей человеческого субъекта. В процессе зарождения структурного метода в гуманитарных науках, что также сопровождалось кризисом традиционных моделей исторического знания, построенных на диахронических методах исследования прошлого, возник и непосредственно структуралистский марксизм¹⁶¹.

¹⁶¹ Levine A. Althusser's Marxism // *Economy and Society*, 1981. №10 (3). P. 276.

2.2. Эпистемологический разрыв и расколдовывание политической экономики

В противоположность абсолютному большинству марксистских интерпретаций своего времени альтюссерская школа, сформировавшаяся в середине 1960-х годов, оказалась единственным направлением западного марксизма, вышедшим на международный уровень. В разное время последователями Альтюссера объявляли себя представители самых различных течений социо-гуманитарной мысли, живущие в разных частях земного шара¹⁶². Несмотря на то, что уже в 1980-х годах влияние французского философа начало стремительно угасать, публикация многочисленных посмертных рукописей Альтюссера смогла не только пролить свет на множество ранее неизведанных тем его интеллектуального наследия, но и помогла буквально переоткрыть идеи мыслителя в рамках современных философских дискуссий. «В настоящее время неизвестный Альтюссер превзошёл известного», - отмечают создатели научного журнала «Decalages», целиком посвящённого альтюссеризму¹⁶³, и всем близким к нему течениям.

В последние годы интерес к Альтюссеру среди западных исследователей постоянно растёт, о чём свидетельствуют работы таких авторов как У. Монтэг, П. Сотирис, М. Лахтинен, Э. Де Ипола и других¹⁶⁴. Вместе с этим многие из вышеуказанных работ носят не только чисто исторический характер, но и претендуют на актуализацию отдельных положений альтюссеризма, заново возродившейся в последние годы. Наряду с современными мыслителями, испытывавшими в своё

¹⁶² Benton T. The Rise and Fall of Structural Marxism: Louis Althusser and His Influence. London: Macmillan, 1984. P. 112.

¹⁶³ Decalages. An Althusser Studies Journal // URL: <https://scholar.oxy.edu/decalages/> (дата обращения: 25.05.2021).

¹⁶⁴ См.: Montag W. Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War. Durham; London: Duke University Press, 2013; Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. Leiden; Boston: Brill, 2020; Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Boston, Brill, 2009; De Ipolo E. Althusser, The Infinity Farewell. Durham: Duke University Press, 2018.

время влияние французского интерпретатора К. Маркса становится возможным – проследить не только общую эволюцию учения Альтюссера в течение нескольких десятилетий, но непосредственно выявить те возможные направления переинтерпретации его политической философии, которые становятся возможными за счёт сближения альтюссеризма с рядом других политико-философских течений. Исходя из этого, можно констатировать, что Л. Альтюссер до сих пор остаётся влиятельной фигурой в плоскости современной политической теории.

С началом профессионального исследования отдельных положений политической философии Альтюссера стоит упомянуть, что общий корпус его текстов состоит не только из полноценных книг, опубликованных при жизни, но также из сборников прочитанных лекций, черновых версий неопубликованных книг, незаконченных фрагментов и тд¹⁶⁵. Причём высказывания самого философа в отношении определённых теоретических и практических вопросов могли серьёзным образом отличаться в зависимости от структуры и назначения того или иного текста. Как справедливо указывал Л. Штраус, подобные характеристики со стороны изучаемых мыслителей стоит воспринимать под углом подавления независимой мысли, связанной с особенностями того исторического периода, с которым тесно связаны произведения рассматриваемого автора¹⁶⁶.

В этом смысле большая часть текстов Альтюссера действительно имела неразрывную связь с тогдашними дискуссиями о марксизме, коммунистической партии, материализме и тд. Членство в ФКП и само по себе участие философа в коммунистическом движении накладывало серьёзные ограничения на его философскую мысль, о чём он сам впоследствии писал в своей автобиографии¹⁶⁷. Однако даже с учётом данных обстоятельств философию Альтюссера невозможно понять исключительно в качестве слепого отражения марксистских дебатов послевоенной Франции. В

¹⁶⁵ Elliott G. Althusser : The Detour of Theory. Boston, Brill, 2006. P. X-XI.

¹⁶⁶ Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение Т. 11, № 3, 2012. С. 16.

¹⁶⁷ Althusser L. Future lasts forever: A Memoir. New York: The New Press, 1993. P. 148.

отличие от абсолютного большинства французских интерпретаторов Маркса в настоящее время ключевые идеи философа используются даже теми мыслителями, которые напрямую уже не связывают себя с марксизмом как таковым¹⁶⁸, что лишь подтверждает актуальность дальнейших направлений переинтерпретации его политической философии.

В то же самое время разрозненный характер текстов Альтюссера указывает на серьёзную проблему исследования его творчества, которую, по словам К. Скиннера, можно охарактеризовать как «мифологию системности». Согласно постулатам данной мифологии произведения рассматриваемых авторов в обязательном порядке обладают внутренней согласованностью, выявить которую способен лишь той или иной комментатор¹⁶⁹. По этой причине при проведении исследования политической философии Л. Альтюссера неизбежной становится концентрация автора лишь на отдельных текстах самого французского философа, имеющих прямое отношение к сфере политического.

Уже на раннем этапе собственного творчества Альтюссер выступал в качестве критика определённых философских течений, относящихся к персоналистской и моралистической философии сознания¹⁷⁰. В противовес данным направлениям интересы молодого философа касались философии истории, которая в ранний период его мысли отсылала к идеям Г.В.Ф. Гегеля¹⁷¹. Последующая неразрывная связь вопросов политики и истории являлась отличительной чертой альтюссерианской политической философии как таковой. Критическое отношение Альтюссера непосредственно к гегельянству, которое в рамках его системы взглядов носило откровенно телеологический характер, также выступало в качестве одного из

¹⁶⁸ В частности, одним из наиболее оригинальных современных интерпретаторов Альтюссера является итальянский философ Витторио Морфино, работа которого связана с продолжением проекта алеаторного материализма, избавленного от истоков телеологического мышления классического марксизма; Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014. P. 2-3.

¹⁶⁹ Скиннер К. *Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 73.

¹⁷⁰ Sotiris P. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 26.

¹⁷¹ Althusser L. *On Content in the Thought of G. W. F. Hegel // The Spectre of Hegel*. London: Verso, 1997. P. 36.

центральных положений его философской мысли.

Находясь в самом центре тогдашних дискуссий о марксизме и его направлениях развития, французский мыслитель, как известно, предложил собственный вариант интерпретации учения К. Маркса, который и послужил началом создания его собственной философской системы. В контексте противостояния большинству марксистских интерпретаций своего времени Альтюссер выступил не только против различных экзистенциалистских и историцистских прочтений Маркса, но и непосредственно в противовес экономикоцентричному пониманию марксизма, которое на протяжении многих десятилетий воспринималось на массовом уровне в качестве единственно возможного. Так, даже Й. Шумпетер предлагал использовать в отношении материалистического понимания истории термин «экономическая интерпретация истории», акцентируя внимание на приоритете экономических факторов по отношению ко всем остальным¹⁷². В этом смысле альтюссерская критика экономической идеологии являлась попыткой внутренней реформации марксистской традиции как таковой.

С целью переинтерпретации отдельных положений политической философии Маркса Альтюссер использовал концепцию «эпистемологического разрыва» (фр. *rupture épistémologique*), которая не только позволила ему отделить ранние произведения немецкого мыслителя от его более поздних сочинений, но также и послужила отправной точкой проекта его собственной политической философии, ключевым источником которой был марксизм. Несмотря на то, что в ряде своих поздних произведений сам Альтюссер признавался в отсутствии разрыва в работах Маркса¹⁷³, на существовании которого он настаивал в 1960-е годы, фактически данная концепция имела не исторический, а философский характер. Многочисленные попытки преодоления изначальных границ

¹⁷² Шумпетер. Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара., 2011. С. 27-28.

¹⁷³ Althusser L. Marx in his Limits // *Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 27.

марксистского учения осуществлялись различными мыслителями по-разному (в том числе и за счёт внутренней самокритики). Другими словами, эпистемологический разрыв использовался альтюссерянами не столько в качестве борьбы за историческую достоверность, сколько с целью создания собственной политической философии, избавленной от идеологических догматов, связанных с проблематикой буржуазной мысли. Здесь можно согласиться с точкой зрения ряда современных исследователей, согласно которой современное теоретическое возвращение к Альтюссеру не должно повторять его возвращения к Марксу¹⁷⁴.

Однако практические последствия герменевтического прочтения марксистского учения Альтюссером¹⁷⁵ касались уже не столько многочисленных гуманистических философских течений, впоследствии утративших влияние, сколько продолжения проекта критики политической экономики, начатого ещё самим Марксом. Основания и границы марксистской экономической теории, основанной, в том числе, на учениях буржуазных экономистов XVIII – XIX веков, в этом смысле также становились преградой для теоретиков структуралистского марксизма. Данную схему можно истолковать посредством обращения к нескольким классическим произведениям сторонников данного направления. С этой точки зрения знаменитая двухтомная работа «Читать “Капитал”» (фр. Lire le «Capital») представляла собой не только новый вариант прочтения отдельных положений марксистской философии и политической экономики, но и непосредственно скрытую критику самого марксизма, содержащуюся в общем процессе альтюссеровской архитектурной реконструкции. Наиболее очевидным образом подобная логика прослеживалась в критическом рассмотрении ранних произведений К. Маркса, в которых,

¹⁷⁴ Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. XX.

¹⁷⁵ Следуя ходу мысли П. Рикёра, подлинно герменевтическое чтение со стороны интерпретатора заключается в разделении отдельных произведений рассматриваемого автора в зависимости от исходных целей самого прочтения. Сам Рикёр использовал в отношении подобной техники словосочетание «архитектоническая реконструкция»; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 243.

согласно Ж. Рансьеру, не содержалось критических выпадов в отношении политической экономии как дисциплины (некритическое использование Марксом идей А. Смита фактически выражалось в отчуждающем характере экономического обнищания как такового¹⁷⁶). То есть даже критика марксистского гуманизма, содержащегося в различных текстах Маркса раннего периода, использовалась альтюссерянами не просто в контексте структуралистского разоблачения традиционной философии субъекта, но сквозь критический анализ структуры политической экономии, полностью основанной на эмпиризме и телеологизме.

В противоположность экономическому пониманию политического процесса на раннем этапе собственного творчества Альтюссер использовал понятие «теория истории», отсылающее к обновленной версии исторического материализма, избавленного от посторонних идеологических конструкций¹⁷⁷. С целью поиска оснований собственной интерпретации французский философ обратился к тексту «Введение» к «Grundrisse» (Экономическим рукописям 1857—1861 годов), содержащему наброски эпистемологии, развиваемой впоследствии как самим Альтюссером, так и несколькими его учениками. Понятие «структурированной целостности» (фр. *un tout complexe*), вскользь упоминающееся самим Марксом на страницах вышеуказанного текста¹⁷⁸, позволило Альтюссеру создать форму структурной причинности, подрывающую саму возможность поиска первопричины рассматриваемого события. Другими словами, комплекс структурированных связей отныне становился своеобразным ассамбляжем причин к пониманию функционирования конкретных способов производства, не имеющих линейной последовательности друг за другом.

Как справедливо указывал Р. Арон, подобная социология различных способов производства с одной стороны продолжала идеи Маркса, но в тоже

¹⁷⁶ Rancière J. The Concept of Critique and the Critique of Political Economy: From the 1844 Manuscripts to Capital // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. P. 59.

¹⁷⁷ Альтюссер А. О связи между Марксом и Гегелем // Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005. С. 86-87.

¹⁷⁸ Маркс К. Введение к Grundrisse // К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 207.

время подрывала саму возможность построения универсальной исторической теории вообще¹⁷⁹. В плане критики политической экономии данный тезис означал, что непосредственно экономические факторы уже не могли рассматриваться в качестве двигателя мировой истории, сконцентрированной в различных контекстах, каждый из которых отныне обладал собственной структурированной целостностью.

Вместе с этим ещё в своих наиболее ранних сочинениях Альтюссер выступал против политических теорий, ориентированных на выражение некоего внутреннего порядка социальной целостности. Политическое вмешательство, не вписывающееся в господствующую структуру экономических отношений, рассматривалось им по аналогии с революционным событием, не имеющим первопричины¹⁸⁰. Предшествующие традиции экономической интерпретации политической революций с этой точки зрения наделяются не только историцистским содержанием, но и связываются с философским идеализмом, предполагающим наличие некой абсолютной субстанции, порождающей ответвления. Материалистические импликации подобной критики экономического эссенциализма в настоящее время рассматриваются исследователями в качестве основания политической философии Л. Альтюссера¹⁸¹, содержащегося в отдельных фрагментах его многочисленных произведений.

Политика же с точки зрения французского мыслителя связывается не с абстрактными экономическими законами, но с конкретной динамикой конъюнктуры (фр. *conjoncture*). Политическим характером в данном случае наделяется совокупность коллективных практик вмешательства как сложной форма сверхдетерминации, сформированной внутри единства революционного разрыва¹⁸². В отношении конъюнктурного понимания

¹⁷⁹ Арон. Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. С. 634-636.

¹⁸⁰ Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 340.

¹⁸¹ Lahtinen M. Althusser, Machiavelli and us: between philosophy and politics // *Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought* / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. 119.

¹⁸² Альтюссер Л. Противоречия и сверхдетерминация // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практис, 2006. С. 143.

материалистической политики позиция Альтюссера также означала отказ от универсальных экономических и исторических правил, претендующих на техническое понимание политического процесса, плавно вытекающего из технологических оснований. Фактическое подчинение экономических категорий политическому контролю, осуществляемому посредством классового господства со стороны правящих групп, означало, что сверхдетерминация становится трансформирующим фактором, способным на политическое переформатирование экономического базиса как такового. Говоря об особенностях подобной политической критики экономической идеологии, британская исследовательница С. Фаррис использует словосочетание «примат политики» в качестве наиболее точной характеристики подхода Альтюссера¹⁸³, с чем, отталкиваясь от особенностей альтюссеровского понимания сферы политического, можно согласиться.

Касательно постоянного обсуждения темы гегелевской диалектики Альтюссер всегда был настроен негативно по отношению к возможностям реабилитации идей немецкого мыслителя. Даже в своих наиболее поздних произведениях философ отказывался рассматривать возможности сближения с Гегелем, имя которого он неразрывно связывал с историческим телеологизмом¹⁸⁴. Вместе с этим нельзя не отметить, что альтюссеровская критика соотношения политического и экономического всё-таки действительно имела точки пересечения с политической философией Г.В.Ф. Гегеля. Учитывая, что именно Гегель являлся первым теоретиком, осознавшим возможность политического вмешательства с целью регулирования направлений экономического развития¹⁸⁵, альтюссеровская сверхдетерминация также может быть истолкована в качестве необходимости исключения из правил абсолютной всеобщности, рассматриваемой по

¹⁸³ Farris R. S. Althusser and Tronti: the primacy of politics versus the autonomy of the political // *Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought* / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. 199.

¹⁸⁴ Althusser L. *On History* // *History and Imperialism: Writings, 1963-1986*. Cambridge: Potity Press, 2020. P. 156-157.

¹⁸⁵ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 186-187.

аналогии с экономическим базисом. Как указывает С. Жижек, неотъемлемой чертой гегелевской конкретной всеобщности является артикуляция структуры особенных констелляций, в которых особенное содержание устанавливает гегемонию над всеобщим понятием¹⁸⁶, о чём в контексте сверхдетерминации говорил уже сам Альтюссер.

Несмотря на кардинальное различие исторических контекстов, позиция Альтюссера в схожем ключе соотносится с точкой зрения немецкого политического теоретика К. Шмитта, интерпретирующего философию Гегеля в качестве структурированной системы возможностей политизации нейтральной областей, способных совершить скачок к итоговому развитию объективной политической вражды¹⁸⁷. С этой точки зрения пересечение альтюссериянской и шмиттеанской позиций заключается в обосновании антагонистической политизации экономического базиса, срок жизни которого отныне напрямую не зависел от технологического развития средств производства.

Однако если многие интерпретации политической философии Гегеля, осуществляли критику экономической идеологии, основываясь на реализации универсального исторического разума¹⁸⁸, преодолевающего противоречия капиталистического способа производства, то теоретики структуралистского марксизма с самого начала отбросили подобный телеологический способ мышления. Вместо этого - ключевой составляющей альтюссеровского расколдовывания политической экономики стала непосредственно материалистическая философия, отвергающая универсалистские претензии экономической интерпретации политического процесса. Общий контекст новых материалистических онтологий второй половины XX века был связан с критикой предшествующих разновидностей материализма по причине их ориентации на поиск универсальных объяснительных принципов (будь то

¹⁸⁶ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 153.

¹⁸⁷ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 339.

¹⁸⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель. Сочинения. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7. С. 354.

материя, история или экономика)¹⁸⁹. В этом смысле алеаторный материализм Альтьюссера являлся частью общего подъёма философской критики эссенциализма, впоследствии развернувшейся среди остальных представителей постструктурализма¹⁹⁰.

В то же время именно теоретики структуралистского марксизма первыми осуществили материалистскую критику экономической идеологии, которая на протяжении всей интеллектуальной истории альтюссерианства являлась скрытым подтекстом произведений мыслителей данного направления. Ориентируясь на герменевтическую методологию Л. Штрауса, мы также можем использовать словосочетание «эзотерический уровень», отсылающее нас к необходимости более вдумчивого прочтения текстов конкретных авторов, вынужденных использовать те или иные маскирующие техники письма¹⁹¹.

Дальнейшее пересечение теоретиков структуралистского марксизма с гегелевской критикой экономической идеологии также становилось возможным посредством разрыва альтюссеровского марксизма с гуманистическими направлениями мысли, представители которых однозначно стремились к гармонизации естественных человеческих взаимоотношений. Отвергая данный историцистский посыл, Альтьюссер фактически приходит к необходимости создания новой марксистской диалектики, которую, по словам С. Жижека, можно назвать «диалектикой разрыва», отрицающей любые попытки естественного отмирания различных антагонизмов, составляющих первопричину любой идентичности¹⁹².

Принципиально также, что в процессе критики гегельянской теории общественной тотальности Альтьюссер возвращается к понятию политического, направленному против трансцендентных единств

¹⁸⁹ Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 41-42.

¹⁹⁰ Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 269.

¹⁹¹ Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение Т. 11, № 3, 2012. С. 22.

¹⁹² Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 8.

универсального типа¹⁹³, разворачивающихся посредством взаимосвязи всех внутренних элементов единой тотальности.

Развивая сравнительный анализ соображений альтюссеровского подхода к материалистической диалектике, нельзя не отметить, что в действительности подобные идеи на мировоззренческом уровне противостояли не столько политической философии Гегеля, направленной в сторону поиска скрытых смыслов природы социального антагонизма, сколько смитианской политической экономии, лежащей в основании марксизма как направления мысли. Другими словами, осуществив эпистемологический разрыв с экономической идеологией, Альтюссер стремился к созданию собственной версии учения Маркса, избавленной от многих изначальных особенностей формирования данной системы мысли.

Последующая материалистическая переинтерпретация марксизма со стороны альтюссеристов касалась не только общей политической критики экономического детерминизма, но и непосредственно создания собственной теории структуры взаимоотношений между политикой и экономикой. Несмотря на то, что отдельные произведения теоретиков структуралистского марксизма предлагали различные варианты взаимоотношений отдельных элементов структурированного целого, общие закономерности были описаны авторами ещё на страницах коллективной монографии «Читать “Капитал”», заложившей основы альтюссеристской критики политической экономии как таковой. Затрагивая чисто терминологические аспекты, следует отметить, что в отношении экономических категорий, затрагиваемые мыслители придерживались вполне себе ортодоксальных взглядов на природу стоимости, понимаемой ими в контексте отношения обмена и равенства между товарами (в данном аспекте альтюссеристы были максимально далеки от ценностной парадигмы Бём-Баверка¹⁹⁴). Вместе с этим эпистемологическое решение проблемы экономического детерминизма с их

¹⁹³ Альтюссер Л. О материалистической диалектике // За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 291.

¹⁹⁴ Гуторов В.А. Ещё раз о ценностях и «Капитале» // Полис. Политические исследования. 2020. №3. С. 137.

стороны заключалось в различии непосредственно «способа производства» (фр. *mode de production*), используемого в качестве абстрактного понятия (объекта знания) и «социальной формации» (фр. *formation sociale*), являющейся изменённым воплощением абстракции в конкретном примере (реальный объект)¹⁹⁵.

Подобное терминологическое уточнение не только серьёзным образом корректировало традиционное марксистское разделение базиса и надстройки (которое отныне рассматривалась в качестве практического воплощения элементов экономической структуры), но и отбрасывало классический марксистский экономический детерминизм за счёт восприятия способов производства как замкнутых структурированных объектов, каждый из которых отныне обладал собственной спецификой изъятия и распределения прибавочного продукта¹⁹⁶. Отталкиваясь от данного тезиса, теоретическим объектом «Капитала» Маркса становился исключительно капиталистический способ производства, внутренняя структура которого автоматически не распространялась на предшествующие капитализму способы производства.

Отличия между социальными формациями с этой точки зрения также становятся элементами естественного процесса влияния политической надстройки на экономический базис, результаты которого не имеют заранее заданного исхода (то есть обустройство экономики и политики в отдельных формациях становится исторически контингентным¹⁹⁷). В этой связи возможности политического вмешательства с целью реформатирования экономической структуры той или иной формации также теряли претензии на универсальность (отныне каждый отдельный случай сам создавал предпосылки для разрушения устоявшейся иерархии посредством обострения классового противостояния).

¹⁹⁵ Althusser L. *The Object of Capital* // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. *Reading Capital. The Complete Edition*. London; New York: Verso, 1997. P. 163.

¹⁹⁶ Balibar É. *On the Basic Concepts of Historical Materialism* // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. *Reading Capital. The Complete Edition*. London; New York: Verso, 1997. P. 236.

¹⁹⁷ Özselçuk C. *Louis Althusser and the concept of economy* // *Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought* / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. 208.

Главное достоинство альтюссеровской сверхдетерминации с этой точки зрения заключается в том, что политическое вмешательство внутри самого марксизма перестало рассматриваться в качестве закономерного итога технологического развития производительных сил. В этом случае политическая практика революционных групп теоретически могла возникнуть совершенно неожиданно, что также не означает, что объективные экономические законы автоматически создадут все предпосылки для формирования нового (коммунистического) способа производства. Фактическое воплощение данного тезиса заключалось в создании альтернативной концепции отношений между понятиями политического и экономического, объединённых посредством структурной причинности (фр. *causalité structurelle*), отрицающей взгляд на экономический базис как на естественный порядок вещей¹⁹⁸.

Следуя направлению критики смитианской интерпретации экономического содержания политических и исторических процессов, альтюссеряницы исходили из отрицания ими философского эссенциализма, ориентированного на поиск глубинной реальности самих вещей, истинная природа которых становится видимой исключительно посредством доступа к истинному знанию. При таком рассмотрении истинным знанием о природе самих вещей чаще всего становилась именно политическая экономия, претендовавшая на раскрытие экономической первопричины всей человеческой истории. Таким образом, альтюссеровская критика смитианского экономического эссенциализма была направлена не только против классической политической экономии, но и непосредственно против отдельных положений марксистской интеллектуальной традиции как таковой, проблематика которой, в том числе, была позаимствована Марксом у А. Смита. Несмотря на то, что «Читать «Капитал»» (как и большинство прижизненных текстов Альтюссера) не содержали прямых высказываний с

¹⁹⁸ Brushi F. A Dislocation without a Subject. Althusser, Laclau and Spinoza // Rev. Filosofía Univ. Costa Rica, LVIII (152), 2019. P. 85.

критикой учения Маркса, подлинное значение школы структуралистского марксизма заключалось именно в создании предпосылок для выхода за пределы собственной парадигмы посредством радикализации проекта критики политической экономии, начатого ещё самим немецким мыслителем.

Материалистическое содержание данного аспекта политической философии Альтюссера¹⁹⁹ впоследствии помогло сформировать более насыщенную критику современных вариаций экономической идеологии как таковой. Вопреки предшествующим традициям философского материализма, предполагающим наличие единого объяснительного принципа, алеаторный материализм Л. Альтюссера изначально исходил из отрицания самой возможности существования некой универсальной сущности. Отныне ни Бог, ни природа, ни экономика, ни даже сама материя не могли считаться единой первопричиной существующей реальности²⁰⁰. Материалистическим ответом на вопрос отсутствия центрального элемента является тезис о том, что каждый вопрос должен иметь конкретный ответ, содержание которого не должно заранее исходить из постулатов универсальной исторической теории, претендующей на поиск глубинных оснований посредством исследования производственных отношений.

Именно антитеоцентризм, используемый на идейно-теоретическом уровне в качестве повода объявления войны любому универсальному объяснительному принципу впоследствии послужил началом размежевания антиидеалистического типа материализма, связанного напрямую с именами Маркса и Энгельса, и непосредственно антитеологической разновидности материалистической онтологии, которая, помимо Альтюссера, в настоящее время также соотносится с именами крупнейших представителей современной континентальной философии (С. Жижек, А. Бадью, К. Мейясу и

¹⁹⁹ Goshgarian G.M. The Void of the Forms of Historicity as Such // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2019. №31(3). P. 244.

²⁰⁰ Следуя историко-философской типологии Ветушинского, материалистический проект Альтюссера целиком и полностью относится к третьему поколению материалистических онтологий; Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 42.

др.)²⁰¹. Другими словами, материалистическая критика марксистской экономической идеологии со стороны альтюссерянцев ещё на раннем этапе была связана с созданием обновлённой версии философского знания, способствующего выходу за пределы марксистского учения посредством эпистемологического разрыва с истоками данного направления мысли.

²⁰¹ Там же. С. 43-46.

2.3. Политическая практика нового государя

Альтюссеровская интерпретация политической философии Макиавелли в настоящее время рассматривается в качестве одного из наиболее востребованных аспектов творчества французского философа. Несмотря на то, что сам Альтюссер при жизни практически не высказывался публично об итальянском мыслителе²⁰², ряд его посмертных публикаций позволяет не только по-новому взглянуть на мысль Макиавелли, но и фактически проанализировать весь альтюссерианский политико-философский проект в зеркале макиавеллистской переинтерпретации марксизма как такового. Подобные предположения связаны с тем фактом, что именно под влиянием Макиавелли Альтюссер пришёл к необходимости создания нового понятия политического, не подчиняющегося универсальным законам истории в духе Гегеля и раннего Маркса.

Помимо непосредственно нескольких упоминаний итальянского автора в ограниченном количестве прижизненных текстов Альтюссера²⁰³, наиболее подробное изложение альтюссерианской интерпретации текстов Макиавелли содержится в книге «Макиавелли и мы» (фр. *Machiavel et nous*), которую сам философ писал в течение нескольких десятилетий, постоянно переписывая ряд фрагментов. В более укороченном изложении идеи данной работы были представлены Альтюссером в лекции «Одиночество Макиавелли» (фр. *Solitude de Machiavel*), прочитанной перед французскими политологами в 1977 году. Особо стоит отметить, что уже в данной лекции Альтюссер интерпретировал Макиавелли в духе материалистической онтологии, отрицающей тему наилучшего государственного устройства, что также отсылало к тематике радикально-нового начала, что в контексте сравнения с

²⁰² Помимо двух курсов, прочитанных Альтюссером о Макиавелли в 1962 и 1972 годах в ВНИИ, единственным его печатным текстом, посвящённым данной проблематике, являлся текст лекции «Одиночество Макиавелли», прочитанной в 1977 году во Французской ассоциации политической науки (на немецком языке текст был опубликован лишь в 1987 году); См.: Elliot G. Introduction: In the Mirror of Machiavelli // Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. XI- XII.

²⁰³ В частности, в эссе «Противоречие и сверхдетерминация» Альтюссер также вскользь упоминает Макиавелли в контексте анализа конъюнктуры; Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 136.

произведениями античных авторов предполагало создание нового типа знания о политике²⁰⁴.

Одновременно с текстами, которые были напрямую посвящены идеям итальянского мыслителя, Альтюссер писал о Макиавелли в тех работах, что относились к осмыслению актуальных политических событий (в частности, политике еврокоммунизма), что в свою очередь касалось и общефилософских вопросов, пересекающихся с материализмом. В процессе создания историко-философской традиции материализма столкновения Альтюссер не только включил Макиавелли в число каноничных мыслителей данного направления, но более того, отнёс итальянского автора к числу первооткрывателей материалистической теории политики²⁰⁵, которая впоследствии станет основой для альтюссеровского понятия политического.

Материалистическая переинтерпретация Макиавелли со стороны французского мыслителя изначально происходила в процессе полемики с иными точками зрения на содержания идей автора «Государя». Наиболее близким теоретиком для Альтюссера в данном контексте выступил А. Грамши, предложивший схожую концепцию нового политического субъекта, стремящегося к созданию нового состояния посредством коллективной воли²⁰⁶. В этом смысле функциями государя наделялась сама коммунистическая партия, выступающая в роли авангарда строительства нового общества, свободного от эксплуатации и угнетения. Понятием политического, получившей распространение в связи с кризисом традиционных экономических моделей объяснения революционных ситуаций, идеи Макиавелли использовались Грамши с целью обоснования собственной стратегии захвата гегемонистских аппаратов, претендующих на формирование общественного сознания²⁰⁷. Несмотря на пересечение

²⁰⁴ Althusser L. Machiavelli's Solitude // Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 116.

²⁰⁵ Althusser L. The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 172.

²⁰⁶ Грамши А. Современный государь // Избранные произведения: Т.3. М.: Изд. иностранной литературы, 1959. С. 114.

²⁰⁷ Там же. С. 118-119.

некоторых позиций, подход сторонников грамшианской линии основывался на переосмысленной системе воззрениях представителей итальянского неогегельянства, отталкивающихся от историцистских концепций философии истории, ориентированных на достижение массовой интеллектуальности, что и вызывало протест со стороны Альтюссера²⁰⁸. Наиболее острой критике со стороны французского философа подвергалась идея Грамши о подчинении задачам пролетарской революции непосредственно гражданского общества за счёт медленного процесса распространения классового сознания, сочетающегося с нормативной этикой. То есть - вместо захвата государственной власти, осуществляющей всеобщий контроль над массами со стороны представителей правящих классов, внимание самого Грамши переключалось на культурную гегемонию, рассматриваемую по аналогии с универсальной этикой²⁰⁹. С этой точки зрения альтюссерианская интерпретация политической философии Макиавелли выступала против идеи первичности гегемонии (или же идеологии) по отношению к появлению нового государя, который также рассматривался уже не просто как коллективный субъект, но скорее как системы инстанций, воплощающей в себе антагонистический характер взаимодействия социальных групп друг с другом²¹⁰.

Сама французская традиция интерпретации Макиавелли на момент написания Альтюссером своих текстов не имела собственной оригинальной специфики. На протяжении долгого времени история политической философии не пользовалась популярностью среди французских мыслителей, на что в своё время указывал сам создатель структуралистского марксизма²¹¹. Вместе с этим уже после Второй Мировой войны о Макиавелли начали писать такие выдающиеся французские философы как М. Мерло-Понти и К. Лефор. Однако если гуманистическая интерпретация Мерло-Понти шла

²⁰⁸Althusser L. *Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 146.

²⁰⁹ Althusser L. *What Is To Be Done?* Cambridge: Polity Press, 2020. P. 34.

²¹⁰ Там же. P. 65.

²¹¹ Альтюссер Л. *Ленин и философия*. М.: Ad Marginem, 2005. С. 17.

вразрез с точкой зрения Альтюссера²¹², то вот политическая философия Лефора, с точки зрения которой макиавеллизм наряду с марксизмом являлся вариацией реализма, отрицающего как естественную иерархию, так и историческую телеологию²¹³, оказалась близкой к альтюссерианскому пониманию феномена политического. В предисловии к рукописи собственной книги о Макиавелли Альтюссер не только отдал должное интерпретации Лефора²¹⁴, но и попытался продолжить его линию, связанную с антагонистическим характером политической философии.

Главное достижение самого Макиавелли, по словам Альтюссера, заключалось отнюдь не в основании политологической дисциплины, претендующей на наиболее объективное знание о политике²¹⁵, но в конъюнктурном политическом мышлении, ориентированным на поиск наиболее оптимальных средств осуществления поставленной задачи. Фактически итальянский мыслитель не просто отказывался от темы поиска наилучшего государственного устройства (вроде монархии или республики), но также шёл вразрез с самими по себе идеями универсальных законов истории и политики, детерминирующих любые возможные исходы развития событий. Посредством материалистической интерпретации содержания данного тезиса Альтюссер противопоставлял идеи Макиавелли многочисленным традициям в истории политической философии, представители которых следовали как идеям естественного права, так и занимались поиском неких глубинных оснований человеческих взаимоотношений вообще. С этой точки зрения антиподом Макиавелли становится не только вся предшествующая античная политическая мысль, но и многие последующие теоретики универсальной истории, выводившие политику из своих широких онтологических систем (например, Гегель)²¹⁶.

²¹² Busk A.L.; Portella E. Who are the true Machiavellians? Althusser and Merleau-Ponty Reading The Prince // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2017. № 29(3). P. 414.

²¹³ Лефорт К. *Формы истории: Очерки политической антропологии*. СПб.: «Наука», 2007. С. 190.

²¹⁴ Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 3.

²¹⁵ Althusser L. *Machiavelli's Solitude // Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 118.

²¹⁶ Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 9-10.

Другими словами, альтюссеровская переинтерпретация Макиавелли, аналогичная той, которую в своё время в отношении Спинозы²¹⁷ осуществил А. Негри²¹⁸, имела не только чисто историко-философский характер, но способствовала созданию материалистической теории политики²¹⁹, развиваемой самим Альтюссером в нескольких своих последующих публикациях.

Материалистический характер макиавеллистской политики в данном контексте понимался отнюдь не в духе традиции политического реализма (хотя мысль Альтюссера теоретически могла бы быть интерпретирована в данной области), но скорее сквозь призму собственного варианта материалистической онтологии, разрабатываемой мыслителем в поздний период собственного творчества. Сближая мысль Макиавелли с идеями античных атомистов (Эпикур, Демокрит, Лукреций), Альтюссер вводит понятие «конъюнктуры», ставшее одним из ключевых терминов его понимания сферы политического. Размышления о политической проблеме внутри конъюнктуры предполагали учёт всех конкретных обстоятельств, происходящих в режиме реального времени. То есть в противовес универсальным историческим нарративам, теория конъюнктуры исходила из случайной природы самой ситуации, развивающейся в отсутствии определяющего центра²²⁰. Базовые характеристики конкретных конъюнктур в этом смысле не зависели напрямую от естественного порядка вещей, характерного, например, для смитианской идеи рыночного общества, существующего за счёт прозрачных механизмов всеобщей гармонии. Подобно эпикурейским атомам, сталкивающимся в пустоте, политика Макиавелли становилась самой возможностью разрыва с любой устоявшейся

²¹⁷ Для обоих авторов рассматриваемые мыслители представляли собой дикую аномалию по отношению ко всей предшествующей политико-философской традиции; См.: Negri A. *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. P. 4.

²¹⁸ На схожесть подходов Альтюссера и Негри справедливо указывает и Г. Эллиот; Elliot G. Introduction: In the Mirror of Machiavelli // Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. XIII.

²¹⁹ В отношении альтюссеровской мысли данный термин впервые использовал финский исследователь М. Лахтинен, с которым в данном случае мы всецело готовы согласиться; Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009. P. 15-16.

²²⁰ Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 18.

структурой, срок жизни которой отныне определялся за счёт способности к дальнейшему воспроизводству устоявшейся системы иерархий. В сравнении с более широким понятием «структуры», характерным для раннего периода философии Альтюссера, конъюнктура понималась им как временное закрепление застывших элементов, столкнувшихся друг с другом в процессе распада предшествующего соединения²²¹. Таким образом, в отношении структурного соединения конъюнктура являлась одновременно как моментом жизни конкретной структуры, так и возможностью её радикального перереформирования, на что справедливо указывал Э. Балибар²²².

В отношении критики историцистского подхода к прочтению Макиавелли Альтюссер также исходил из идеалистического содержания универсальной истории, относящегося к гегелевской идеи «выразительной тотальности» (фр. *totalité expressive*), связанной с движением абсолютного духа. По этой причине грамшианская теория нового государя неизбежно продолжала телеологическую линию аргументации, при которой категориями движения всемирной истории наделялась уже непосредственно коммунистическая партия, рассматриваемая Грамши в неогегельянском ключе. Ещё в период своих наиболее «структуралистских» произведений Л. Альтюссер выступал против традиционного взгляда на исторический процесс как на движение совокупных противоречий, движущихся по направлению к определённой цели. Наиболее последовательным сторонником данной линии выступил Э. Балибар, предложивший ещё во фрагменте работы «Читать “Капитал”» новую концепцию исторического разрыва социальной структуры, изменяющей конфигурацию внутренних элементов при сохранении базовых характеристик²²³. Последующее использование данной теории Альтюссером

²²¹ Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009. P. 141.

²²² Balibar E. *Structural Causality, Overdetermination, and Antagonism // Postmodern Materialism and the Future of Marxist Theory: Essays in the Althusserian Tradition / edited by Callari A. and Ruccio D.F.* Hanover: Wesleyan University Press, 1996. P. 114-115.

²²³ Balibar É. *On the Basic Concepts of Historical Materialism // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition*. London; New York: Verso, 1997. P. 238.

в контексте критики понимания истории как постоянного изменения существующих отношений исходило из необходимости анализа конкретной ситуации, политическое содержание которой подчинялось лишь логике непредвиденных обстоятельств.

Возвращаясь к материалистической интерпретации макиавеллистской политики нельзя не заметить, что уникальность идей итальянского мыслителя, с точки зрения Альтюссера, заключалась в отрицании им трансцендентного порядка вещей, служащего первопричиной для возникновения политической практики нового государя. Несмотря на то, что сам Макиавелли явно имел в виду именно историческую личность²²⁴, по словам французского философа, непредвиденные обстоятельства определённой конъюнктуры сами становятся возможностью начала новой политики, реализуемой в отсутствии единого субъекта как центра политической онтологии. С этой точки зрения появление нового государя позволяет занять пустующее место в необходимой конъюнктуре, что при возможном стечении обстоятельств может привести к столкновению между участниками антагонистических отношений конкретного исторического времени. То есть в процессе занятия новым субъектом отсутствующего места, вызванного противоречиями различных инстанций, непосредственно новый государь становится одновременно и разрушителем устроившейся иерархии, и создателем новой системы социальных противоречий, установленной путём силы победившей стороны²²⁵.

В отсутствии необходимой терминологии, характеризующей данный аспект мысли Альтюссера, можно согласиться с точкой зрения итальянского исследователя С. Пиппа, использующего понятие «политической интерпелляции», характеризующейся захватом освободившегося эпицентра конъюнктурных изменений, исход которых напрямую не зависит от

²²⁴ Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 351.

²²⁵ Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 62.

устремлений реализуемой системы практик²²⁶. Другими словами, каждая конкретная конъюнктура в этом смысле становится полем многочисленных случайностей, способных стать основанием для политической практики нового государя, который, помимо всего прочего, не имеет какого-либо единой ипостаси.

Современные политико-философские дискуссии о новом революционном субъекте, способном к осуществлению прогрессивной политической стратегии, как правило, концентрируются вокруг темы определения характеристик этого самого субъекта посредством его сравнения с иными формами протестной активности. Особого упоминания здесь заслуживает современная традиция итальянского постопераизма, связанная со Спинозистской интерпретацией учения К. Маркса (А. Негри, П. Вирно и др.). Среди избранных представителей данного направления мысли наиболее отличительной чертой выступает понятие «множества» (лат. *multitude*), используемое в качестве центральной категории политической мысли постфордистского способа производства, основанного на новых взаимоотношениях человеческого труда и капитала²²⁷. Во многом отталкиваясь от данной формы революционной субъектности, альтюссеровская интерпретация Макиавелли у данных авторов выступает в качестве разновидности материалистической телеологии, служащей основанием сопротивления множества всеохватывающей Империи²²⁸. Однако, несмотря на то, что в текстах самого Альтюссера действительно содержатся некоторые пересечения с точкой зрения Хардта и Негри²²⁹, подход французского мыслителя остаётся уникальным в том смысле, что его теория нового государя не имеет жёсткой привязки к конкретной форме

²²⁶ Pippa S. Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of «Political Interpellation» // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2015. №31 (3). P. 375-376.

²²⁷ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 48.

²²⁸ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 73.

²²⁹ В частности, в тексте лекции «Одиночество Макиавелли» мы можем обнаружить характеристику нового государя как восстания многих; См.: Althusser L. *Machiavelli's Solitude* // *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 120.

политического субъекта. Учитывая, что непосредственно макиавеллистский государь рассматривался им в качестве системы инстанций, реализующих антагонистические функции классового противостояния с целью последующего закрепления новой системы иерархий²³⁰, характеристиками альтюссеранского субъекта могут наделяться самые различные организации и сообщества. Согласно ходу мысли создателя структуралистского марксизма, непредвиденные обстоятельства случайной конъюнктуры не только сами порождают конфигурации вышестоящих практик, поддерживающие установленные порядки вещей, но и сами создают предпосылки для возможности разрушения всей системы в целом²³¹.

Исходя из этого, базовые характеристики нового государя неизбежно складываются из особенностей конкретной конъюнктуры, за пределами которой его существование просто лишается всякого смысла. В итоге за счёт ускользания Макиавелли от субъектно-ориентированных политических теорий, сопровождающихся отчаянными попытками классификации Макиавелли как республиканца или монархиста²³², Альтюссер делает вывод об одиночестве мыслителя в истории политической философии, которое заключалось не только в уникальности его идей по отношению к предшествующим направлениям мысли, но и в самом по себе отказе Макиавелли от первостепенности личных качеств политических деятелей в контексте учреждения нового состояния распределения ролей²³³. Дабы основать новое государство предполагаемый князь должен в одиночку создавать армию, закрепляя собственную власть посредством силы, но также и не забывать об учреждении новых законов, закрепляющих его статус идеологического аппарата государства. С точки зрения Альтюссера новаторский характер мысли итальянского мыслителя, помимо всего прочего,

²³⁰ Althusser L. *What Is To Be Done?* Cambridge: Polity Press, 2020. P. 65.

²³¹ Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 64.

²³² В рамках современной исторической науки прочно закрепилось мнение о Макиавелли как о стороннике республиканской власти, что серьёзным образом связано с работой британского историка Квентина Скиннера, интерпретирующего Макиавелли в данном ключе; См.: Скиннер К. *Макиавелли. Очень краткое введение*. М.: Астрель, 2009. С. 89-90.

²³³ Althusser L. *Machiavelli's Solitude // Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 120

также заключался в том, что именно макиавеллистская политика понималась её создателем в качестве основы идеологического воспроизводства, способствующего поддержанию устоявшегося порядка властной иерархии²³⁴.

Проводя сравнение мысли Макиавелли с иными подходами к определению политического нельзя не заметить, что в отличие от предшествующей традиции классической политической философии²³⁵, мыслитель не только отказывался выводить саму политику из идеи общественного блага, но также выступил как первый теоретик захвата военной власти, понимаемой им самим как продолжение политики другими средствами²³⁶. Приоритет антагонистических отношений над идеями всеобщего блага позволяют Макиавелли определить понятие политического в качестве неизбежного феномена различия друзей и врагов, которое также оказывается зависимым от конъюнктурных обстоятельств столкновения военных сил. Другими словами, каждый друг становится потенциальным врагом, претендующим на учреждение новых порядков в процессе возникновения нового состояния общественной иерархии²³⁷.

Непосредственно материалистическое содержание данной точки зрения заключается, по словам Альтюссера, отнюдь не в самом приоритете конфликта по отношению к мирному сосуществованию, но в признании случайного характера как самого разделения на друзей и врагов, так и последующего закрепления власти победившей стороны, успех которой может стать лишь мимолётным²³⁸. То есть трансформирующая политическая практика понимается создателем структуралистского марксизма не в качестве ускоряющегося направления, движущегося по направлению ко всеобщему освобождению²³⁹, но скорее как закрепление власти победившей стороны,

²³⁴ Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 84.

²³⁵ Согласно Л. Штраусу, именно Макиавелли осуществил разрыв с классической традицией в политической философии; Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1958. P. 294.

²³⁶ Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 318.

²³⁷ Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Boston, Brill, 2009. P. 218.

²³⁸ Althusser L. The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 186.

²³⁹ Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. Leiden; Boston : Brill, 2020. P. 478.

оказавшейся более адаптируемой к изменяющимся условиям собственной конъюнктуры. Именно в данном аспекте наблюдается размежевание подхода Альтюссера по отношению к интерпретации Макиавелли со стороны А. Грамши, сохраняющей телеологическую характеристику нового государя-освободителя²⁴⁰.

Альтюссеровская интерпретация Макиавелли, имеющая в своём основании материалистический взгляд на природу политического процесса, позволяет не только проследить общую генеалогию возвращения политического в интеллектуальной истории XX века, но и обратить внимание на общий критический посыл подобных политико-философских направлений мысли в противовес многочисленным концепциям неизбежного отмирания политики. При сравнении альтюссерянского понятия политического с несколькими, схожими по базовым признакам, традициями в современной политической философии нельзя не заметить, что при сопоставлении общих противников, подход Альтюссера находит общие черты с подходом К. Шмитта, чьи идеи также послужили основанием для возобновления современных дискуссий о сущности политической вражды. Следуя данной точке зрения, наиболее последовательная модель понимания природы современных форм антагонизма находится именно в возможном процессе сближения непосредственно шмиттеанского и альтюссерянского подходов к определению понятия политического.

Важным достоинством идей Шмитта, которые до сих пор вызывают ожесточённые дискуссии среди исследователей²⁴¹, является его предрасположенность к анализу политики как самой возможности разделения на друзей и врагов, которое при всём этом не представляет собой статичного состояния, характерного для всей истории в целом²⁴². В этом смысле мир без политики рассматривается Шмиттом не как что-то желаемое или неизбежное,

²⁴⁰ Morfino V. Althusser as Reader of Gramsci // Rev. Filosofía Univ. Costa Rica, LVIII (152), 2019. P. 21.

²⁴¹ Об актуальной рецепции идей Шмитта в современном мире, в особенности, много писал современный французский философ Ален де Бенуа; Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. С. 7-8.

²⁴² Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 310.

но скорее в качестве радикальной недостижимости, позволяющей искусственным образом осуществлять подавление возможных вспышек политического противостояния со стороны третьей силы, претендующей на сохранение вечного мира²⁴³.

В отношении современной международной политики альтюссеррианская теория нового государя также может рассматриваться по аналогии с внезапным началом политического конфликта, способствующего нарушению некоего естественного порядка вещей. В окружении международных полицейских механизмов подавления политическое разделение как таковое неизбежно будет рассматриваться со стороны контролирующих органов по аналогии с формой партизанской войны внутри единого сообщества, отрицающего возможности учреждения новых государственных состояний, устанавливающих свои собственные правила и законы²⁴⁴.

Сравнение объекта мысли Макиавелли с фигурой партизана, подчиняющегося исключительно воле избранной политической линии, в современных условиях связано с перевосприятием самого по себе отношения к войне, служащей продолжением политической практики существующих состояний²⁴⁵. То есть закрепившиеся иерархические отношения на международной арене в этом смысле просто отказываются признавать учредительный характер новых политических субъектов, воспринимающихся с точки зрения чистого законодательства исключительно в качестве нарушителей общественного порядка, стремящиеся к ничем неограниченному социальному насилию²⁴⁶. Тот факт, что попытки переформатирования существующих государственных институтов довольно

²⁴³ Там же. С. 311.

²⁴⁴ Именно в данном аспекте новый государь Макиавелли способен действовать как партизан; Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 23.

²⁴⁵ Как указывает российский исследователь А.Д. Куманьков, так называемые «новые войны» в современном мире чаще всего представляют собой внутригосударственные конфликты, основой которых часто выступает террор против гражданского населения, что также связывают с разновидностью современной партизанской войны; Куманьков А.Д. *Война в XXI веке*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. С. 74.

²⁴⁶ В этой связи Шмитт использует понятие «учредительной власти» как создателя новой системы правоотношений, отрицающей предыдущие нормативные структуры; Шмитт К. *Диктатура*. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 270.

часто воспринимаются сверху как преступления окончательно закрепляет статус партизанского характера современной политической жизни.

2.4. Алеаторный материализм и преодоление марксистской метаполитики

Наиболее поздний период творчества Л. Альтюссера, отмечившийся исключительно несколькими обрывочными текстами, написанными в процессе ухудшения психического здоровья самого мыслителя, в настоящее время всё больше привлекает внимание различных исследователей и интерпретаторов по всему миру. Несмотря на то, что предпосылки к созданию альтернативного проекта новой материалистической философии наблюдались у Альтюссера ещё со времён его наиболее известных произведений 60-х годов²⁴⁷, подробное описание собственного понимания истории материализма мыслитель отразил в тексте «Подземное течение материализма столкновения», являющимся, по мнению ряда исследователей, своеобразным ключом к пониманию всего его интеллектуального наследия²⁴⁸.

Продолжающийся кризис марксизма, вызванный как практическими неудачами тогдашнего коммунистического движения, так и общим поиском путей преодоления различных телеологических систем мысли, побудили Альтюссера к созданию новой философской системы, способствующей переинтерпретации учения Маркса уже непосредственно за пределами границ его собственной мысли, искажённой посредством влияния предшествующих философских учений (в особенности, гегельянства и смитианства)²⁴⁹. Посредством обращения к нескольким потайным традициям в истории философии, французский мыслитель объединил разрозненные учения отдельных исторических периодов мысли под обобщающим названием алеаторного материализма (или материализма столкновения),

²⁴⁷ Американский исследователь Г. Эллиот указывает на явное продолжение проблематики работ того периода; Elliott, G. *Althusser: The Detour of Theory*. Boston: Brill, 2006. P. 360.

²⁴⁸ Montag W. *Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War*. Durham; London: Duke University Press, 2013. P. 174-175.

²⁴⁹ Сам Альтюссер в данном случае говорил о необходимости философии для марксизма вместо марксистской философии, использующей проблематику предшествовавших учений; См.: Althusser L. *Philosophy and Marxism. Interviews with Fernanda Navarro // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 257.

выступающим в качестве альтернативного стиля мышления по отношению к предшествующей традиции диалектического материализма, страдающей необходимостью телеологического и историцистского мышления. Опорной позицией для направления алеаторного материализма (фр. *matérialisme aléatoire*), находящегося в оппозиции большинству классических философских учений, выступает трансцендентальность случайности, противостоящая диктатуре необходимости, которая в рамках более ранних философских систем маскировалась диалектикой необходимости и случайности, что фактически предполагало именно превосходство необходимости (или телеологии) над случайностью²⁵⁰. Таким образом, в противовес пониманию случайности как модальности необходимости, Альтюссер предлагает использование необходимости в качестве исключительной необходимости столкновения (фр. *rencontré*) непредвиденных обстоятельств, развивающихся подобно движению атомов в пустоте²⁵¹.

К данной традиции новой материалистической онтологии восходили учения Эпикура, Демокрита, Лукреция, Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Руссо, Маркса, Ницше, Хайдеггера, Витгенштейна, Деррида и Делёза²⁵². Создавая подобную парадоксальную совокупность мыслителей, принадлежащих к абсолютно разным школам и направлениям, Альтюссер с одной стороны исходил из необходимости формирования нового антигегельянского типа материализма, что также автоматически предполагало возобновление внутреннего диалога представителей тогдашней французской философии. По этой причине многие интерпретации вышеуказанных мыслителей со стороны Альтюссера изначально связывались с учениями близких к нему мыслителей вроде Ж. Делёза и Ж. Деррида. Как справедливо указывает итальянский

²⁵⁰ Althusser L. *The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 170.

²⁵¹ В данном аспекте всецело проявляется антигегельянская природа алеаторного материализма Альтюссера; Erdem E. *Althusser's Relation to Hegel: French Hegelianism, Marxism, and Aleatory Materialism // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2019. № 31(3). P. 395.

²⁵² Althusser L. *The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 167.

исследователь В. Морфино, альтюссерианский тип материализма был неразрывно связан с актуальным историческим контекстом своего времени, начиная с радикальной критики эссенциализма, и заканчивая приматом онтологического хаоса над порядком вещей²⁵³. Вместе с этим серьёзным отличием алеаторного материализма Альтюссера от большинства аналогичных направлений постструктуралистской философской мысли является непосредственно политическое содержание данной материалистической онтологии.

Ещё в период написания своих наиболее известных прижизненных текстов интересы Альтюссера касались темы критики исторической детерминированности революционных процессов, развивающихся, следуя мысли классического марксизма, посредством технологического развития производительных сил²⁵⁴. Предпосылки материалистической критики подобных направлений мысли мы можем обнаружить уже в работах французского мыслителя периода 1960-х годов, содержащих в себе черновые наброски будущей теории случайного столкновения (неожиданной встречи²⁵⁵). Выступив против линейно-телеологической модели исторического процесса, Альтюссер предложил историческую концепцию случайного закрепления элементов общей структуры, осуществляющей дальнейшее воспроизводство с целью сохранения установленных порядков. То есть в противоположность гегелевскому снятию противоречий, предполагающему движения некоего центрального объекта по исторически сформированному пути, альтюссерианская концепция структурной причинности ориентировалась на историческую контингентность закрепления больших нарративов²⁵⁶.

Последующее обращение Альтюссера к политической философии

²⁵³ Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014. P. 94.

²⁵⁴ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 8.

²⁵⁵ Важно уточнить, что французское слово «гесонтрэ» помимо «столкновения» также имеет значение «неожиданная встреча».

²⁵⁶ Althusser L. *On Genesis // History and Imperialism: Writings, 1963-1986*. Cambridge: Potity Press, 2020. P. 35.

Макиавелли также исходило из материалистического содержания его поисков по созданию нового государства на Апеннинском полуострове. В этом смысле макиавеллистская политика рассматривалась мыслителем по аналогии с новым началом, осуществляющим разрыв с действующей политической конъюнктурой²⁵⁷. Использование Альтюссером Макиавелли, относящегося к скрытой материалистической традиции в истории политической мысли (наряду с такими классическими авторами как Гоббс и Спиноза), связывалось им с определенным набором критериев, способствующих созданию подлинно материалистического понимания политического процесса. Среди данного набора параметров, характеризующихся, по словам финского исследователя М. Лахтинена, отрицанием таких понятий как сущность, причина, закон и цель²⁵⁸, можно обнаружить критические выпады против любых теорий некоего естественного порядка вещей, выстроенного за счёт реализации универсального разума истории. Другими словами, альтюссерская интерпретация истории материалистической философии одновременно отвергала как отдельные гуманистические направления политической мысли, представители которых исходили из идей естественной человеческой гармонии (вроде анархизма или либертарианства), так и многочисленные телеологические традиции применения законов универсальной истории (здесь главным врагом алеаторного материализма становился Г.В.Ф. Гегель)²⁵⁹.

Исходя из отрицания онтологической первопричины существующего трансцендентального порядка, Альтюссер также обращается к идеям тех мыслителей, которые с точки зрения историко-философских классификаций не относились к материалистской традиции в принципе (речь в данном случае идёт о Л. Витгенштейне и М. Хайдеггере). Несмотря на скептическое

²⁵⁷ Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. Leiden; Boston : Brill, 2020. P. 460.

²⁵⁸ Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Boston, Brill, 2009. P. 96.

²⁵⁹ Альтернативной точки зрения на соотношение материализма Альтюссера и философии Гегеля придерживается С. Жижек, что по большей части соотносится к его интерпретации гегельянства в духе философии бесконечного разрыва; Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London; New York: Verso, 2012. P. 575-576.

отношение вышеуказанных мыслителей к теме материалистической онтологии²⁶⁰, Альтюссер использует отдельные положения их философской мысли, относящиеся к отрицанию идеи трансцендентальной первопричины человеческого бытия, характеризующегося наличием управляющей константы, направляющей весь ход движения материи. Отсутствие цели у философии, служащей основанием самой возможности построения всеобщей картины мироздания, интерпретируется мыслителем сквозь первый афоризм «Логико-философского трактата» Витгенштейна «...Мир есть все то, что имеет место...»²⁶¹. В контексте данного высказывания Альтюссер не только отказывается непосредственно от эволюционистской парадигмы движения к будущему обществу естественной гармонии, но и принципиально говорит о множестве самих по себе линий возникновения возможных миров, закрепляющихся исключительно посредством случайных столкновений²⁶².

Политические следствия данных мировоззренческих тезисов заключаются в необходимости анализа конкретных событий, происходящих внутри каждой отдельной конъюнктуры, подчиняющейся не всеобщим законам, но конкретным воплощениям устоявшихся структур и практик, срок жизни которых определяется посредством пересечения непредвиденных обстоятельств²⁶³. Как и в случае с Лениным, создавшим собственную политическую практику в процессе адаптации к революционной ситуации в России, материалистическая теория политики не предлагала универсально-практических методов достижения поставленных задач. Вместо этого традиция материализма столкновения изначально касалась отдельных ситуаций, не имеющих глубинных оснований в виде возможного трансцендентального порядка. Случайные столкновения внутренних

²⁶⁰ В частности, Хайдеггер связывал существование материализма с идеей определения сущего исключительно как материала человеческого труда; Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 207.

²⁶¹ Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 36.

²⁶² Althusser L. *The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 193.

²⁶³ Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009. P. 123.

элементов конъюнктуры с этой точки зрения становятся подлинным выражением материалистической политики, избавленной от детерминирующего контроля со стороны истории или экономики.

Последующее обращение Альтюссера к философии Хайдеггера, чьи идеи до сих пор часто воспринимаются как идеалистические, способствовало переинтерпретации отдельных положений его философской мысли. Отталкиваясь от тезиса об отсутствии первопричины существования человеческого бытия, параллельно сближая мысль Хайдеггера с идеями Эпикура, Альтюссер использует понятие «есть» (нем. *es gibt*) в качестве аргументации в сторону трансцендентальности случайных пересечений, позволяющих нам отвергнуть любые тезисы в защиту «естественного» обустройства мироздания²⁶⁴. Согласно Хайдеггеру, ситуация конкретного человека всегда характеризуется *Dasein* как неким изначальным присутствием, содержащимся исключительно в моменте каждой конкретной ситуации²⁶⁵. Другими словами, непосредственно *Dasein* в этом смысле оказывается единственно-постоянной константой, выступающей по аналогии с броском игральных костей, исходный результат которого не зависит напрямую от действий возможного субъекта, который уже и сам рассматривается исключительно в форме брошенного в саму ситуацию объекта²⁶⁶.

При всех возможных допущениях материалистическая интерпретация Хайдеггера со стороны Альтюссера относилась к общему движению поиска новых оснований для материалистической онтологии как таковой²⁶⁷. В условиях кризиса предшествующей традиции диалектического материализма, сохраняющей базовые постулаты гегелевского абсолютного идеализма, новое

²⁶⁴ Althusser L. *The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 170.

²⁶⁵ Хайдеггер М. *Бытие и время*. М.: Ad Marginem, 1997. С. 41-42.

²⁶⁶ Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009. P. 105.

²⁶⁷ Tosel A. *The hazards of aleatory materialism in the late philosophy of Louis Althusser // Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kim; P.D. Tomas*. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P. 9.

поколение материалистических онтологий исходило из отрицания не только самой возможности поиска неких универсальных законов исторического развития, но также и из отрицания существования единого объяснительного фактора в принципе²⁶⁸. Удивительным образом подобные мировоззренческие позиции способствовали объединению самых различных традиций современной материалистической философии, включая даже тех мыслителей, которые до сих пор стремятся к соответствующей переинтерпретации учения Гегеля в собственном онтологическом ключе²⁶⁹.

Затрагивая политический аспект импликации положений алеаторного материализма, нельзя не отметить, что в отличие от большинства аналогичных философских систем второй половины XX века альтюссерянский материализм изначально создавался в качестве основания непосредственно политической философии, претендующей, по словам самого Альтюссера, на возможность пересборки существующего порядка вещей²⁷⁰. Тот факт, что идейно-теоретические предпосылки данного направления мысли были заложены французским теоретиком ещё в собственный период ранних публикаций, не касающихся напрямую онтологических вопросов, говорит о важности применения положений алеаторного материализма к осмыслению феноменов политической жизни общества.

Первостепенным положением применения принципов алеаторного материализма к созданию нового понятия политического становится его общее отрицание устойчивых единств, строящихся на сохранении определённых социальных связей. В этом смысле первостепенность политических столкновений непосредственно над построением согласованных социальных структур, объединяющих большие группы

²⁶⁸ Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 42.

²⁶⁹ Наиболее известным примером попытки интерпретации Гегеля в ключе современной материалистской онтологии являются работы С. Жижика; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 8-9.

²⁷⁰ Althusser L. The Underground Current of the Materialism of the Encounter // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987. London; New York: Verso, 2006. P. 173-174.

населения²⁷¹, может восприниматься в качестве критики любых утопических проектов построения гармоничного общества (будь то анархизм или либертарианство). Ко всему прочему, с этой точки зрения политика как таковая становится не просто инструментом осуществления власти, но средством радикального переформатирования структур её воплощения, связанных с уникальным положением каждой конкретной конъюнктуры. Обращение Альтюссера к политической философии Макиавелли, мысль которого послужила началом материалистического взгляда на политику, имела прямое отношение к созданию традиции алеаторного материализма. В противовес поиску высшего блага, заключающегося в создании наилучшей формы правления, Макиавелли не только разорвал отношения с предшествующей классической политической философией, но и разработал собственный подход к анализу конъюнктурной ситуации, заключающийся в постановке политической задачи и указании на политические возможности её решения²⁷².

Вместе с этим важнейшим атрибутом альтюссерянского понятия политического выступал антагонистический взгляд на как таковой политический процесс, рассматривающийся в качестве состояния постоянного конфликта противоборствующих сил, конечный исход которого зависит как от принятых решений той и иной стороны, так и от непредвиденных обстоятельств, способных к реконфигурации всей ситуации в целом. То есть в противовес методологическому индивидуализму, распространённому среди представителей политического либерализма, Альтюссер выступал не только за коллективную форму идентификации, но также и предлагал рассматривать политическое поле в качестве сферы принятия решений, исключаяющей всеобщий консенсус²⁷³. Несмотря на то,

²⁷¹ Аналогичную точку зрения мы можем обнаружить и в отдельных работах Ш. Муффа; Mouffe C. *On the Political*. London; New York: Routledge, 2005. P. 30-31.

²⁷² Как справедливо указывает С. Пиппа, данный аспект мысли Макиавелли являлся ключевым для Альтюссера; Pippa S. *Althusser with Machiavelli: 'Thinking the Deed to Be Accomplished' as a New Materialist Practice of Philosophy* // *Stasis*, 2019. №8 (2). P. 111.

²⁷³ Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 36.

что в плоскости данной точки зрения сам мыслитель явно имел в виду различные формы классового конфликта (в марксистском смысле), общая характеристика его понимания феномена политического распространялась и на остальные сферы человеческих взаимоотношений. По этой причине Альтюссер был склонен к негативной оценке многочисленных неомарксистских направлений мысли, связанных с деполитизацией темы классового государства, независящего напрямую от расстановки классовых сил внутри конкретного общества²⁷⁴. Данный тезис влечёт за собой необходимость политической оппозиции тем устоявшимся структурам господства, которые в процессе закрепления собственной власти потеряли контроль на структурами воспроизводства системы в целом²⁷⁵.

Преодоление существующих отношений господства и подчинения, по мысли Альтюссера, однако не имеет телеологического направления, стремящегося к ликвидации любых антагонизмов и иерархических разделений. Для того чтобы понять обустройство определённой конъюнктуры нам необходимо понимание самой политической ситуации как постоянной угрозы возникновения новых волн антагонизма, стремящихся заполучить контроль над всей системой. Иначе говоря, как указывает Ш. Муфф, подлинно политический стиль мышления неизбежно требует признания гегемонизма, осуществляемого конкретными структурами общества за счёт определённой последовательности социальных практик²⁷⁶.

Критические выпады Альтюссера в сторону многочисленных идей достижения гармоничного состояния, избавленного от антагонистических отношений, касались и его скрытого неприятия марксистского определения коммунистического общества, которое, однако, не выразилось им

²⁷⁴ Farris R. S. Althusser and Tronti: the primacy of politics versus the autonomy of the political // Encountering Althusser: Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought / edited by K. Diefenbach; S.F. Farris; G. Kirn; P.D. Tomas. London; New Delhi: Bloomsbury, 2013. P.196-197.

²⁷⁵ Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London; New York: Verso, 2014. P. 148-149.

²⁷⁶ Mouffe C. The Return of the Political. London; New York: Verso, 2005. P. 118.

напрямую²⁷⁷. Прослеживая связи мысли Маркса непосредственно с идеалистической философией, французский мыслитель подверг критике саму возможность реализации прозрачных человеческих взаимоотношений, избавленных от любых форм принуждения (государства, политики, разделения труда и тд.)²⁷⁸. Данный аспект марксистской политической философии, унаследованный самим Марксом от смитианского рыночного общества, рассматривался Альтюссером в качестве одного из ключевых пределов учения немецкого мыслителя, который не смог преодолеть ни один из многочисленных представителей марксистской интеллектуальной традиции.

Однако революционность алеаторного материализма в этом случае заключается именно в преодолении данного аспекта марксистской метаполитики. Следуя ходу мысли Ж. Рансьера, определяющему метаполитику как неизбежное угасание политического посредством всеобщей временной политизации, неизбежно заканчивающейся достижением абсолютного равенства²⁷⁹, альтюссерская критика ликвидации политического приобретает совершенно новое содержание. Отталкиваясь от последующей постальтюссерской теории политической субъективности, посмертные публикации самого Альтюссера открывают возможности для иного взгляда на творчество создателя французской традиции структуралистского марксизма. Балансирование между антагонистическим взглядом на природу политического процесса и конъюнктурным пониманием непредвиденных обстоятельств позволяет представить Альтюссера как одного из немногих марксистов XX века, осознавших неустранимость политического разделения людей на враждующие группы и сообщества. Шмиттианский посыл данного аспекта

²⁷⁷ Следуя методологическому подходу Л. Штрауса, мы можем определить данный уровень письма Альтюссера как эзотерический, то есть как содержащий скрытые подтексты собственной политической философии; Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. P. 36.

²⁷⁸ Althusser L. *Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 37.

²⁷⁹ Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 127-128.

альтюссеровской мысли позволяет проследить актуальность его идей в эпоху постполитического консенсуса²⁸⁰, а также продемонстрировать возможные направления развития дальнейшей переинтерпретации положений алеаторного материализма как течения.

Проводя сравнение политического характера учения Альтюссера с отдельными направлениями современной континентальной философии, можно заметить, что вопреки общему соотношению с левой частью политического спектра, непосредственно альтюссерианцы на уровне теории противостоят ряду направлений современной критической теории общества. В частности, посттрудовая теория левых акселерационистов, получившая распространение в связи с повышением интереса к проблематике технологий и искусственного интеллекта, в этом смысле также оказывается связанной с созданием строго определённого образа будущего, избавленного от антагонизмов и невзгод современного мира²⁸¹.

По этой причине так называемый будущий мир без труда, установленный за счёт технологического вытеснения машинами непосредственно политической практики широких масс, оказывается очередной вариацией классической марксистской телеологии, отброшенной сторонниками Альтюссера ещё в период 1960-х годов. То есть концентрация акселерационистов на технологиях, рассматриваемых ими по аналогии с производительными силами, сквозь призму альтюссерианской критики может рассматриваться как своеобразное возвращение к базовым основаниям экономической идеологии, против которой выступал ещё сам создатель французской школы структуралистского марксизма. Таким образом, как таковая критика метаполитического характера отдельных направлений современной политической философии со стороны последователей

²⁸⁰ В рамках постмарксистской системы мысли постполитическое состояние рассматривается мыслителями сквозь призму ликвидации самой возможности начала антагонистических отношений, что вполне соотносится с подходами как Шмитта, так и Альтюссера; Mouffe C. Introduction: Schmitt's Challenge // *The Challenge of Carl Schmitt* / edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. P. 3.

²⁸¹ Срничек Н, Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 161-162.

Альтюссера приобретает не только историческое, но и актуально-философское значение.

Глава 3. Понятие политического в постальтгюссеррианской философской мысли

3.1. Общие направления эволюции политической философии структуралистского марксизма

Если классическая политическая философия ключевым образом занималась поиском наилучшей формы государственного устройства, связанной с темой общественного блага²⁸², то, начиная уже с Макиавелли, ключевой задачей данной дисциплины стало вскрытие иллюзий, скрывающих истинную природу политического процесса. С отказом от общественного идеала, основанного на божественном законе, ключевой проблемой Нового времени становится мышление о расколдованном обществе, подчиняющимся исключительно своим собственным правилам, отрицающим необходимость вмешательства извне²⁸³.

Последующий кризис традиционных представлений о политике, касающихся человеческой сущности и истинной природы движения истории, выразался в общем потоке критики в отношении классической философской проблематики, не отвечающей, по мнению критиков, реальному развитию знания об обществе и природе. Отталкиваясь от обвинений классической философии в схоластичности, постклассические направления мысли стремились максимально уйти как от эссенциализма, так и от чрезмерно обобщающих понятий, стремящихся охватить реальность всего человеческого бытия²⁸⁴. В отношении именно политической философии, сохраняющей в некоторой степени автономный статус, данные изменения отразились на отказе от устойчивых моделей политической субъективности и от самого по себе отождествления понятий политического и

²⁸² Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 51.

²⁸³ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 39.

²⁸⁴ Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М.: РОССПЭН, 2011. С. 20.

государственного, являющегося неотъемлемой чертой всей предшествующей традиции политической философии (как классической, так и современной)²⁸⁵. Другими словами, постсовременные представления о политике касаются уже не столько аппаратов осуществления власти, сколько возможностей выхода за пределы существующих ограничений, сдерживающих саму политику, содержащую в себе революционный потенциал.

Отношение непосредственно альтюссерянской традиции к проблематике переинтерпретации политики и политического в настоящее время остаётся местом для постоянных дискуссий, как со стороны профессиональных исследователей, так и со стороны сторонников тех или иных направлений мысли. Ко всему прочему, отношение самого Альтюссера к проблематике политического осложняется партийным характером большинства его прижизненных сочинений, содержащих в себе ангажированную позицию партийного интеллектуала ФКП. Исходя из исторических ограничений своего времени, мыслитель редко касался собственного определения предмета политической философии, которой, несмотря на все обстоятельства, он занимался в течение всей жизни. По этой причине многие прижизненные критики идей Альтюссера отказывали ему в статусе политического философа, основываясь на отсутствии у последнего самой по себе проблематики политического, которая в его случае заменялась политическим характером самой марксистской теории²⁸⁶, являющейся объективным отражением пролетарской идеологии²⁸⁷.

Несмотря на то, что опубликованный при жизни корпус текстов Л. Альтюссера действительно не содержал в себе фундаментальных произведений, напрямую относящихся к определению политики как

²⁸⁵ Как справедливо указывает австрийский исследователь О. Маршарт, именно различие между политикой и политическим с одной стороны, и политическим и государственным с другой, является ключевой характеристикой постсовременной политической философии; Marchart O. *Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau*. Edinburgh University Press, 2007. P. 4.

²⁸⁶ Именно под углом данной позиции против Альтюссера выступал его бывший ученик Ж. Рансьер; Rancière J. *Althusser's Lesson*. London; New York: Continuum, 2011. P. 111.

²⁸⁷ Стоит отметить, что в ряде случаев сам Альтюссер создавал предпосылки для подобных обвинений. В частности, определяя саму по себе философию в качестве политической борьбы в теории (нем. Kampfplatz); Альтюссер Л. *Ленин и философия*. М.: Ad Marginem, 2005. С. 59.

самостоятельной категории, некоторые философские концепты тогдашней альтюссеррианской теории всё-таки обладали политико-философским содержанием, относящимся уже к постсовременной парадигме истории политической мысли. В частности, как справедливо указывает П. Сотирис, уже концепция сверхдетерминации разрабатывалась Альтюссером с целью обоснования возможности политического вмешательства в существующий структурный порядок классовых отношений с его последующим переформатированием²⁸⁸.

Помимо данного аспекта тогдашних дискуссий о сущности предпосылок революционного процесса, политическая составляющая теоретического антигуманизма, ставшего неотъемлемой чертой альтюссеровской интерпретации учения Маркса, касалась критики гуманистического понимания исторического процесса как истории постоянного отчуждения,двигающегося по направлению к возвращению некой изначальной сущности. Критическое рассмотрение подобной гуманистической телеологии, берущей своё начало ещё со времён фейербахианской критики отчуждения²⁸⁹, являлось неотъемлемой чертой структуралистского понимания истории как процесса без субъекта, развивающегося посредством изменения конфигураций устоявшихся элементов единой структуры²⁹⁰. Последствия политической импликации положений тогдашнего альтюссеррианства выражались не только в критике гуманистических подходов к изменению общественного сознания, способствующих низовой гармонизации индивидов друг с другом, но и в опровержении многочисленных историцистских направлений мысли, относящихся как к традиционному марксистскому экономизму, так и к различным его неогегельянским версиям.

В процессе публикации многочисленных посмертных рукописей и материалов, затрагивающих, в том числе, сущность политического,

²⁸⁸ Sotiris P. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 340.

²⁸⁹ См.: Althusser L. *The Humanist Controversy // The Humanist Controversy and Other Writings (1966-67)*. London; New York: Verso, 2003. P. 236.

²⁹⁰ Poster M. *Althusser on History without Man // Political Theory*. V. 2. №4, 1974. P. 404.

предшествующие произведения Альтюссера не только стали рассматриваться с совершенно новых позиций, но и позволили проанализировать дальнейшие пути развития самой традиции структуралистского марксизма, двигающейся самыми различными направлениями. Наиболее важными текстами в данном аспекте стали исследования Альтюссера о Макиавелли, позволившие самому мыслителю не только поставить под сомнение традиционные марксистские постулаты о неизбежном отмирании государства²⁹¹, но и полноценно сформировать предпосылки для создания новой политической философии, базировавшейся на материалистической онтологии. Параллельная публикация работ об алеаторном материализме, ставшая неожиданностью даже для его наиболее последовательных учеников²⁹², помогло прояснить многие особенности альтюссеровского подхода к феномену политического, связанного с возможностью столкновения онтологических различий, разделяющих носителей тех или иных политических субъективностей по антагонистическим направлениям.

При всём этом нельзя сказать, что сам создатель структуралистского марксизма испытывал интерес к большинству аналогичных направлений политической философии, представители которых отстаивали необходимость автономии политики по отношению к иным сферам философского знания. В особенности Альтюссер протестовал против грамшианского понимания политического, затрагивающего культурную гегемонию эксплуатируемого класса. В противовес необходимости захвата структур гражданского общества, связанных с всеобщим внесением классового сознания, французский мыслитель продолжал настаивать на необходимости борьбы за контроль над государственными институтами политической власти²⁹³. Следуя

²⁹¹ Bruschi F. A Necessary but Impossible Political Practice: Althusser between Machiavelli and Marx // *Historical Materialism*. № 28 (1), 2020. P. 87.

²⁹² В частности, Э. Балибар не раз заявлял о том, что многие посмертные публикации его учителя стали неожиданностью даже для него; *Democracy, Oppression, and Universality: an Interview with Étienne Balibar* // URL: <https://www.versobooks.com/blogs/3518-democracy-oppression-and-universality-an-interview-with-etienne-balibar> (дата обращения: 09.04.2021).

²⁹³ Althusser L. *Marx in his Limits* // *Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 146.

ходу мысли самого Альтюссера, какие-либо возможные попытки направления общественного сознания в духе воплощения собственных идеологических иллюзий не только невозможны в силу антагонистического разделения общества как такового, но и практически бесполезны в плане настоящей политической борьбы. То есть в процессе критики тех направлений мысли, которые на уровне теории исходили из необходимости постепенной ликвидации политики посредством достижения всеобщего консенсуса, непосредственно альтюссерианская философская традиция изначально касалась неустранимости политического, способного к радикальному переформатированию устоявшейся конъюнктуры. Введение же неких универсальных принципов, рассматривающихся по аналогии с естественными законами мироздания, интерпретировалось альтюссерианцами лишь как прикрытие подлинно политических целей со стороны той или иной социальной группы²⁹⁴ (в особенности со стороны социального класса в марксистском смысле). С этой точки зрения политическая философия Альтюссера сохраняет актуальность в рамках продолжающегося «поворота к политическому», связанному с той совокупностью различных интеллектуальных течений, которые даже в силу различия отдельных позиций, сходятся в отрицании любых попыток покончить с антагонизмами²⁹⁵. В противовес многочисленным экономическим и технократическим традициям ликвидации политики посредством достижения максимальной рационализации, непосредственно альтюссеро́вская традиция продолжает и в настоящее время следовать данной позиции.

Вместе с этим отдельные направления последующей рецепции наследия Альтюссера в трудах его бывших учеников и последователей различались

²⁹⁴ При попытке поиска аналогичных систем аргументации в сторону критики маскирующих социальных связей, не позволяющих нам проследить подлинно политические цели тех или иных акторов, мы сталкиваемся с совпадением позиций альтюссерианцев и шмиттеанцев, которые, по словам П. Хирста, использовали аналогичную аргументацию в сторону теоретиков современной либеральной демократии; Hirst P. Carl Schmitt's Decisionism // *The Challenge of Carl Schmitt* / edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. P. 14.

²⁹⁵ Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 7-9.

между собой в связи с использованием тех или иных аспектов учения французского мыслителя. Посредством переинтерпретации отдельных положений структуралистского марксизма в общем контексте континентальной философии второй половины XX века, постальтюссерианская философская мысль развивалась различными путями, связанными с созданием собственных философских концептов. В зависимости от соприкосновения альтюссеровского понимания марксизма с тем или иным подходом к пониманию сущности политического различные теоретики, испытавшие серьёзное влияние Альтюссера, создали собственные вариации политической философии, продолжающей изначальный проект политической критики марксистской ортодоксии, закончившейся переходом к постмарксизму²⁹⁶.

Несмотря на крайнюю разнородность представителей данной парадигмы, конкретно постальтюссерианцев объединяла не только общая критика марксистского экономического детерминизма, но и необходимость создания новой стратегии революционной политики, способной к пересборке устоявшейся системы отношений.

²⁹⁶ Й. Терборн. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 167.

3.2. Множество как новый революционный субъект (А. Негри, Э. Балибар).

По справедливому замечанию Д. Уэста, вся постклассическая философия, возникшая в процессе кризиса предшествующей системы мысли, в той или иной степени касалась вопроса об ограниченности субъекта как самостоятельной философской категории²⁹⁷. Критический анализ многочисленных субъектно-центристских теорий, наследующих проблематику картезианского субъекта, в равной степени касался всех направлений постницшеанской философской мысли, выступивших с целью преодоления глубинных оснований западной метафизики как таковой²⁹⁸.

В контексте политической теории постклассические философские концепты поставили под сомнение многие исходные постулаты традиционных представлений о политическом. Помимо того обстоятельства, что непосредственно государство утратило статус ключевой категории властных отношений, сам по себе вопрос о новом революционном субъекте, способном к сопротивлению господствующей системе иерархии, неизбежно потребовал переинтерпретации.

Посредством критики гуманистических позиций классической философии те же постструктуралисты отвергли претензии различных групп на создание универсального политического субъекта, воплощающего в себе настроения наиболее угнетённых групп населения. Внутри непосредственно альтюссерианской философской мысли данная проблематика касалась понимания истории как структурного процесса, лишённого какого-либо субъективистского содержания. В процессе полемики с британским марксистом Дж. Льюисом сам Альтюссер подчёркивал необходимость отказа от субъективистских иллюзий революционной политики, строящейся вокруг

²⁹⁷ Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 269.

²⁹⁸ Глухов А.А. Перехлёт волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 13-14.

всеобщего освобождения²⁹⁹. Несмотря на то, что в последующих посмертных публикациях философ значительным образом прояснил собственную позицию, предложив в качестве нового субъекта совокупность политических практик (новый государь)³⁰⁰, его прижизненные сочинения не содержали в себе подробного изложения его политической теории. Данное обстоятельство в итоге ключевым образом коснулось содержания отдельных направлений постальтьюссерианской политической философии, представители которой стремились преодолеть изначальные недостатки собственной парадигмы.

Продолжая линию спинозистской интерпретации учения К. Маркса, начатую создателем структуралистского марксизма ещё в период своих ранних сочинений³⁰¹, ближайший ученик и соавтор Альтюссера Э. Балибар пересмотрел многие ключевые положения ортодоксального альтюссерианства, что сблизило его идеи с аналогичным подходом итальянского политического теоретика А. Негри, который также в своё время испытал влияние Альтюссера³⁰². Несмотря на то, что подходы данных мыслителей в контексте базовых концептов политической философии имеют серьёзные расхождения друг с другом, их общий посыл всецело относится к современной неоспинозистской политической теории³⁰³, с которой в той или иной степени пересекается одно из направлений постальтьюссерианской философской мысли.

Наиболее отличительной чертой спинозистской линии Балибара и Негри стал их общий взгляд на проблематику современного революционного субъекта, отличающегося от классических форм революционной субъектности (партии или пролетариата). В этом смысле взгляд обоих мыслителей был обращён на политическую мысль Б. Спинозы, идеи которого, следуя подходу

²⁹⁹ Althusser L. Reply to John Lewis // *Essays in Self-Criticism*. London: NLB, 1976. P. 42-43.

³⁰⁰ См.: Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 62.

³⁰¹ В спинозистском содержании таких работ как «За Маркса» и «Читать “Капитал”» признавался и сам Альтюссер; Althusser L. *Elements of Self-Criticism // Essays in Self-Criticism*. London: NLB, 1976. P. 126.

³⁰² В частности, одна из наиболее ранних работ Негри, посвящённая интерпретации «Экономических рукописей 1857-1859 года» К. Маркса, была создана из лекций, прочитанных по приглашению Альтюссера в ВНШ; Negri A. *Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse*. London: Pluto Press, 1991. P.VII.

³⁰³ Fourtounis G. On Althusser's Immanentist Structuralism: Reading Montag, reading Althusser, reading Spinoza // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2005. № 17(1). P. 101.

Негри, представляли собой аномалию по отношению к остальным направлениям политической философии Нового времени³⁰⁴.

Поскольку с этой точки зрения голландский мыслитель становился первым критиком национального государства, сдерживающего созидательный потенциал народных масс, политический аспект творчества Спинозы послужил основой для современной леворадикальной интерпретации его учения. Последующее противопоставление Спинозы Гегелю со стороны Негри строилось на общем противостоянии радикальной политической имманентности как возможности мышления и практики непосредственно гегельянскому трансцендентному диалектическому движению, стремящемуся к снятию любых форм неопределённости³⁰⁵. Учитывая тот факт, что уже Альтюссер использовал собственную концепцию «структурной причинности» (фр. *causalité structurelle*) в качестве секуляризированной версии спинозистской идеи бога как имманентной причины, существующей исключительно в собственных аффектах³⁰⁶, дальнейшая антигегельянская версия марксизма ключевым образом пересекалась с подходом Негри³⁰⁷. Таким образом, рецепция философских концептов Спинозы в трудах итальянского теоретика касалась по большей части использования им понятия «множества» (лат. *multitudo*), ставшего ключевой составляющей спинозистской версии постальтюссеризма.

Несмотря на то, что уже в трудах самого Альтюссера содержались теоретические разработки нового политического субъекта, основанного на неком ассамбляже коллективных практик³⁰⁸, проблематика множества создавалась параллельно альтюссеризанской философии, охватывающей

³⁰⁴ Negri A. *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. P. 9-10.

³⁰⁵ Негри А. Антисовременность Спинозы // *Логос*. 2007. №2 (59). С. 103.

³⁰⁶ Althusser L. *The Object of Capital* // Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. *Reading Capital. The Complete Edition*. London; New York: Verso, 1997. P. 183.

³⁰⁷ Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // URL: http://socialistica.lenin.ru/txt/p/penzin_1.htm (дата обращения: 26.04. 2021).

³⁰⁸ В тексте лекции «Одиночество Макиавелли» Альтюссер подчёркивает необходимость коллективной составляющей нового государства, выступающего в качестве создателя новой системы иерархий; Althusser L. *Machiavelli's Solitude* // *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 120.

различные школы современной леворадикальной мысли. В отличие от большинства предшествующих традиций понимания политического субъекта, основанных на поиске параметров внутреннего единства тех или иных групп и сообществ, отличительной особенностью множества становится сам факт различия отдельных индивидов, не поддающихся общим системам классификации. Другими словами, единство самих различий в данном контексте выступает основой идеи множества, отличающегося от предыдущих монолитных форм субъектности (вроде народа или рабочего класса)³⁰⁹.

Историческая генеалогия множества восходит к столкновению базовых понятий политической философии Нового времени, связанных с именами Гоббса и Спинозы, вступающих в противостояние по причине несовпадения концептов. Изначальный термин политической мысли Спинозы относился к множеству как к описанию множественности самого характера коллективного действия, направленного на реализацию общих задач, содержание которых не растворялось в потоке монолитного политического единства. С этой точки зрения гоббсианское понятие «народа» (лат. *populus*), рождённое посредством идеи суверенной власти, отрицало множество как возможную угрозу всеобщему правопорядку³¹⁰. Последующее закрепление народа в качестве основополагающего для политической мысли понятия было связано с возникновением национальных государств, основывающихся на самой идее народного суверенитета, учреждающего ту или иную форму политического единства (народа). По этой причине проблематика множества изначально была направлена не только против предшествующих традиций политической философии, исходящих из дихотомии «государство/народ», но и против самой по себе идеи суверена как разновидности трансцендентной власти. Следуя ходу мысли А. Негри, нынешняя политическая власть,

³⁰⁹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 129.

³¹⁰ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 10-11.

существующая в форме глобального суверенитета (Империи), сохраняет трансцендентный характер нововременной политической мысли, в то время как непосредственно капитал, напротив, действует имманентно, постоянно расширяя сферу контроля и подчинения новых территорий (в этом плане постальтьюссериянская мысль сближается с подходом Ж. Делёза и Ф. Гваттари)³¹¹. То есть в противовес антагонистическим вариациям понятия политического, построенного на противостоянии равных сторон, претендующих на захват аппаратов власти и господства, противопоставление множества Империи осуществляется по аналогии с сопротивлением совокупности угнетённых форме трансцендентной власти, воспринимаемой в качестве инородного паразита по отношению к социуму.

Пересечения спинозистской версии постальтьюссериянства с философской мыслью Делёза касались не только общего интереса к Спинозе³¹², но и самого подхода к множественности субъективностей, скрепляющихся посредством линий взаимодействия, и подчиняющихся случайной логике «сборки» (фр. *agencement*)³¹³. Несмотря на то, что в случае Делёза данный философский концепт использовался по большей части в контексте онтологии, его последующая рецепция среди постальтьюссеринцев способствовала созданию собственной модели современной политической теории, построенной как на отдельных положениях работ Альтюссера, так и на концептах многих его современников³¹⁴.

Сравнивая подход Негри с аналогичной системой концептов Э. Балибара, нельзя не заметить значительное сходство их программных манифестов. Продолжая спинозистскую линию интерпретации Маркса, французский мыслитель сближает его мысль с классическим европейским

³¹¹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 303.

³¹² В частности, параллельно с Альтюссером Делёз также предлагал антигегельянскую интерпретацию философии Спинозы; Делёз Ж. Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 27-28.

³¹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 119.

³¹⁴ Ссылаясь на альтюссериянскую интерпретацию Макиавелли, Хардт и Негри подчёркивают необходимость радикальной контрвласти как новой материалистической телеологии; Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 71-74.

дискурсом о свободе, понимаемой в неразрывной связке с равенством, стремящимся к сохранению коллективных различий при создании всеобщих прав и свобод. По этой причине одним из ключевых понятий политической философии Балибара является «равносвободие» (фр. *égalité*), разработанное автором с целью преодоления оппозиции между равенством и свободой в процессе современной политической эмансипации³¹⁵. Базовым основанием подхода Балибара является точка зрения масс непосредственно на политический процесс, которая в рамках настоящей системы концептов, противостоит внешним институтам власти как таковой³¹⁶. Как и в случае с Негри, позиция французского мыслителя заключается в классовой интерпретации положения низовых участников властных отношений, способных к сопротивлению за счёт объединения и революционной самоорганизации. Несмотря на то, что сам Балибар, как правило, не использовал концепт множества в рамках собственной модели политической философии, его позиция в отношении современного революционного субъекта, рассматриваемого в качестве самой возможности сближения разрозненных повстанческих элементов, имеет много общих черт с работами А. Негри³¹⁷.

Помимо всего прочего краеугольным камнем современной политико-философской интерпретации Спинозы стал пересмотр отношений между политикой как определённой сферой общественной жизни, подчиняющейся собственным эпистемологическим структурам и непосредственно онтологией, занимающейся общими вопросами характеристики бытия как такового. В этом смысле сторонники спинозистской ветви постальтюсеррианства исходили из онтологической природы множества,

³¹⁵ Гашков С.А. Этьен Балибар: «Равносвободие» и вызовы современности // ТОПОС: философско-культурологический журнал, 2015. №2-3. С. 126.

³¹⁶ Balibar E. *Masses, Classes, Ideas: Studies on Politics and Philosophy Before and After Marx*. New York; London: Routledge, 1994. P. 4.

³¹⁷ Обсуждая проблематику множества, сам Балибар отнюдь не возражал против использования данного философского концепта в рамках современных дискуссий о политическом; Curcio A., Özselçuk C. On the Common, Universality, and Communism: A Conversation between Étienne Balibar and Antonio Negri // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2010. № 22 (3). P. 318.

неспособной к стандартизации внутри конкретного политического организма³¹⁸. Как таковая гармонизация различий внутри революционного субъекта, способного к радикальному переустройству всей структуры иерархий, рассматривалась теми же Хардтом и Негри в качестве предпосылки для будущего социального устройства, основанного на всеобщей любви и гармонии³¹⁹.

По этой причине, несмотря на относительное продолжение альтюссерянского проекта, данное направление мысли вступает в конфликт с отдельными концепциями французского философа. Если сам Альтюссер в поздний период собственного творчества активным образом выступал против необходимости ликвидации политических антагонизмов посредством достижения всеобщего консенсуса³²⁰, то сторонники спинозистской линии постальтюссерянского проекта стремились наоборот к своеобразному возвращению к классической марксистской телеологии, построенной на необходимости создания прозрачных структур общественной жизни. Одним из наиболее ярких подтверждений данного тезиса с нашей стороны может служить концепция «трансиндивидуальности» (фр. *le transindividuel*), являющаяся базовым понятием политической философии Э. Балибара. Заимствуя данный философский концепт у Ж. Симондона, сам Балибар использовал его с целью преодоления различия между индивидуальным и общественным на уровне философской рефлексии, способствуя объединению разрозненных идентичностей в некоем общем поле прозрачной коммуникации³²¹. Как справедливо отмечает С. Жижек, данная позиция Балибара в результате оказывается перевёрнутым изложением социальной теории Ю. Хабермаса, поскольку признавая всеобщность основным горизонтом политики, бывший ученик Альтюссера тем не менее склонен к рассмотрению последней

³¹⁸ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 239.

³¹⁹ Там же. С. 424.

³²⁰ Althusser L. *Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P. 37.

³²¹ Balibar E. *Politics and the Other Scene*. London, New York: Verso, 2002. P. 171.

исключительно в виде пространства для диалога (но никак не столкновения между участниками)³²². То есть в противовес антагонистической интерпретации политики, предполагающей противостояние равных сторон, и Негри, и Балибар осуществляют возврат к традиционной характеристике экономической идеологии, характеризующейся неизбежностью устранения самой по себе сферы политического (о чём вскользь иногда упоминает и сам А. Негри, связывая автономию политического со шмитианской политической теологией³²³).

Однако, несмотря на весь революционный настрой политика множества, её ключевая составляющая, согласно ходу мысли Ж. Рансьера, построена на страхе перед неожиданной эмансипацией³²⁴. Боязнь крупных единств, охваченных логикой единой стандартизации, среди теоретиков множества в этом случае целиком выводится из необходимости тотальной политизации всей сферы человеческих взаимоотношений³²⁵. Таким образом, за счёт отрицания политики как отдельной сферы, касающейся вопросов антагонизма и эмансипации, сторонники спинозистского постальтюссериянства настаивают на неизбежности социального взрыва, выступающего в роли метаполитической предпосылки будущего коммунистического общества (или же его очередной вариации). По этой причине позиции вышеуказанных мыслителей часто подвергаются критике со стороны иных направлений постальтюссериянской политической философии.

Касаясь вопроса о соотношении категорий политического и экономического, стоит особо отметить, что внутри подходов сторонников спинозистской линии данная проблематика серьёзным образом отличается от аналогичных точек зрения среди других представителей постмарксистской

³²² Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 235.

³²³ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 415-416.

³²⁴ Рансьер Ж. Народ или множества? // Неприкосновенный запас, 2018. №6 // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/6/narod-ili-mnozhestva.html> (дата обращения: 26.04. 2021).

³²⁵ В частности, на необходимости политизации всех сфер социальной жизни общества настаивает и сам Балибар; Balibar E. *Masses, Classes, Ideas: Studies on Politics and Philosophy Before and After Marx*. New York; London: Routledge, 1994. P. 213.

мысли. Несмотря на то, что большая часть учеников Альтюссера, следуя его критике экономического детерминизма, концентрировалась на создании собственных концептов понимания политики, сторонники спинозистского направления отказались от данного аспекта альтюссеровской теории, объединив непосредственно политическую и экономическую власть в общем потоке имманентности капитала как сетевой власти, действующей по принципу детерриторизации³²⁶.

Другими словами, трансцендентная политическая власть сливается воедино с трансцендентной экономической структурой, поддерживая суверенитет современного государства³²⁷. По этой причине тот же А. Негри выступал против тех направлений политической философии, представители которых отстаивали автономный статус политики как самостоятельной категории. В рамках его системы мысли посредством интеграции национальных государств в транснациональную систему господства, политика на уровне властвующих групп становится исключительно сферой обслуживания глобального капитала, исключая возможность какого-либо политического сопротивления тех или иных государств единой Империи. Фактическая выработка стратегии контрвласти, следуя подходу итальянского политического теоретика, будет неизбежно связана с сопротивлением множества, находящегося внутри Империи, и параллельно создающим, ускользающие от власти капитала зоны, которые впоследствии могут служить основанием для будущего коммунистического общества³²⁸.

Отталкиваясь от спинозистской интерпретации политической философии Альтюссера, нельзя сказать, что теоретики данного направления целиком наследуют всем положениям исходной мысли создателя структуралистского марксизма. Несмотря на изначальную близость альтюссеризма к эпистемологии Спинозы, последующая интерпретация

³²⁶ Viparelli I. Reflecting on the Limits of Marxian Topography with Althusser and Negri // *Décalages* URL: <http://scholar.oxy.edu/decalages/vol2/iss1/26> (дата обращения: 30.04.2021). P. 15.

³²⁷ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 91.

³²⁸ Day R. E. The Aleatory Encounter and the Common Name: Reading Negri Reading, Althusser // <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0196859911416503> (дата обращения: 30.04.2021).

спинозизма в духе политической теории одновременно продолжала альтюссеровское понимание сферы политического, связанное с разрушением существующего закрепления конъюнктуры, но и в тоже время, шло вразрез с ним по причине возвращения к традиционной марксистской телеологии. Если ключевая составляющая философского проекта самого Альтюссера заключалась в обновлении марксизма посредством борьбы с рядом предшествующих идеологических концептов, то новое спинозистское прочтение текстов мыслителя на общем фоне французской философии XX века заключалось уже в адаптации положений альтюссерианства к современной форме политического протеста сторонников леворадикальной идеологии.

3.3. От метаполитики до ультраполитики (Ж. Рансьер, Э. Лаклау, Ш. Муфф)

Противоположное направление постальтюзерианской теории, базирующееся на более критическом отношении к исходному наследию французского марксиста, возникло в процессе общей политической критики классического марксизма, начатой отдельными мыслителями ещё в первой половине XX века по причине излишней концентрации учения Маркса на экономической структуре общественных отношений. Помимо критического анализа экономического детерминизма, свойственного практически всем марксистским школам, сторонники ультраполитического направления³²⁹ также подвергли разрушительной критике многочисленные неомарксистские течения, пытающиеся сохранить экономическую природу социального антагонизма (в особенности данное обстоятельство касалось раннего альтюзерианства периода 1960-х годов). Сквозь призму теоретиков ультраполитики многочисленные экономические и социологические концепции объяснения протестной активности масс постоянно стремились подчинить случайную природу эмансипаторных процессов некой структурированной сети, способной к объяснению любых форм сопротивления со стороны исключённых сообществ.

То есть политика в этом случае становится тем, что объективно противостоит любому виду социального ранжирования, формирующего организацию мест внутри конкретного общества³³⁰. В этом смысле как таковая социальная субстанция, выполняющая роль структурирующего механизма организации, в терминологии Ж. Рансьера получила наименование «полиция», которая следуя ходу его мысли, противостоит политике как самой

³²⁹ В рамках настоящего исследования одно из обозначений названия постальтюзерианской теории политической субъективности используется в соответствии с классификацией С. Жижека; Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 261.

³³⁰ Саркисянц А.А. Место события: устройство политического у Жака Рансьера // Социология власти. 2016. №4 (28). С. 20.

возможности подрыва устоявшейся системе социальной иерархии. Полиция с этой точки зрения предстаёт отнюдь не столько в форме государственной системы политических институтов, сколько в социальном порядке конфигурации возможных действий различных индивидов и групп³³¹. В противовес анархистскому разделению властной структуры на угнетающее государство и непосредственно угнетённое общество, Рансьер рассматривает полицию не просто как трансцендентную власть, стремящуюся к паразитическому существованию за счёт экономической эксплуатации, но скорее как неизбежную систему распределения мест внутри общества, которая также неразрывно связана с политикой как с собственной противоположностью.

Стоит особо подчеркнуть, что в рамках ультраполитической парадигмы полиция не наделяется однозначно отрицательным содержанием, параллельно связанным с необходимостью её разрушения в процессе политической эмансипации. Следуя подходу Рансьера, любая полицейская структура, априори стремящаяся к преобразованию установленных правил в естественные законы, в любом случае будет стараться подчинить любые возможные очаги несогласия (фр. *mésentente*) общему порядку социального разделения. Другими словами, вместо поиска наилучшей формы государственного устройства теоретики ультраполитики склоняются к описанию общих направлений развития политических конфликтов, которые рассматриваются ими в качестве основополагающих категорий политики как таковой. В противовес многочисленным социологическим и этическим концепциям политического, построенным на устранении антагонизмов и поиске консенсуса, данные мыслителя выступили в роли защитников политической вражды, которая, с их точки зрения, является неотъемлемой чертой полноценного демократического правления³³².

Начиная ещё с 1970-х годов данное направление постальтюдоссерийской

³³¹ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 54-55.

³³² Mouffe C. Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy // The Challenge of Carl Schmitt / edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. P. 41.

теории, возникшее, в том числе, на волне протестов 1968-го года, обозначило собственное идейно-теоретическое расхождение с мыслью Л. Альтюссера, отстранившегося от тогдашних протестных акций. В этом смысле наиболее острой критике со стороны Ж. Рансьера подверглась альтюссериянская политика теории, защищающая непосредственно классовый характер марксистской теории, что с точки зрения Рансьера содержало в себе ультралевую вариацию платонизма как разновидности полицейской логики восприятия субъективности³³³. Последующее противоречие между подходами бывшего учителя и ученика³³⁴ происходило при полном отсутствии взаимного диалога между участниками понятийного столкновения.

Вместе с этим уже в процессе публикации многочисленных посмертных рукописей Альтюссера, содержащих в себе новые концепты и проблематики политической философии, стало ясно, что критика со стороны Рансьера касалась исключительно отдельных фрагментов сочинений бывшего учителя и в настоящее время не относится к характеристике всего альтюссериянского проекта в целом. Здесь можно согласиться с точкой зрения российского исследователя И.А. Матвеева, характеризующего альтюссеровскую интерпретацию Макиавелли как близкую к позициям Рансьера, ориентированным на поиск уязвимостей внутри той или иной системы иерархий³³⁵.

В то же самое время пересечение подходов вышеуказанных мыслителей, изначально имеющих некоторые общие основания, заключается в наличии общего противника, стремящегося к подавлению антагонистических начал политики как учреждающей силы. В процессе кризиса традиционной марксистской ортодоксии, в противовес которой частично и возникло альтюссериянство, наибольшей критике подверглась метаполитическая

³³³ Уже в рамках данной работы Рансьер выступил против различных педагогических проектов создания универсального философского знания, к которым он отнёс также и альтюссериянство; Rancière J. *Althusser's Lesson*. London; New York: Continuum, 2011. P. 76.

³³⁴ Как справедливо отмечает О. Дэвис, в период подготовки коллективной монографии «Читать «Капитал»» вклад Рансьера в поддержку общей структуралистской доктрины Альтюссера был колоссальным; Davis O. Jacques Rancière. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 5.

³³⁵ Матвеев И.А. Альтюссер: политика теории // Неприкосновенный запас, 2012. № 85.

доктрина о неизбежном отмирании политических антагонизмов посредством будущей социалистической революции и перехода к коммунистическому обществу. С этой точки зрения политика не только рассматривалась как нечто искусственное и противоестественное, но и изначально связывалась исключительно с экономической структурой классовых взаимоотношений. Описывая генеалогию полицейской логики в истории политической философии, сам Рансьер охарактеризовал марксистскую метаполитику в качестве процесса всеохватывающей политизации, стремящегося к стиранию социального разделения как такового, что в свою очередь означает создание лишённой какого-либо политического содержания всеобщности. В частности, он писал: «...Политика, которой она служила основанием, может тогда отождествляться с неуловимым первоначальным раем, в котором индивиды и группы пользуются особенностью человека, речью, чтобы согласовать свои частные интересы в царстве общего интереса. Конец политики, провозглашаемый на могиле полицейских разновидностей марксизма,— в общем и целом всего лишь другая, капиталистическая и «либеральная» форма марксистской метаполитики...»³³⁶.

Проводя сравнение постальтьюссерянского определения политического как процесса столкновения политики и полиции, исход которого напрямую не зависит от структурных определений всей системы³³⁷, с точкой зрения самого Альтюссера, изложенной в нескольких его посмертных сочинениях, можно заметить явную преемственность между данными подходами. Несмотря на то, что начальный этап формирования теоретиков ультраполитики был связан с философской критикой альтюссеровского экономического эссенциализма³³⁸, параллельное развитие мысли французского мыслителя двигалось в схожем направлении, о чём явно свидетельствует ряд его последующих публикаций, увидевших свет уже в 90-е годы XX века.

³³⁶ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 127-128.

³³⁷ Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 99.

³³⁸ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics. London, New York: Verso, 2001. P. 98.

Характерным примером пересечения позиций Альтюссера с идеями его бывших последователей является материалистическая интерпретация идей Н. Макиавелли, послужившая основой для антиисторицистского понимания сферы политического. В противовес универсальным законам истории, французский мыслитель исходил из случайной возможности распада устоявшейся конъюнктуры посредством политической практики нового государя как своеобразного ассамбляжа социальных практик, объединённых общей целью создания новой системы инстанций. То есть вместо постепенного движения в сторону бесклассового общества, упраздняющего возможности столкновения организованных групп, Альтюссер предложил взгляд на иерархические структуры как на временные последствия конкретных политических решений, принятых в режиме случайного закрепления новой совокупности конъюнктурных элементов³³⁹. При всём этом политическая практика той или иной группы, стремящейся к ликвидации существующей системы воспроизводства классовых отношений, следуя подходу мыслителя, не может ориентироваться на универсальные правила политической борьбы. Вместо этого каждая конкретная ситуация сама создаёт конкретные возможности разрыва с существующей властной иерархией посредством изобретения новых конфигураций антагонистических отношений между различными группами и сообществами, которые также могут иметь совершенно непредвиденное внутреннее устройство³⁴⁰.

В контексте сравнения данной позиции с подходом Ж. Рансьера нельзя не заметить, что, несмотря на случившееся расхождение во взглядах между учителем и учеником, итоговые характеристики их позиций оказались схожими посредством критического рассмотрения многочисленных телеологических взглядов на политику. Из-за отсутствия границ и возможностей политической эмансипации как таковой протестный потенциал

³³⁹ Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 51.

³⁴⁰ Там же. P. 64.

масс окончательно утрачивает связи с марксистской метаполитикой³⁴¹. В отличие от сторонников спинозистского направления, осуществивших возврат на уровне теории к традиционной марксистской телеологии, связанной с сопротивлением множества паразитической власти, ультраполитический характер философии Рансьера окончательно утрачивает связь с нормативной этикой, признавая случайную природу любого конкретного полицейского порядка³⁴². Несмотря на то, что ряд исследователей в этой связи склонны интерпретировать мысль самого Рансьера в духе анархизма³⁴³, сам мыслитель максимально отстраняется от классификаций собственного учения. Учитывая, что неотъемлемой чертой его подхода является отрицания трансцендентного характера государства по отношению к обществу, понимаемому в качестве чистой имманентности³⁴⁴, ультраполитический аспект постальтюссерианской теории на деле противостоит анархистской традиции (также как и марксистской) по причине метаполитической составляющей критики власти внутри анархизма как политической идеологии.

Однако помимо общих сходств исходной мысли Альтюссера с политической философией Рансьера, их подходы имеют существенные различия, связанные не только с марксистскими истоками постальтюссерианства как направления, но и непосредственно с полемикой вокруг гуманистической проблематики. Ещё в период зарождения структуралистского марксизма как течения теоретический антигуманизм выступал в качестве одного из ключевых элементов философского проекта Альтюссера, качество отличавших его подход от большинства неомарксистских течений, ориентирующихся на ранние произведения К.

³⁴¹ May T. *The Political Thought of Jacques Rancière*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. P. 44-45.

³⁴² Перцева А.А. Историзм и субъективация: от Фуко к Рансьеру и обратно // *История философии*, 2017. Т.22. №1. С. 96.

³⁴³ К числу сторонников данной интерпретации можно отнести и Тодда Мэя; May T. *The Political Thought of Jacques Rancière*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. P. 82.

³⁴⁴ Democracy, anarchism and radical politics today: An interview with Jacques Rancière by Todd May, Benjamin Noys & Saul Newman // *Anarchist Studies*, 2008. Vol. 16, №2. P. 178.

Маркса³⁴⁵. Впоследствии именно данный аспект альтюссеровской теории в совокупности с общим приоритетом академического знания по отношению к политической практике масс станет главной мишенью критики структуралистского марксизма со стороны Рансьера, охарактеризовавшего альтюссеризм как платонизм в области марксистской педагогики³⁴⁶. В процессе создания собственной политико-философской терминологии, мыслитель не только на протяжении всех своих работ противопоставлял политику любой форме социального ранжирования, но и на постоянной основе отождествлял политическую эмансипацию с низовыми протестами угнетённых сообществ, исключённых из единой классифицирующей структуры³⁴⁷. Другими словами, внутри системы Рансьера сама политика воспринимается исключительно в качестве революционной субъектности, подрывающей любой установленный сверху порядок. По этой причине политическая практика закрепившейся системы новой власти мгновенно становится, согласно мысли французского мыслителя, формой полицейского контроля, утрачивающей непосредственно политическое содержание, исходившее от неё на начальном этапе.

В данном аспекте можно согласиться с оценкой С. Жижека, рассматривающего радикальное противопоставление политики и полиции по аналогии с истерическими провокациями, принятыми в психоаналитическом дискурсе³⁴⁸. Необходимость принятия политического решения, сопряжённого с отказом от определённых идеологических постулатов с целью достижения поставленной цели обосновывается Жижеком при помощи примера Карла Шмитта, концепция которого исходила из различения друга и врага, безразличного к верхним или нижним уровням противостояния

³⁴⁵ Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 316.

³⁴⁶ Rancière J. Althusser's Lesson. London; New York: Continuum, 2011. P. 51-52.

³⁴⁷ Даже в контексте педагогической практики Рансьер склонен рассматривать оппозицию между типами обучения именно как политическую оппозицию; Скопин Д.А. Проблема равенства в философии Жака Рансьера // Вестник НГЛУ, 2011. №16. С. 251.

³⁴⁸ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 326.

политических единств³⁴⁹. Вместо восприятия политики как традиционного столкновения угнетённых групп с системой, стремящейся к всеобщему подчинению, шмиттианское определение политического допускает возможность переформатирования сверху, исходящего со стороны учредительной власти как творца новой системы права³⁵⁰.

Проводя сравнение жижековского аргумента с альтюссеровской интерпретацией Макиавелли нельзя не заметить, что политическая практика нового государя, о которой писал сам Альтюссер также исходит из социальной детерриторизации, ускользающей от гуманистической интерпретации низового протеста как подлинно политического события³⁵¹. То есть французский философ предлагает концепцию, которая, с одной стороны, имеет первостепенное значение для критики гуманизации маргинальных сообществ, якобы обладающих революционным сознанием на постоянной основе, а с другой – позволяет критически осмыслить апории современных технократических иллюзий, связанных с идеями необходимости замены политики прозрачной структурой экономических механизмов, поддерживающихся нормами универсальной этики.

В схожем контексте, артикулирующем иное направление ультраполитики, развивалась и дискурсивная теория гегемонии Э. Лаклау и Ш. Муффа, возникшая, в том числе, в процессе кризиса марксистской экономической идеологии. Посредством обращения к идеям Альтюссера, создатели данного направления мысли фактически радикализировали отдельные положения его политической философии, которая, с их точки зрения, не совершила окончательного отхода от догматической структуры учения К. Маркса³⁵². Наиболее важным элементом альтюссеровской

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Шмитт К. Диктатура. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 270.

³⁵¹ Обосновывая случайный исход деятельности нового государя, Альтюссер указывает на то, что успех реализации той или иной политической стратегии не связан с определённой идеологической иллюзией о глобальной освободительской миссии, связанной с защитой угнетённых сообществ; Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 89.

³⁵² Так, признавая существенное влияние на собственную мысль идей Альтюссера, Лаклау и Муффа, тем не менее, не преувеличивали его роль в рамках собственной политико-философской доктрины; Hegemony and

доктрины в случае Лаклау и Муфф стала концепция сверхдетерминации, позволяющая подчинить экономическую составляющую классового конфликта непосредственно политическому антагонизму, подчиняющемуся исключительно логике случайной борьбы за гегемонию. Соединив данный аспект философии Альтюссера с грамшианской теорией гегемонии, мыслители предложили рассматривать сам по себе факт столкновения различных сообществ с целью подчинения производства нормализующих дискурсов в качестве отправной точки любой политической борьбы³⁵³.

С этой точки зрения политическое как таковое не только предшествуют экономической структуре того или иного общества, но и более того предшествует самому обществу как социальному закреплению результатов политического конфликта между различными дискурсивными формациями³⁵⁴. Связывая фиксированные значения о едином обществе с эссенциалистской проблематикой и господствующей идеологией³⁵⁵, Лаклау интерпретировал социальную совокупность как бесконечную игру различий, стремящихся к навязыванию собственной идентичности посредством распространения гегемонии. Как и в случае с Рансьером, Лаклау и Муфф отказывались от политико-философской парадигмы, внутри которой политика рассматривается с точки зрения отдельных сфер общественной жизни. Вместе этого среди данных теоретиков политика стала использоваться в качестве первопричинной категории, разделяющей те или иные направления дискурсивной борьбы. Причём в отличие от столкновения политики и полиции в рамках политической философии Рансьера, мыслители ориентировались на шмиттеанскую оппозицию между другом и врагом, которая в их случае становилась неотъемлемой чертой проекта радикальной

Socialism: An Interview with Chantal Mouffe and Ernesto Laclau // *Palinurus: Engaging Political Philosophy* // <https://anselmocarranco.tripod.com/id68.html> (дата обращения: 10. 05. 2021).

³⁵³ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso, 2001. P. 152-153.

³⁵⁴ Лаклау Э. Невозможность общества // *Логос*, 2003. №4-5 (39). С. 55.

³⁵⁵ В данном аспекте проявляется ещё одна особенность влияния структуралистской оптики на творчество Лаклау и Муфф; Матвеев И.А. Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2009. № 3. С. 72.

демократии.

В противоположность универалистским категориям всеобщей рациональности, ориентированным на поиск практик общественной гармонизации, Лаклау и Муфф отрицают саму возможность создания нейтральных символических практик, подчиняющихся логике социальной гармонизации³⁵⁶. С их точки зрения подлинно политическое мышление заключается в интерпретации политики как дискурсивной модели формирования социального мира, находящегося в постоянном становлении. Наиболее крупные социологические категории (нации или социальные классы), следуя данному подходу, становятся лишь временно-закреплёнными аппаратами, установленными путём захвата гегемонии в той иной сфере человеческих взаимоотношений. То есть антагонизм становится не просто одним из аспектов политики, но базовой составляющей политики как постоянной негативности, построенной на отрицании чужого бытия по причине онтологического противоречия. Пересечения данного направления мысли с идеями К. Шмитта, который также отказывался от поиска идей всеобщей справедливости, устраняющей возможности антагонистического разделения больших и малых сообществ, очевидны³⁵⁷.

Последующая рецепция подхода Шмитта к пониманию сущности политики стала основой для агонистической модели демократии, исходящей из необходимости постоянного столкновения отдельных социальных групп друг с другом, сдерживая, тем не менее, возможный разрушительный потенциал внутригосударственного антагонизма. В этом смысле ключевой составляющей ультраполитического видения демократического процесса становится критика тоталитарного подхода к формам народовластия, которые не только отрицали противоречивый характер общества как такового, но и постоянно стремились к созданию прозрачных коммуникаций,

³⁵⁶ Mouffe C. *The Return of the Political*. London; New York: Verso, 2005. P. 41.

³⁵⁷ О решающем влиянии идей Шмитта на формирования ключевых положений собственной политической философии говорила, в том числе, сама Ш. Муфф; Mouffe C. *On The Political*. London; New York: Routledge, 2005. P. 12-13.

упраздняющих антагонистический характер дискурсивных формаций³⁵⁸. По этой причине постмарксистский анализ Э. Лаклау и Ш. Муффа является одним из наиболее известных примеров современной леворадикальной мысли, избавленным от марксистской экономической идеологии, редуцирующей политическую борьбу до экономического развития средств производства.

Сравнивая базовые положения данного направления постальтьюссерианской политической философии с мыслью самого Альтюссера, нельзя не заметить, что, несмотря на исходное отстранение теоретиков ультраполитики от школы структуралистского марксизма, многие положения их концепции оказались схожи не только с рядом положений позднего Альтюссера, но и с некоторыми позициями, изложенными в его наиболее известных прижизненных публикациях. Учитывая, что альтюссеровская концепция сверхдетерминации, получившая распространение среди тех мыслителей, которые на уровне теории стремились к преодолению марксистского экономического детерминизма, по оценке ряда исследователей, послужила отправной точкой будущей постмарксистской вариации понятия политического³⁵⁹, последующая публикация посмертных рукописей дала начало новому этапу развития современной политической теории. Непосредственно материалистическое начало альтюссерианской теории понимания природы политики в итоге оказалось скрытым началом общего изменения структуры политической философии как дисциплины.

Как и в случае с подходом Рансьера, Альтюссер не только отказывался от поиска наиболее лучшей модели революционного переустройства с последующим закреплением пролетарской системы власти, но и от обоснования универсальной сущности общественных отношений, подчиняющейся исключительно логике противоречия производительных сил

³⁵⁸ Marchart O. Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 139.

³⁵⁹ Балаян А. А., Томин Л. В. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки, 2018. № 1. С. 92.

и производственных отношений. Критикуя марксистское понимание политики, относящееся к необходимости достижения прозрачного общества, мыслитель однозначно отвергал как марксистский телеологизм, касающийся неизбежности наступления коммунистического будущего, так и саму по себе схему, согласно которой новая система социальных взаимоотношений способна возникнуть лишь строго определённым образом³⁶⁰. Именно данный аспект мысли Альтюссера, получивший распространение значительно позже процесса формирования различных постальтюссерианских течений, в конечном итоге позволяет нам проследить общую генеалогию данных направлений политической философии, созданных с целью качественного обновления современной политической теории как таковой. Последующий выход альтюссерианской традиции за пределы непосредственно самой марксистской системы мысли касался уже критики исходных догматов учения Маркса, тормозящих развитие леворадикальной критики капиталистических отношений.

Вместе с этим нельзя не заметить, что помимо общих оснований между подходом самого Альтюссера и ультраполитической традицией понимания революционного потенциала широких масс существуют существенные различия, связанные с особенностями пересечений между экономикой и политикой как самостоятельными категориями. В противовес рассмотрению экономической структуры классового господства того или иного установленного порядка Лаклау и Муфф выступали с критикой альтюссеро-экономического эссенциализма, противоречащего его же концепции свехдетерминации, ориентированной на политическую перестройку непосредственно экономического базиса³⁶¹. Важным дополнением к описанию подхода постальтюссерианцев является их ставка на дискурсивный анализ политического процесса, который интерпретируется

³⁶⁰ Althusser L. Machiavelli's Solitude // Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. P. 120.

³⁶¹ Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Boston, Brill, 2009. P. 50.

ими сквозь призму символической борьбы за осуществление гегемонии³⁶². То есть многочисленные дискурсивные практики, охватывающие всё пространство человеческих взаимоотношений, становятся главным объектом политической борьбы между различными группами, каждая из которых стремится к воплощению собственного плана установленных границ. На контрасте с идеями представителей лингвистического поворота в истории современной философской мысли, исходные постулаты альтюссеррианской теории не касались вопросов политического дискурса зачастую затмевающих собой необходимость захвата сугубо материальных аппаратов политической власти³⁶³.

Затрагивая современные дискуссии о преодолении дискурсивных ловушек постструктуралистской традиции, альтюссеровское понимание природы политического способно не только качественно дополнить современные постальтюссеррианские течения, но и в контексте нынешнего поворота к новому материализму, может быть переосмыслено за счёт критики корреляционистских иллюзий классической западной метафизики как таковой³⁶⁴.

³⁶² Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso, 2001. P. 153.

³⁶³ Так, критикуя подход А. Грамши, связанный с необходимостью воздействия на умы пролетарских масс путём массовой интеллектуализации, Альтюссер подчёркивает неустойчивость общественного мнения, способного к радикальнейшим изменениям в случае непредвиденных обстоятельств; Althusser L. *Marx in his Limits // Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978-1987*. London; New York: Verso, 2006. P.146.

³⁶⁴ Ревев Й. Введение в исчисление сред // *Логос*. 2020. №5 (30). С. 8-9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования были подробно рассмотрены ключевые аспекты политико-философской традиции структуралистского марксизма, особенности её исторической генеалогии и возможные направления для дальнейшей переинтерпретации отдельных положений данного направления мысли. Отвергнув экономическую идеологию классического марксизма, сторонники альтюссерианской системы мысли не только стремились к созданию максимально точного знания о классовой структуре конкретного капиталистического общества, но и в итоге поспособствовали выходу собственной парадигмы за пределы марксизма как такового. Высвобождение непосредственно политической критики внутри марксистского интеллектуального течения повлекло за собой разрушение традиционного экономического детерминизма, в той или иной мере свойственного практически всем объединениям последователей К. Маркса. Последующий выход многих избранных альтюссерианцев за пределы марксистской ортодоксии был связан как с общим кризисом традиционных моделей политической философии, построенных на концептах универсальной истории, так и с поиском самой ключевой детерминанты, способной к точному описанию всех аспектов политической реальности.

Под термином «структуралистский марксизм» в данной работе рассматривалась широкая философская традиция, сформировавшаяся под влиянием идей французского философа Л. Альтюссера, что в дальнейшем выразилось в размежевании отдельных его сторонников по причине переинтерпретации ключевых постулатов исходной философской мысли. В процессе проведения исследования автором была предложена собственная классификация различных вариаций постальтюссерианской политической философии, направленная на уточнение позиций сторонников той или иной ветви рассматриваемого учения. Итоговое содержание обоих направлений постальтюссерианства касалось различия в подходах к определению

политического как необходимого элемента любого революционного переустройства существующей действительности. Необходимость политизации всех возможных сфер общественной жизни в этом смысле отделила сторонников спинозистской линии постальтюссеризма непосредственно от теоретиков ультраполитики, подчеркивающих антагонистический характер политики как противостояния организованных единств.

Проведённое исследование показало, что в процессе развития политической философии XIX века господство экономической интерпретации политического процесса являлось неотъемлемой чертой тогдашней интеллектуальной культуры, сопровождающейся окончательным оформлением капиталистического способа производства. То обстоятельство, что марксизм использовал в качестве критики существующих отношений наиболее влиятельные научные и философские теории тех лет, позволило проследить историческую ограниченность учения К. Маркса. Последующие попытки преодоления границ марксистской экономической идеологии, построенной на необходимости естественного отмирания политики посредством направленного движения в сторону коммунистического общества, осуществлялись как среди последователей Маркса, так и со стороны противников его системы мысли. В этом плане проект структуралистской переинтерпретации марксизма также изначально возник в качестве попытки внутренней самокритики среди избранных последователей учения немецкого мыслителя, что в дальнейшем привело к созданию собственного политико-философского течения, преодолевшего ряд ограничивающих сегментов исходного источника. Мыслители, выступившие с целью обоснования необходимости примата политики по отношению к экономической структуре, такие как Л. Альтюссер, Ж. Рансьер или Э. Балибар, стремились обосновать решающий фактор непредвиденных обстоятельств в контексте многочисленных дискуссий о назначении политики.

В рамках настоящего исследования автором был произведён анализ политической философии Л. Альтюссера на предмет качественного изменения базовых оснований марксистской интеллектуальной традиции. Несмотря на то, что в исходном положении целью французского философа являлось обновление революционного потенциала учения Маркса за счёт достижений современной эпистемологии, последующий кризис структуралистского движения обернулся пересмотром Альтюссером своих первоначальных позиций. В процессе обращения взгляда мыслителя к сочинениям Н. Макиавелли, сопровождающегося поиском основ для новой материалистической философии, Альтюссер пришёл к необходимости создания собственного концепта понимания сферы политического. В итоге посредством критики телеологических представлений о государстве и идеологии философ разработал материалистскую теорию политического процесса, исходящую из логики непредвиденных обстоятельств каждой конкретной конъюнктуры, способной к переформатированию всей структуры за счёт возможных действий определённого ассамбляжа коллективных практик.

Материалистский характер политической философии Альтюссера наследовался им не только от Маркса как представителя второго поколения материалистов, но и от ряда философов XX века, таких как М. Хайдеггер или Л. Витгенштейн, которые напрямую не относились к философскому материализму, что, однако, не помешало им внести существенный вклад в развитие поздних материалистических онтологий. Отталкиваясь от подробного рассмотрения широкого корпуса текстов Альтюссера, многие из которых стали доступны уже после смерти мыслителя, в процессе проведения исследования была выявлена жёсткая корреляция его политической философии с алеаторным материализмом, являющимся, по мнению ряда исследователей, базисом философской мысли Альтюссера вообще.

Прослеживая историческую генеалогию альтюссерианства как течения,

автором был сделан прогноз, касающийся будущего развития данного направления мысли. Согласно изложенной точке зрения возможное будущее интеллектуального наследия Альтюссера, прошедшего сквозь переосмысление среди ряда его бывших учеников и последователей, неизбежно будет связано с антагонистической традицией понимания феномена политического, противостоящей как современным формам социально-гуманистической технократии (акселерационизм), так и леворадикальным вариациям множественной отчуждённости (постанархизм).

Наконец, при проведении исследования была выявлена общая специфика постальтюссерианской парадигмы в современной политической философии. Начало данной совокупности различных воззрений было положено в процессе критики школы структуралистского марксизма со стороны бывших последователей и учеников Л. Альтюссера, отвергнувших некоторые положения исходной теоретической базы. Образцовым показателем переосмысления ключевой составляющей альтюссерианской системы мысли является спинозистское направление постальтюссерианцев, возникшее вследствие актуализации политической мысли Спинозы, имеющей некоторую степень важности для антигегельянского посыла структуралистского марксизма как течения. Учитывая, что с начала политической практики 1968-го года те или иные формы политического протеста всё больше приобретали множественный характер, ускользающий от традиционных форм социальной классификации, представители спинозистской линии сконцентрировались на поиске современного революционного субъекта, избавленного от недостатков предыдущих форм революционной субъектности (народа или пролетариата). Итоговый концепт «множества», характеризующейся переплетением многочисленных идентичностей, объединённых общей задачей создания новой системы коллективной жизни, использовался отдельными мыслителями в качестве наиболее выгодной политической стратегии, направленной против всемирной капиталистической Империи.

В противоположность спинозистской множественности теоретики

ультраполитического направления постальтюссерианской мысли выступили против возврата к телеологическому мышлению, характерному для марксистской ортодоксии. Вместо сопротивления объединённой совокупности идентичностей общему противнику в лице глобальной Империи, сторонники ультраполитики вернулись к антагонистической модели политической жизни, которая в их случае приобретает статус первопричинности по отношению к социальной сфере как таковой. То есть политика как самостоятельная сфера не только наделяется качествами базовой составляющей человеческих взаимоотношений, но и однозначно рассматривается в качестве синонима многочисленных форм низового протеста, способного к радикальному переформатированию окружающей действительности. В случае подхода Ж. Рансьера политика рассматривалась в контексте противостояния полиции как классифицирующей системы социального ранжирования, в то время как, следуя точке зрения Э. Лаклау и Ш. Муфф, политику стоит расценивать в качестве временного закрепления силы победившей стороны. Другими словами, различные направления постальтюссерианской мысли различаются между собой как по причине концентрации на различных аспектах творчества Альтюссера и всех близких к нему теоретиков, так и за счёт критического подхода ко всей марксистской традиции вообще.

В целом, несмотря на серьёзный критический настрой большинства бывших последователей Альтюссера в отношении его системы мысли, итоговое сравнение сходств и различий между отдельными направлениями структуралистского марксизма позволило автору сделать вывод о продолжении жизни данного направления в сочинениях ряда современных политических мыслителей, тексты которых затрагивают большинство актуальных вопросов политической жизни современного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**Литература**

- 1) Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 274 с.
- 2) Автономова Н.С. Этапы идейной эволюции Луи Альтюссера // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М.: Наука, 1987. С. 187-234.
- 3) Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
- 4) Алексеева Т.А. Предмет политической философии // Полис. Политические исследования. 1992. №3. С. 173-180.
- 5) Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 623 с.
- 6) Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. // Неприкосновенный запас. 2011. №3 (77).
- 7) Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 392 с.
- 8) Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005. 175 с.
- 9) Альтюссер Л. Преобразование философии // Неприкосновенный запас. 2012. № 5.
- 10) Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016. 350 с.
- 11) Арендт Х. Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью.

Октябрь 1964 г. // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. С. 3-23.

- 12) Арон Р. Пристрастный зритель. М.: Праксис, 2006. 416 с.
- 13) Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 608 с.
- 14) Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 384 с.
- 15) Арон. Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 873 с.
- 16) Балаян А. А., Томин Л. В. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки, 2018. № 1. С. 88-94.
- 17) Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
- 18) Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. 192 с.
- 19) Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. М.: Социум, Cato Institute, 2009. 408 с.
- 20) Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. 272 с.
- 21) Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- 22) Вагнер П. Социальная теория и политическая философия // Логос. 2008. №6. С. 56-72.
- 23) Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 158 с.
- 24) Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: ИФ РАН, 1996. 263 с.

- 25) Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
- 26) Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- 27) Гароди Р. Марксистский гуманизм. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 294 с.
- 28) Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М.: РОССПЭН, 2011. 398 с.
- 29) Гашков С.А. Этьен Балибар: «Равносвободие» и вызовы современности // ТОPOS: философско-культурологический журнал. 2015. №2-3. С. 121-134.
- 30) Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель. Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4. 440 с.
- 31) Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель. Сочинения. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7. 378 с.
- 32) Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищешанское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
- 33) Гобозов И.А. Луи Альтюссер – выдающийся философ марксист XX века: Аутентичное прочтение Маркса. М.: ЛЕНАНД, 2015. 120 с.
- 34) Грамши А. Избранные произведения: Т.3. М.: Изд. иностранной литературы, 1959. 565 с.
- 35) Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.
- 36) Грецкий М.Н. Марксистская философия в современной Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 182 с.
- 37) Гуторов В.А. Ещё раз о ценностях и «Капитале» // Полис. Политические

исследования. 2020. №3. С. 126 – 143.

- 38) Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. Политические исследования. 2001. №3. С. 157-167.
- 39) Делёз Ж. Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
- 40) Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. 186 с.
- 41) Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- 42) Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 240 с.
- 43) Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. 114 с.
- 44) Жижек С. Ирак: История про чайник. М.: Праксис, 2004. 218 с.
- 45) Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
- 46) Й. Терборн. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.
- 47) Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.
- 48) Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
- 49) Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
- 50) Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.

- 51) Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории // Сост. Т. Анташев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
- 52) Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур. М. : Эксмо, 2008. 1200 с.
- 53) Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
- 54) Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 69-80.
- 55) Корсаков С.Н. Проблема философии в марксизме (Россия – СССР, первая треть XX века) // Философия и идеология от Маркса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция. С. 301 -317.
- 56) Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с.
- 57) Курилович И.С. Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля–Гуссерля–Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. 224 с.
- 58) Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. №4-5 (39). С. 54-57.
- 59) Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1-120.
- 60) Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 85 с.
- 61) Лефорт К. Формы истории: Очерки политической антропологии. СПб.:«Наука», 2007. 340 с.
- 62) Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Социум, ЛКИ, 2017. 456 с.
- 63) Любутин К.Н., Шихардин Н.В. Альтернатива Луи Альтюссера:

неомарксистский выбор. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. 120 с.

- 64) Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. 503 с.
- 65) Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, М.: Издательство политической литературы, 1955. Т.8. С. 115-217.
- 66) Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, М.: Издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 219-368
- 67) Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. 272 с.
- 68) Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. 908 с.
- 69) Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9-32.
- 70) Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858) // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 46, ч. 2. 244 с.
- 71) Маркс К. Нищета философии. М.: Издательство «Э», 2016. 160 с.
- 72) Маркс К. О книге Листа «Национальная система политэкономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1955. Т. 42. С. 230-256.
- 73) Маркс К. Речь о свободе торговли // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 404-418.
- 74) Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. М.: Политиздат, 1980. 1216 с.

- 75) Маркс К. Теории прибавочной стоимости. (4-й том «Капитала»), Ч. 1. М.: Политиздат, 1978. 476 с.
- 76) Матвеев И.А. Альтюссер: политика теории // Неприкосновенный запас. 2012. № 85.
- 77) Матвеев И.А. Ангажированность как характеристика политического знания (концепции Л. Альтюссера, М.Фуко, Ч.Р. Милса): диссертация кандидата политических наук: 23.00.01. М, 2013. 149 с.
- 78) Матвеев И.А. Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 69-74.
- 79) Наумова Е.И. Проект марксистской диалектики Л. Альтюссера // Вестник Волгоградского университета, 2013. Сер. 7, Филос. №1 (19). С. 14-17.
- 80) Негри А. Антисовременность Спинозы // Логос. 2007. №2 (59). С. 101-115.
- 81) Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма // Избранные труды: В 5 т. Т. 1. Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2014. 592 с.
- 82) Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм // Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014. 467 с.
- 83) Перцева А.А. Историзм и субъективация: от Фуко к Рансьеру и обратно // История философии, 2017. Т.22. №1. С. 92-105.
- 84) Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Политиздат, 1938. 208 с.
- 85) Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна. М.: Аспект Пресс, 2009. 487 с.
- 86) Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: «Вече», 1999. 652 с.

- 87) Политическая теория в XX веке / под ред. А.В. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. 416 с.
- 88) Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 384 с.
- 89) Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
- 90) Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
- 91) Регев Й. Введение в исчисление сред // Логос. 2020. №5 (30). С. 1-22.
- 92) Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
- 93) Рисмухамедов И.А. Концепции идеологии А. Грамши и Л. Альтюссера и их рецепция в современном неомарксизме: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.01. СПб, 2003. 223 с.
- 94) Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 256 с.
- 95) Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
- 96) Самарская Е.А. Понятие практики у К.Маркса и современные дискуссии (диалектика объективного и субъективного в истории). М.: Наука, 1977. 225 с.
- 97) Саркисянц А.А. Место события: устройство политического у Жака Рансьера // Социология власти. 2016. №4 (28). С. 14-34.
- 98) Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академический проект, 2008. 222 с.
- 99) Сахарова Т.А. Марксизм и гуманизм (по материалам дискуссии во французском журнале «La Nouvelle critique» 1965–1966) // Вопросы

философии. 1966. № 8.

- 100)** Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2006. 101 с.
- 101)** Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. М.: Астрель, 2009. 156 с.
- 102)** Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. №3. С. 143-152.
- 103)** Скопин Д.А. Проблема равенства в философии Жака Рансьера // Вестник НГЛУ, 2011. №16. С. 249-254.
- 104)** Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1-3. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 544 с.
- 105)** Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 4-5. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 704 с.
- 106)** Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах // Ред. Мысливченко А.Г. М.: Наука, 1984. 608 с.
- 107)** Срничек Н, Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
- 108)** Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. №28(2). С. 7-20.
- 109)** Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
- 110)** Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
- 111)** Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. 379 с.
- 112)** Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

- 113) Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- 114) Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- 115) Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
- 116) Шихардин Н.В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. 2008. Т. 6. вып. 3. С. 166-171.
- 117) Шихардин Н.В. Социальная философия Роже Гароди: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2000. 148 с.
- 118) Шихардин Н.В., Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма // Вестник Самарского университета, 2009. С. 11-17.
- 119) Шмитт К. Диктатура. М.: РИПОЛ классик, 2020. 440 с.
- 120) Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. 568 с.
- 121) Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.
- 122) Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение Т. 11, № 3, 2012. С. 12-25.
- 123) Шумпетер Й. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. 496 с.
- 124) Шумпетер. Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 400 с.

Литература на иностранных языках

- 1) Almond G.A. Political Theory and Political Science // The American Political Science Review. 1966. V. 60. № 4. P. 869-879.
- 2) Althusser L. History and Imperialism: Writings, 1963-1986. Cambridge:

Potity Press, 2020. 191 p.

- 3) Althusser L. Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. 136 p.
- 4) Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London; New York: Verso, 2014. 285 p.
- 5) Althusser L. Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978-87. London; New York: Verso, 2006. 299 p.
- 6) Althusser L. The Future Lasts Forever. A Memoir. New York: The New Press, 1993. 365 p.
- 7) Althusser L. The Humanist Controversy and Other Writings (1966-67). London; New York: Verso, 2003. 318 p.
- 8) Althusser L. The Spectre of Hegel: Early Writings. London; New York: Verso, 1997. 264 p.
- 9) Althusser L. What Is To Be Done? Cambridge: Polity Press, 2020. 101 p.
- 10) Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. 439 p.
- 11) Amin S. Spectres of Capitalism: A Critique of Current Intellectual Fashions. New York: Monthly Review Press, 1998. 158 p.
- 12) Balibar É. Masses, Classes, Ideas: Studies on Politics and Philosophy Before and After Marx. New York; London: Routledge, 1994. 250 p.
- 13) Balibar É. Politics and the Other Scene. London; New York: Verso, 2002. 176 p.
- 14) Balibar É. Spinoza and Politics. London; New York: Verso, 2008. 137 p.
- 15) Balibar É. Spinoza, the Transindividual. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. 196 p.
- 16) Benton T. The Rise and Fall of Structural Marxism. Althusser and his influence. London; Basingstoke: Macmillan, 1984. 259 p.

- 17) Bidet J. Exploring Marx's Capital: philosophical, economic and political dimensions. Boston, Brill, 2007. 327 p.
- 18) Bruschi F. A Necessary but Impossible Political Practice: Althusser between Machiavelli and Marx // Historical Materialism. № 28 (1), 2020. P. 85-113.
- 19) Brushi F. A Dislocation without a Subject. Althusser, Laclau and Spinoza // Rev. Filosofía Univ. Costa Rica, LVIII (152), 2019. P. 83-93.
- 20) Busk A.L.; Portella E. Who are the true Machiavellians? Althusser and Merleau-Ponty Reading The Prince // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, 2017. № 29(3). P. 405-415.
- 21) Callinicos A. Althusser's Marxism. London: Pluto Press, 1976. 133 p.
- 22) Curcio A., Özselçuk C. On the Common, Universality, and Communism: A Conversation between Étienne Balibar and Antonio Negri // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, 2010. № 22 (3). P. 312-328.
- 23) Davis O. Jacques Ranciere. Cambridge: Polity Press, 2010; Resistance in Practice: The Philosophy of Antonio Negri / edited by Murphy T.S., Mustapha. London: Pluto Press, 2005. 217 p.
- 24) Democracy, anarchism and radical politics today: An interview with Jacques Rancière by Todd May, Benjamin Noys & Saul Newman // Anarchist Studies, 2008. Vol. 16, №2. P. 173-185.
- 25) Dosse F. History of Structuralism. Volume 1: The Rising Sign, 1945-1966. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1997. 459 p.
- 26) Elliott G. Althusser: The Detour of Theory. Boston: Brill Academic Publishers, 2006. 435 p.
- 27) Encountering Althusser. Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought // Edited by Diefenbach K., Farris S.R., Kirn G., Thomas P.D. London; New York; New Delhi: Bloomsbury, 2013. 382 p.

- 28) Erdem E. Althusser's Relation to Hegel: French Hegelianism, Marxism, and Aleatory Materialism // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2019. № 31 (3). P. 380-401.
- 29) Ferretter, L. *Louis Althusser (Routledge Critical Thinkers)*. London; New York: Taylor & Francis, 2006. 194 p.
- 30) Fourtounis G. On Althusser's Immanentist Structuralism: Reading Montag, reading Althusser, reading Spinoza // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2005. № 17 (1). P. 101-118.
- 31) Goshgarian G.M. The Void of the Forms of Historicity as Such // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2019. № 31 (3). P. 243-272.
- 32) Hewlett N. Badiou, Balibar, Ranciere. *Re-thinking Emancipation*. New York: "Continuum Publishing group" 2007. 179 p.
- 33) Ípola de E. *Althusser, The Infinite Farewell*. Durham; London: Duke University Press, 2018. 156 p.
- 34) Jameson F. *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. London, New York: Verso, 1992. 295 p.
- 35) Jay M. *Marxism and Totality*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 576 p.
- 36) Kelly M. *Modern French Marxism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1982. 240 p.
- 37) Kolakowski L. Althusser`s Marx // *Socialist Register*, 1971. № 8. P. 111 – 128.
- 38) Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialistic Strategy*. London, New York: Verso, 2001.198 p.
- 39) Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Boston, Brill, 2009. 327 p.

- 40) Levine A. *A Future for Marxism? Althusser, the Analytical Turn and the Revival of Socialist Theory*. London; Sterling; Virginia: Pluto Press, 2003. 188 p.
- 41) Levine A. *Althusser's Marxism // Economy and Society*, 1981. №10 (3). P. 243-283.
- 42) Marchart O. *Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou and Laclau*. Edinburgh University Press, 2007. 198 p.
- 43) May T. *The Political Thought of Jacques Rancière. Creating Equality*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 196 p.
- 44) Mitchell W., Wray R.L., Watts M. *Macroeconomics*. London: Red Globe Press, 2019. 604 p.
- 45) Montag W. *Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War*. Durham; London: Duke University Press, 2013. 246 p.
- 46) Montag W. *Althusser's Lenin // Diacritics*. 2015. №2. P. 48-66.
- 47) Montag W. *Louis Althusser*. New York: Palgrave, 2002. 172 p.
- 48) Morfino V. *Althusser as Reader of Gramsci // Rev. Filosofía Univ. Costa Rica*, 2019. № 152. P. 15-27.
- 49) Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014. 187 p.
- 50) Mouffe C. *On the Political*. London; New York: Routledge, 2005. 144 p.
- 51) Mouffe C. *The Return of the Political*. London; New York: Verso, 1993. 156 p.
- 52) Navarro F. *An Encounter with Althusser // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 1998. № 10 (30). P. 93-98.
- 53) Negri A. *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 367 p.

- 54) Negri A. *Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse*. London: Pluto Press, 1991. 248 p.
- 55) Negri A. *The Savage Anomaly: the Power of Spinoza's metaphysics and politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. 277 p.
- 56) Nowak J. Louis Althusser's Critique of the Communist Party and the Question of the Postrevolutionary State // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2017. № 29 (2). P. 234-255.
- 57) *One Dimensional Marxism: Althusser and the Politics of Culture* / edited by S. Clark. New York: Schocken Books, 1980. 102 p.
- 58) Pippa S. Althusser against Functionalism. Towards the concept of overinterpellation // *Rev. Filosofia Univ. Costa Rica*, 2019. №152. P. 53-65.
- 59) Pippa S. Althusser with Machiavelli: 'Thinking the Deed to Be Accomplished' as a New Materialist Practice of Philosophy // *Stasis*, 2019. №8(2). P. 94-119.
- 60) Pippa S. Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of "Political Interpellation" // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2015. №31(3). P. 363-379.
- 61) Poster M. Althusser on History without Man // *Political Theory*, 1974. № 2 (4). P. 393-409.
- 62) *Postmodern Materialism and the Future of Marxist Theory: Essays in the Althusserian Tradition* / edited by Callari A. and Ruccio D.F. Hanover: Wesleyan University Press, 1996. 384 p.
- 63) Rancière J. *Althusser's Lesson*. London; New York: Continuum, 2011. 224 p.
- 64) Ricoeur P. *Lectures on Ideology and Utopia*. New York: Columbia University Press, 1986. 353 p.
- 65) Schmidt A. *History and Structure. An Essay on Hegelian-Marxist and Structuralist Theories of History*. Cambridge: Massachusetts Institute of

Technology, 1981. 146 p.

- 66) Simons M. Althusser, Foucault and French Epistemology // *Pulse: A Journal of History, Sociology and Philosophy of Science*, 2015. № 3. P. 62-77.
- 67) Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. Leiden; Boston : Brill, 2020. 558 p.
- 68) Stolze T. Deleuze and Althusser: Flirting with Structuralism // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*. 1998. №10 (3). P. 51-63.
- 69) Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 214 p.
- 70) Strauss L. *Thoughts on Machiavelli*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1958. 348 p.
- 71) *The Challenge of Carl Schmitt* / edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. 212 p.
- 72) *The Concept in Crisis. Reading Capital Today* // Edited by Nesbitt N. Durham; London: Duke University Press, 2017. 320 p.
- 73) *The Return of Grand Theory in the Human Sciences* // Edited by Skinner Q. Cambridge; New York; Sydney: Cambridge University Press, 1985. 215 p.
- 74) Thomas D.P. *The Gramscian Moment: philosophy, hegemony, and Marxism*. (Historical materialism book series). Boston: Brill, 2009. 477 p.
- 75) Thompson E.P. *The Property of Theory: Or an Orrery of Errors*. London: Merlin Press, 1995. 303 p.
- 76) Žižek S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London; New York: Verso, 2012. 1056 p.

Источники на электронных носителях

- 1) Day R. E. The Aleatory Encounter and the Common Name: Reading Negri Reading, Althusser // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0196859911416503> (дата обращения: 30.04.2021).
- 2) Decalages. An Althusser Studies Journal // URL: <https://scholar.oxy.edu/decalages/> (дата обращения: 25.05. 2021).
- 3) Democracy, Oppression, and Universality: an Interview with Étienne Balibar // URL: <https://www.versobooks.com/blogs/3518-democracy-oppression-and-universality-an-interview-with-etienne-balibar> (дата обращения: 09.04.2021).
- 4) Hegemony and Socialism: An Interview with Chantal Mouffe and Ernesto Laclau // Palinurus: Engaging Political Philosophy // URL: <https://anselmocarranco.tripod.com/id68.html> (дата обращения: 10. 05. 2021).
- 5) Viparelli I. Reflecting on the Limits of Marxian Topography with Althusser and Negri // Décalages URL: <http://scholar.oxy.edu/decalages/vol2/iss1/26> (дата обращения: 30.04.2021). P. 15.
- 6) Грамши А. Революция против «Капитала» // Электронная библиотека «Нестор». URL: http://libelli.ru/magazine/98_3/i.htm (дата обращения: 14.03.2021).
- 7) Рансьер Ж. Народ или множества? // Неприкосновенный запас, 2018. №6 // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/6/narod-ili-mnozhestva.html> (дата обращения: 26.04. 2021).